ISSN 2336-2642
MK ČR E 22424

Paradigmata Poznání

№ 4, 2018

ZAKLADATELÉ
Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o.
Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických a společenských věd

Šéfredaktorka – doc. **Ilona G. Dorošina**,
CSc. (kandidát věd v oboru psychologie)

Mezinárodní redakční rada

prof. **V. Boicov**, DrSc. (profesor v oboru informační systémy – Riga, Lotyšsko)
M. Banasik, Ph.D. (doctor v oboru humanitní vědy – Varšava, Polsko)
doc. PhDr. **V. Srb**, Ph.D. (docent v oboru politologie – Kutná Hora, Česká republika)
doc. **A. N. Vernigora**, CSc. (docent v oboru biologie – Penza, Rusko)
B. Ivanovská, Ph.D. (doktor v oboru sociologie – Varšava, Polsko)
doc. PaedDr. **V. Hajkova**, (docent v oboru pedagogike – Praha, Česká republika)
doc. **M. Kamp**, Ph.D. (doktor v oboru historie – Wyoming, USA)
PhDr. **E. Kašparová** (doktor v oboru sociologie – Praha, Česká republika)
prof. **N. G. Khayrullina**, Ph.D. (profesor v oboru sociologie – Tjumeň, Rusko)
doc. **L. Krejčová**, Ph.D. (docent v oboru psychologie – Praha, Česká republika)
prof. **P. N. Kobets**, Ph.D. (profesor v oboru právo – Moskva, Rusko)
prof. **A. V. Korotayev**, Ph.D. (profesor v oboru historie – Moskva, Rusko)
U. R. Kušaev, Ph.Dr., (doktor v oboru filosofie – Taškent, Uzbekistán)
prof. PhDr. **J. Liďák**, CSc. (profesor v oboru mezinárodní vztahy – Kutná Hora, Česká republika)
prof. **N. V. Miťjukov**, Ph.D. (profesor v oboru stavitelství – Iževsk, Rusko)
doc. PhDr. **M. Sapík**, Ph.D. (docent v oboru filosofie – Kolín, Česká republika)
T. Sigmund, Ph.D. (doktor v oboru filosofie – Praha, Česká republika)
M. Szuppe, PhD. (doktor v oboru historie – Ivry-sur-Seine, Francie)
prof. Ing. **J. Tancošová**, Ph.D. (profesor v oboru ekonomie – Bratislava, Slovensko)
RNDr. **P. Zamarovsky**, (doktor v oboru přírodní vědy – Praha, Česká republika)

Recenzenti

doc. **Michail A. Antipov,** CSc. (docent v oboru filosofie – Penza, Rusko)
Maksim S. Fomin, CSc. (docent v oboru filosofie – Novosibirsk, Rusko)
doc. **Inessa O. Karelina,** CSc. (docent v oboru pedagogike – Rybinsk, Rusko)
doc. **Irina V. Kazanskaya,** CSc. (docent v oboru ekonomie – Dubna, Rusko)
doc. **Valeriy N. Lusev,** CSc. (docent v oboru historie – Penza, Rusko)
doc. **Natalia V. Osipová,** CSc. (docent v oboru sociologie – Penza, Rusko)
prof. **Andrey V. Zatonsky,** Ph.Dr. (profesor v oboru stavitelství – Berezniki, Rusko)

Interdisciplinární vědecký časopis «Paradigmata poznání» publikuje společensko-humanitární, technické a přírodní vědy

Časopis je indexována podle:

- Russian Science Index (Rusko)
- Global Impact Factor (Australia)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- Cite Factor (Canada)
- General Impact Factor (Indie)
- Scientific Journal Impact Factor (Indie)

Impact Factor:

- Global Impact Factor – 0,884

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2018.
© Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických
a společenských věd, 2018.

ISSN 2336-2642
MK ČR E 22424

Paradigms of knowledge

№ 4, 2018

THE FOUNDERS
The science publishing center «Sociosphere-CZ», Academia Rerum Civilium – University of Political and Social Sciences

Editor-in-Chief – Ilona G. Doroshina,
candidate of psychological sciences, assistant professor

International editorial board

prof. **V. Boicov**, DrSc. (Information Systems – Riga, Latvia)
M. Banasik, Ph.D. (Humanities – Warsaw, Poland)
assistant professor PhDr. **V. Srb**, Ph.D. (Politology – Kutná Hora, Czech Republic)
assistant professor **A. N. Vernigora**, Candidate of Biological Sciences (Penza, Russia)
B. Ivanovska, Ph.D. (Sociology – Warsaw, Poland)
assistant professor PaedDr. **V. Hajkova**, (Education – Prague, Czech Republic)
associate professor **M. Kamp**, Ph.D. (History – Wyoming, USA)
PhDr. **E. Kashparova**, (Sociology – Prague, Czech Republic)
prof. **N. G. Khayrullina**, Doctor of Sociological Sciences, (Tyumen, Russia)
assistant professor **L. Krejcova**, Ph.D. (Psychology – Prague, Czech Republic)
prof. **P. N. Kobets**, Doctor of Law, (Moscow, Russia)
prof. **A. V. Korotayev**, Doctor of History, (Moscow, Russia)
U. R. Kushaev, Doctor of Philosophy, (Tashkent, Uzbekistan)
prof. PhDr. **J. Lidak**, CSc. (Political science – Kolin, Czech Republic)
prof. **N. V. Mityukov**, Doctor of Technical Sciences, (Izhevsk, Russia)
assistant professor PhDr. **M. Sapik**, Ph.D. (Philosophy – Kutná Hora, Czech Republic)
T. Sigmund, Ph.D. (Philosophy – Prague, Czech Republic)
M. Szuppe, Ph.D. (History – Ivry-sur-Seine, France)
prof. Ing. **J. Tancosova**, Ph.D. (Economics – Bratislava, Slovakia)
RNDr. **P. Zamarovsky**, (Nature Sciences – Prague, Czech Republic)

Reviewers

Michail A. Antipov, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor (Penza, Russia)
Maksim S. Fomin, Candidate of Philosophical Sciences (Novosibirsk, Russia)
Inessa O. Karelina, Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor (Rybinsk, Russia)
Irina V. Kazanskaya, Candidate of Economical Sciences, assistant professor (Dubna, Russia)
Valeriy N. Lusev, Candidate of Historical Sciences, assistant professor (Penza, Russia)
Natalia V. Osipova, Candidate of Sociological Sciences, assistant professor (docent v oboru sociologie – Penza, Russia)
Andrey V. Zatonsky, Doctor of Technical Sciences, Professor (Berezniki, Russia)

Interdisciplinary scientifi c journal «Paradigmata poznání»
publishes articles socio-humanitarian, technical and natural sciences

The journal is indexed by:
- Russian Science Index (Russia)
- Global Impact Factor (Australia)
- Research Bible (China)
- Scientific Indexing Services (USA)
- Cite Factor (Canada)
- General Impact Factor (India)
- Scientific Journal Impact Factor (India)

Impact Factor:
- Global Impact Factor – 0,884

© Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o., 2018.
© Academia Rerum Civilium – Vysoká škola politických a společenských věd, 2018.

OBSAH

Teorie a analýza

FILOZOFICKÉ VĚDY

Sapik M.
Filosofie v kontextu dějin politického myšlení Philosophy 11

Eshchanova N. R.
Factors and necessities of national spirituality relations 17

Sultanova N. E.
Social-philosophical features of love types 21

Усманов М. Ш., Юсупов С. А.
Справедливость – стержневая идея проводимых в Узбекистане реформ 25

POLITICKÉ VĚDY

Sorby K. R.
Blízký východ: nežádoucí následky necitlivé globalizace 33

Idirov U. Yu.
Strengthening of interrelation between globalization, security and democratic development in the contemporary world 46

Бекмуратов И. Н.
Предел совместимости социокультурных особенностей и демократии в мирном процветании и возрождении Китая 50

Эшмурадов А. Т.
Обеспечение духовной безопасности общества – как фактор обеспечения безопасности и стабильности в Узбекистане 55

Empirický a aplikovaný výzkum

TECHNICKÉ VĚDY

Смышляева М. Ю.
Метрологические требования для аккредитованных испытательных лабораторий 60

HISTORICKÉ VĚDY

Хизбуллина Р. З., Адельмурзина И. Ф., Мусина А. Н.
Изучение краеведческих особенностей малой родины по туристско-рекреационной карте (на примере Дюртюлинского района Республики Башкортостан) 64

EKONOMICKÉ VĚDY

Nikolova M., Linkova M.
Coordinating participant relations in the organization and functioning of regional farmer's markets in Bulgaria 68

FILOZOFICKÉ VĚDY

Филинова Н. П., Кондратьева С. Б.
Этика и ее значение в формировании морального облика сотрудника правоохранительных органов 82

UMĚNOVĚDA

Ахундова Н. А.
Мемориальные памятные сооружения аранской архитектурной школы 89

Гаджиева М. А.
Новые элементы и мотивы, созданные народными мастерами на ворсовых коврах Азербайджана 94

Гаджиева С. З.
Образность в живописных произведениях народного художника Джалила Гусейнова 101

Гусейнова Н. А.
Основные особенности оформления надгробных памятников Джалилабада и Ленкорани 105

Садыгов С. Г.
Факторы совместимости городской среды и монументальной скульптуры Азербайджана 109

Тутаюк С. Д.
Строение орнаментально-декорной композиции и цветовое оформление религиозных памятников зодчества 113

SOCIOLOGICKÉ VĚDY

Saydaliyeva N., Nazirov M.
Features of the state youth policy in Uzbekistan 117

POLITICKÉ VĚDY

Razakov A. A.
Administration of W. B. Clinton and republican majority in Congress..... 121

Schulz M.
The Skripal case: was it a provocation or an attempt to avoid the “Responsibility”? 126

Akademický život

Rules for authors 128

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2018–2019 годах 130

Информация о научных журналах 132

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 133

CONTENTS

Theory and analysis

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Sapik M.
Philosophy in the Context of the History of Political Philosophy Thought 11

Eshchanova N. R.
Factors and necessities of national spirituality relations 17

Sultanova N. E.
Social-philosophical features of love types 21

Usmanov M. Sh., Yusupov S. A.
Justice is the core idea of reforms in Uzbekistan 25

POLITICAL SCIENCE

Sorby K. R.
Middle East: undesirable consequences of insensitive globalization 33

Idirov U. Yu.
Strengthening of interrelation between globalization, security and democratic development in the contemporary world 46

Bekmuratov I. N.
Boundary of compatibility of sociocultural features and democracy in peaceful prosperity and revival of China 50

Ishmuradov A. T.
Providing spiritual security of the society – as a factor of providing security and stability in Uzbekistan 55

Empirical and applied research

TECHNICAL SCIENCES

Smyshlyaeva M. J.
Metrological requirements for the accredited testing laboratories.....60

HISTORICAL SCIENCES

Khizbullina R. Z., Adelmurzina I. F., Musina A. N.
Studying of the local history of the small homeland by the tourist-recreational map (on the example of Dyurtyulinsky district of the republic of Bashkortostan) 64

ECONOMICS

Nikolova M., Linkova M.
Coordinating participant relations in the organization and functioning of regional farmer's markets in Bulgaria 68

FILOZOFICKÉ VĚDY

Filinova N. P., Kondrateva S. B.
Ethics and its importance in shaping the moral character of a law enforcement officer.....82

ART STUDIES

Akhundova N. A. Memorial constructions of arran architectural school 89

Hajiyeva M. A.
New elements and motifs on Azerbaijani carpets created by folk carpet makers 94

Khadjiyeva S. Z. Imagery in picturesque compositions of National artist Jalyl Guseynov..... 101

Huseynova N. A. The main features of the arrangement of gravestones of Jalilabad and Lankaran..... 105

Sadigov S. G. Factors of compatibility of urban environment and monumental sculpture of Azerbaijan 109

Tutayuk S. J.
Structures and color solutions of the ornamental decor compositions in religious architectural monuments..... 113

SOCIOLOGICKÉ VĚDY

Saydaliyeva N., Nazirov M.
Features of the state youth policy in Uzbekistan 117

POLITICKÉ VĚDY

Razakov A. A.
Administration of W. B. Clinton and republican majority in Congress 121

Schulz M.
The Skripal case: was it a provocation or an attempt to avoid the “Responsibility”? 126

Academic life

Rules for authors..... 128

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Kazakhstan, Uzbekistan, and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2018–2019..... 130

Information about scientific journals..... 132

Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 133

Teorie a analýza

Filozofické vědy

UDK 101.1

FILOSOFIE V KONTEXTU DĚJIN POLITICKÉHO MYŠLENÍ

M. Sapík

Ph.Dr., docent, prorektor pro vědy a výzkum,
e-mail: sapik@vspsv.cz,
Academia Rerum Civilium –
Vysoká škola politických a sociálních věd,
Kutná Hora, Česká republika

PHILOSOPHY IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF POLITICAL PHILOSOPHY THOUGHT

M. Sapik

Ph.Dr., assistant professor,
Vice-Rector for Sciences and Research,
e-mail: sapik@vspsv.cz,
Academia Rerum Civilium –
College of Political and Social Sciences,
Kutná Hora, Česká republika

Abstract. The problem of defining and at the same time adequate use of philosophical potential is very difficult. Political thinking has a number of theories and problems in the history of history that have been and will be dealt with at different times and perhaps even quite different levels. Today's company addresses several important issues. Interestingly, some of them have been repeated for several centuries and are still up to date and sometimes unmanageable for every new company. The present moment is a sign of a new phenomenon, which is globalization, and it is generally possible to say that we can begin with the beginnings of the 1960s.
Keywords: philosophy; political thinking; society; personalities; civil society; political philosophy.

V současné době se mj. také mluví o globalizující se společnosti, která je ovlivněna informacemi, spotřebou a zvýšeným zájmem o moderní technologie. Už málokdo se dnes obejde v pracovním nebo osobním životě bez různých technických a technologických prostředků. Do jisté míry se jedná o usnadnění a zlepšení našich možností a způsobu komunikace.

Poněkud jiná situace je ve filosofii, která se ve své podstatě zabývá vzájemným vztahem a možnostmi konkrétních otázek a odpovědí na ně. Tato tradice je jasně starší, než uváděná globalizace, ale jedno mají společné. Tím je snaha po porozumění a pochopení významu ve zcela konkrétní době a v situacích. Není vůbec snadné jednoznačně řešit výzvy v naší době. Je celá

řada různých vlivů, které musí člověk a společnost prožít. Otázka po samotném významu a vysvětlení filosofie zaměstnala celou řadu myslitelů, kteří se snažili dát jednoznačnou odpověď na tuto nelehkou otázku. Proto známe v kontextu dějin filosofie osobnosti, které se po dlouhá staletí snažily podat adekvátní vysvětlení k tomu co je a čím je filosofie pro život samotného člověka a jak ovlivňuje jeho způsob života v konkrétní době.

Jedno je však jisté hledači moudrosti či badatelé jsou ve většině případů akademičtí pracovníci a nejen, že se změnilo označení těchto jednotlivců, ale i přibyla další svízel, v podobě vědeckého hodnocení každého jedince v této sféře. Zřejmě vědeckou výkonnost antičtí myslitele neřešili a jaké dosahovali úspěchy. Ovšem, v dnešní době se mnozí předhánějí, budou-li úspěšnější v grantové činnosti, která není objektivně hodnocen ani podle úrovně návrhů projektů, ale mnohdy souvisí se zcela vedlejšími atributy a skvělými kontakty s rozhodčími vědeckosti nebo zda se na základě výjimečného kontaktu podaří prosadit impaktovanou vědeckou studii. To jsou takové přízemní starosti každodennosti v určitém oboru. Ubylo tolerance a vzájemné spolupráce a nastoupilo v pravém smyslu slova freudovské ego.

Postupně mizí i klasické dělení filosofie na jednotlivé směry, které se dostaly do popředí zájmu na počátku dvacátého století. K těmto směrům patří existencialismus, hermeneutika, fenomenologie, filosofie existence, filosofie jazyka, filosofie vědy a další. Typickým prvkem současného filosofického myšlení je akceptace přírodních věd a prvky exaktnosti. Metodologicky se v současném filosofickém myšlení jednoznačně prosadila aplikace exaktních věd. Což bezpochyby souvisí s celkovým přístupem k hodnocení vědy v českém akademickém prostředí. Snahu o zavedení přírodních věd do filosofie nacházíme už např. u Descarta a později u Husserla. Svět přesně měřitelného a jednoznačně prokazatelného, co nelze interpretovat více možnými způsoby, ale existuje jen jeden možný přístup, který nelze ničím zpochybnit a libovolně měnit.

Dnes se nejedná už jen o volnou interpretaci myšlenek, ale o důsledný a vysoce abstraktní způsob myšlení, který se navíc řídí někým stanovenými pravidly. Vysvětlení je nasnadě – všechno už někdy lidé řekli. Neznáme nic nového. A tím se můžeme vrátit i k tomu, co řekl Whitehead o celkovém stavu ve filosofii, asi v tom smyslu, že moderní filosofie není nic jiného, než specifický systém poznámek Platonovi a jeho systematickému myšlení. Jeho způsob myšlení tím pádem nebyl vlastně překonán a snažíme se i v dnešní době o zevrubnou reinterpretaci jeho názorů a podstatných rysů filosofického myšlení.

Řada současných filosofů, pokud je můžeme tímto označením titulovat, se pokoušeli a snaží o nové a přitom velmi zajímavé myšlenkové abstrakce, které vystihují a dále posouvají hranice lidského myšlení v kontextu se vzorem, kterým je Platón, ovšem jedná se o jeden malý nedostatek, nikdo z nich už není tento koryfej antického světa. Druhý, stejně tak nepřekonatelný problém je v tom, že Platón byl první, kdo v možnostech tehdejšího lidského myšlení vyložil filosofii jako systém, který je spoluvytvářen několika souvisejícími okolnostmi a jen někteří jsou schopni vidět rozdíl mezi myšlením a míněním. Je zajímavé, že v průběhu vlastních dějin filosofie se jednotlivci i zaměřené skupiny zabývaly stále novými problémy, které vycházely buď z jejich zájmu o nepoznané, nebo navazovaly na předcházející vývoj filosofického myšlení a jejich snaha byla zaměřena na sumarizaci předcházejících výsledků ve filosofickém bádání. Jsou známá

i celá hnutí, která se pokusila o změnu stávajících podmínek a to i ve společnosti. Jako příklad můžeme uvést osvícence a ještě dříve humanisty. Jejich snaha byla na tehdejší dobu velmi zásadní a jejich některé počiny ovlivnily další společenský vývoj a jejich učení mají vliv až do současnosti (např. Ch. de Montesquieu, J. Locke, J.-J. Rousseau). Přínosem jejich působení jsou teorie společnosti, teorie státu, uspořádání moci ve státě a jiné filosofické a teoretické názory, které přenesli do vlastní vědecké práce v podobě různých děl a pojednání. Konkrétně princip přerozdělení moci ve státě, které pochází od Ch. de Montesquieho, má vlastní opodstatnění i v dnešních demokratických systémech v Evropě. Lockův požadavek na kontrolu ve vztahu k moci výkonné a zákonodárné nacházíme i v současných politických systémech. „Sókratés dospěl k názoru, že pro lidskou bytost je nejvyšším dobrem každodenní diskuse o ctnosti – byť zjevně nedává naději na nalezení jakékoli její zcela uspokojivé definice. Pokud však hledáme nejpropracovanější a nejméně dvojsmyslnou odpověď na tuto vskutku životní otázku, měli bychom se obrátit k Aristotelově Etice. Tam kromě jiného čteme, že existuje ctnost prvního řádu, zvaná ušlechtilost – návyk jedince dělat si nárok na vysoké pocty pro sebe sama s vědomím, že si je zasluhuje. Zde také čteme, že pocit hanby není ctností, že je vhodný pro mladé lidi, kteří se pro svou nezralost nedokáží vyhnout chybám, ne však pro zralé a dobře vychované muže, kteří prostě vždy jednají vhodně a správně. … Vždyť filosofie založená na víře už není filosofií. Snad právě tento nerozřešený spor vždy bránil západnímu myšlení dojít klidu. Snad právě tento spor tkví v základech způsobu myšlení, jež sice je filosofické, ale už ne řecké: v moderní filosofii. A právě snaha pochopit moderní filosofii nás přivádí k Machiavellimu“ [1, s. 65]. Dnes již téměř zapomenuté řecké myšlení by bylo vhodné oživit i v dnešní době. Postrádáme každodenní diskusi o ctnosti, mnozí ani netuší, co to je, a už vůbec se o ní nedá mluvit v rámci současného politického dění u nás. Trochu jiná situace je ve vztahu k Aristotelově Etice ve smyslu ušlechtilosti, protože každý člověk si údajně vše zasluhuje a má patřičné sebevědomí na to, co dosáhl, mnohdy spekulacemi. Hanba ta chybí v plném rozsahu a nejen pro mladé lidi, ale i pro mnohem starší. Jednoznačně, víra se nedá spojit s filosofií za účelem vzniku lásky k moudrosti. Vzájemnost vztahu mezi filosofií a vírou tvoří nikdy nekončící hlubinu v dějinách západního filosofického myšlení. Každá perioda řešila tento spor mezi myšlením a vírou. O jejich vzájemném postavení napovídají samotné kulturní dějiny a osobnosti filosofického myšlení od středověku do současnosti. „Filosofie jakožto pokus o přechod od mínění k vědění, je však nutně spojena se sférou mínění, a tím se sférou politiky, jako se svým hlavním východiskem. Politická sféra tak musí být postavena do ohniska filosofického zájmu, jakmile filosofie začne reflektovat své vlastní počínání. Aby mohla plně pochopit svůj vlastní účel a svou povahu, musí filosofie pochopit své hlavní východisko, tedy povahu politických záležitostí“ [1, s. 62–63]. Mínění, které je spojeno s oblastí politiky, je vždy konkretizováno v prostředí určité společnosti a její vyspělosti. Neexistuje sama politika, sama filosofie, ale vždy obě oblasti jsou v podmínkách vývoje lidského myšlení a vztahuje se k bezprostředním událostem, které ovlivňují dění jedinců. „Obhájit opodstatnění filosofie před tribunálem politického společenství znamená obhájit její opodstatnění v intencích daného politického společenství, tj. s použitím takového druhu argumentů, které osloví nikoli filosofa jako takového, nýbrž občana jako takového“ [1, s. 63]. Samotné obhájení je však dlouhou a velmi nesnadnou cestou v životě a vývoji dané společnosti, protože společnost musí

být vychována k tomu, že respektuje obecně závazné zákony a pravidla pro život v dané společnosti. Tento požadavek se po dlouhém procesu a zmítání podařil prosadit v prostoru řecké společnosti, konkrétně - řecké polis. „Ve své politické filosofii pak filosof vychází z onoho chápání politických záležitostí, které bylo vlastní politickému životu předfilosofickému. Skutečnost, že určitý zvykový postoj nebo určitý způsob jednání je všeobecně chválen, je zpočátku dostatečným důvodem, aby takový postoj nebo způsob jednání byl považován za ctnostný“ [1, s. 64]. Obecně platí, že na počátku filosofie byl údiv, který vychází z podstaty neměnného jsoucna a bytí. Oprostit se z nepravdy a nejasnosti je schopnost člověka milujícího moudrost klást otázky a smažit se na ně odpovídat. Není to lehký způsob, ale ten, který dokáže schopnost lidského mínění převést do fáze myšlení a přemýšlení o snad běžných věcech lidského života. V dějinách politického myšlení se však objevil člověk, který dokázal narušit celou tradici dosavadního politického dění. „Právě Machiavelli je totiž oním jediným politickým myslitelem, jehož jména se začalo obecně užívat k označení politiky jistého druhu, politiky, která existuje a bude existovat nezávisle na jeho přičinění a kterou charakterizuje to, že se řídí pouze ohledy výhodnosti a že užívá jakýchkoli prostředků, poctivých i nepoctivých, dýky i jedu, aby dosáhla svého cíle(…), ale také aby zneužila vlasti k sebeoslavě politika, státníka nebo některé strany. … Machiavelli se jeví jako osobnost, která se rozešla se všemi předchozími politickými filosofy. Existují závažné důkazy na podporu tohoto tvrzení. Jeho největší politické dílo se však okázale pokouší obnovit starověkou Římskou republiku; dalek toho, aby byl radikálním novátorem, je Machiavelli obnovitelem něčeho starého a zapomenutého“ [1, s. 66]. Je všeobecně známá skutečnost, že se Machiavelli nijak netajil se svými názory, které směřovaly ke vzoru republiky římského typu. O tom svědčí i mnohá jeho pojednání, které ovšem na druhou stranu vypovídají o dokonalé znalosti prostředí a zvyklostí římského způsobu života. Způsob, jakým lze dosáhnout stanovené cíle je poněkud odlišný od všech předchozích myslitelů, kteří ba naopak přičítají k Machiavellimu cyničnost, krutost a lest. Stačí mít před sebou to zásadní, že účel světí prostředky a vše, co děláme, je jen pro vlastní užitek a výhodu před ostatními. Jeho odklon od všech předchozích tradic je nasnadě. Nikdo z jeho předchůdců nestavěl oblast politického myšlení jen na kultu Římské republiky. To je pro Machiavelliho v celém dějinném vývoji především typické. Tradice, která vychází po Machiavelliho smrti, má poměrně odlišný charakter, který se promítá do respektování římského státu, zákonů a obřadností obecně. Jak uvádí L. Strauss: “Abychom mohli stanovit naše východiska, podívejme se nejprve na dva postmachiavellistické myslitele, Hobbese a Spinozu. Hobbes považoval svou politickou filosofii za zcela novou. Ba více než to, odmítal i představu, že před vznikem jeho práce existovala nějaká politická filosofie nebo politická věda hodná toho jména. Považoval se za vlastního zakladatele pravé politické filosofie. Samozřejmě věděl, že politická nauka nárokující si pravdivost existovala již za Sókrata“ [1, s. 66]. Hobbesovo politické myšlení je zcela specifické v kontextu období novověku. Jeho smyslem bylo vytvoření absolutistického systému v čele s panovníkem, kde nejvyšší autoritou je samotný stát. Razantně oddělil politiku od náboženství. To, co je zajímavé, je jeho vztah k římskému právu a státu. I když základy jeho teorie státu vychází z filosofického podkladu, vylučuje možnost jakékoli další participace jiných oborů do kontextu teorie státu. Jasným příkladem je jeho stěžejní dílo

Leviathan. Naopak Spinoza, jenž v rámci evropského racionalismu, zakládá své základy politického myšlení na jedincích, kteří nabírají zkušenosti a vytvářejí nové teorie.

Ale vraťme se k Machiavellimu. „Machiavelli se nezabývá tím, jak lidé skutečně žijí, jen kvůli tomu, aby to popsal; jeho záměrem je spíše na základě poznatků o skutečné podobě lidského žití poučovat vladaře o tom, jak by měli vládnout, a dokonce jak by měli žít. Proto takříkajíc reviduje Aristotelovu Etiku. Do jisté míry uznává pravdivost tradičního učení; lidé jsou povinni žít ctnostně v aristotelovském smyslu. Odmítá však myšlenku, že ctnostný život je život šťastný či ke štěstí vedoucí“ [1, s. 69]. Poznání způsobu života jedinců je prvním a důležitým předpokladem úspěšné vlády. Vladař by měl dokonce poznat, jak by jeho lidé měli žít a svého panovníka respektovat. Ctnostný život není smyslem lidského snažení, ale způsob, jak ukázat možnost pevné vlády a fungujícího státu. H. Jonas v tomto smyslu uvádí: „Jaký je tedy budoucí dosah politické odpovědnosti, jež na rozdíl od rodičovské nemá žádný konečný termín, daný povahou objektu, ale na druhou stranu ji trápí převaha kauzálního dosahu nad dosahem předběžného vědění, ve významných případech tedy na sebe vždy bere víc než lze ještě jednajícímu člověku výslovně přisoudit?“ [2, s. 177]. Důležitost politické odpovědnosti je daná rovněž celkovou úrovní politické kultury společnosti. V prostředí politické odpovědnosti vždy vítězí kauzalita nad příčinností. Tento princip je formovaný lidskou přirozeností a neobvyklou snahou jednat v něčí prospěch. Člověk však nemůže přisoudit sobě samotnému víc, než je schopen zvládnout vlastními silami. A to je stejné i v politickém prostředí libovolné společnosti. Navíc lidskou společnost ovládají jisté vlivy, které mnohdy většině lidí jsou nepoznatelné a nemají možnost ovlivnit jejich iniciativy. Stěžejním prvkem moderní společnosti jsou média a jejich smysluplné využití ve prospěch nebo neprospěch společnosti. Vliv médií se ukazuje v našem každodenním životě, v předvolebním klání politických stran a hnutí, v získávání prvotních informací o různých událostech, politických přestřelkách, důležitých společenských událostech a kulturních aktivitách v různých oblastech.

Nedílnou součástí života společnosti je také náboženství, o kterém Machiavelli píše velmi racionálním způsobem. „Podstata toho, co Machiavelli píše nebo naznačuje o náboženství, není původní. Jak ukazuje již používání termínu ´náboženské společenství´ pro označení náboženství, jde Machiavelli cestou averroismu, tj. cestou těch středověkých aristoteliků, kteří jako filosofové odmítali dělat nějaké ústupky zjevenému náboženství. Zatímco podstata Machiavelliho učení o náboženství není původní, jeho způsob rozvíjení těchto myšlenek je velmi důmyslný. Machiavelli de facto neuznává žádnou theologii kromě theologie občanské, která slouží státu, která má, či nemá být státem podle okolností využívána. Naznačuje, že se lze obejít i bez náboženství, vládne-li silný a schopný monarcha. Tím ovšem naznačuje, že v republikách je náboženství nepostradatelné“ [1, s. 82]. I v této otázce je Machiavelli velmi nekompromisní. Náboženství spojuje se společností, kterou tvoří lidé. Jsou to právě lidé, u kterých potřeba náboženství vzniká a jedná se v tomto případě o zcela přirozený jev. Ovšem nebyl by to Machiavelli, který by vhodným způsobem nespojil probíranou otázku náboženství se státem. Náboženství má sloužit státu, když je potřeba a rovněž i nemusí. Podle vzniklých okolností. V jistém případě nahrazuje neochvějnou vládou samotné náboženství i monarcha. A na druhou stranu v případě republiky je tento fenomén zásadní a potřebný. Lidé od

náboženství nemohou být odlučováni a nelze jim upírat tuto nezbytnou a historicky fungující orientaci. Ale i v podstatě základy náboženství spatřuje bez všech ohledů v římském prostředí s konkrétně aktivní účastí a činností M. Furia Camilla. „Camillova neskrývaná pýcha ukazuje, jak Machiavelli s jistotou věděl, že existuje něco většího než Camillova velikost. Navíc Camillus nebyl ani zakladatel ani objevitel nových způsobů a řádů. Řečeno poněkud jinak, Camillus byl velmi důstojný Říman a, jak ukázal Machiavelli ve své komedii Mandragora, lidský život vyžaduje i trochu lehkomyslnosti. V této komedii chválí Lorenza de Medici za to, že uměl střídat vážnost s lehkomyslností ve zdánlivě nemožné kombinaci – v kombinaci, kterou Machiavelli považuje za chvályhodnou, neboť přechodem od vážnosti k lehkomyslnosti a naopak člověk napodobuje proměnlivou přírodu“ [1, s. 83]. Machiavelli vždy pro konkretizaci používá silnou a výjimečnou osobnost, která dokázala vždy v určité době zásadním způsobem ovlivnit a rovněž stanovit řád a pořádek s cílem spokojenosti a příkladu pro všechny následující generace. Ohlas těchto výjimečných osobností přetrvává až dodnes, kdy se obracíme do minulosti ke kýženým případům.

Závěr. Výjimečnost politické filosofie je dán dobou a smyslem vnímání. Neexistuje žádný důležitý moment, který by určoval nutnost a zásadní důležitost existence jedné teorie, která by pokrývala celá období. V textu se ukazuje, že tímto problémem se zabývala celá řada autorů v různých dobách a zároveň, všichni měli možná podobná mínění o významu politické filosofie, jiní si stáli pevně za svou vlastní vizí, která byla podle nich jediná možná v dané době.

Bibliografický seznam

1. Strauss, L.: Eseje o politické filosofii. Oikoymenh, Praha 1995.
2. Jonas, H.: Princip odpovědnosti. Oikoymenh, Praha 1997.

© Sapík M., 2018.

UDK 130.2

FACTORS AND NECESSITIES OF NATIONAL SPIRITUALITY RELATIONS

N. R. Eshchanova

Teacher,
ORCID 0000-0002-0027-4912,
e-mail: gulchehra_3@mail.ru,
Tashkent State Pharmaceutical Institute,
Tashkent, Uzbekistan

Abstract. National spiritualties, especially, factors of idea of independence and relations of great imperia's colonies are researched in the article. In spite of that fact, the author contemplates the dangers and pressure on the national spirituality. In particular, they express opinions not on the sustainable development of different nationalities of the process, but on the contradiction between their mutual contradictions and, as a consequence, on the issue of the crisis of nationalism.

Keywords: nationality; spirituality; 'mass culture'; threat; progress; idea; ideology; conflict; factor; necessity; law.

The most important factor for the sustainable development of national spirituality is the fact that it is practically equitable. But this is not easy. Because national spiritual needs are always growing and developing. It is an indicator of the development of each nation. The crisis of national-spiritual needs also means that the nation has stopped developing. The problem is that the growing spiritual needs of the nations are a great deal. It is not possible to satisfy it completely. Therefore, it will be possible to create a sustainable development of national spirituality only by balancing the national spiritual needs with the levels of progression of the times.

Interaction and mutual enrichment of national spirituality is based on its natural laws, not only in the development of every nation's spirituality but also on the formation, development and improvement of universal spirituality on its ground.

The contradictions arising from the interactions of national spiritualties are related to the processes taking place in the developed countries. The main problem in this process is the decline in natural growth of the titular nations in the developed countries and their replacement for migrants' rewards. At the same time, the need for working population in Western Europe is rising. According to predictions, the decline in the number of workable population by 1995 was 225 million, but it might down to 223 million by 2025. According to the United Nations reports, Europe needs to double the number of emigrants abroad, so that its population can survive today [1, p. 123].

Actually, migration, which based on the needs of labour force, is an objective process. However, in countries where has a decline in the population's internal resources and the fact that they are replaced by immigrants from other countries cause a number of conflicts, they are causing great concern in developing countries. Immigrants, who come developed countries, bring their culture, traditions, and even their language with them. It can be seen that they have tendency to learn spiritualties which are related with families, homeland, but not their language, customs, traditions [1, p. 124].

Therefore, it is necessary to look for factors that help to preserve the existing nations and their spirituality and effectively use them.

According to us, these factors are followings:

- It does not matter if a country is developed or developing or not, if a country is poly-ethnical, there should be a guarantee of freedom and independence for nationalities, legal support in a real life;
- Formation of the culture of interethnic communication and its improvement, taking into account the growing problems facing mankind today;
- Despite developing or not of customs, traditions, and values of nations, followings should be supported: a) equality; b) mutual recognition; c) mutual respect; d) intercultural dialogue can not be exerting pressure on one another and achieve interoperability.

In the history of human development, peoples, nations have lived in different regions. They have formed their culture and spirituality in areas where they have lived. However, with the increasing awareness of their identity and their intellectual capacities, cooperation in the field of culture and spirituality is far ahead of their development. Most importantly, as a result of their cooperation, science, culture, technology, technology and humanity have developed in the world.

As Ulugbek Saidov correctly states, every nation has its own way of development. As Chinese thinkers say, 'There are no rocks on the highways. It's the only risk when you stroll along.' However, the research of the human mind can not be completely contradictory [2, p. 56].

Creating a culture of interethnic communication plays an important role in the mutual positive interaction and enrichment of cultures. Surprisingly, in the wake of the advancement of historical progress, interethnic dialogue is getting rough rather than developing. When they are looked from the outside, they are not seen. However, the search for the basis of the global problems that arise in the world is characterized by the increasingly weakening of this equality, independence and interreligious dialogue. This is also reflected in the national spirituality.

Nowadays, in the interethnic dialogue, there is a growing tendency to promote negative attitudes in the place of values, such as mutual positive interaction and mutual enrichment, rather than overwhelmingly self-centred contradictions, and promoting the positive aspects of others' ignorance and the most stingy spiritualties. That is why the struggle for the preservation of each nation and the 'purity' of its own national spirituality and the influence of other spiritualties has reached the level of self-organization of the development of national traditions.

In the present day, tolerance-based partnership of the national spirituality is the basis for their sustainable development. This change in the spirituality of the nations would not have been possible without imagination and understanding, of other nations' spiritualties. But this does not mean the national contradictions, but rather their diversity and beauty.

Every nation develops its spirituality with its consciousness, its outlook and soul. That is why it acts in the life of the nation as an important source of pride and pride of the nation. As H. B. Saitkhodjaev pointed out, 'on the basis of the national pride of every nation, there is a feeling of respect for national dignity, respect, honour, wealth and development. This feeling is like a person's individual dignity. As the nations' self-awareness processes are improving, national interests and national values will be strengthened. The intensification of national values should not lead to the national dictatorship, national selfishness, the interests of their own nation, and the ignorance of the interests of other nations and peoples. In essence, national values are not only preserved in a narrow circle, but also by the achievements of other nations' values, and are renewed and developed throughout their lives' [3, p. 42].

The danger of this process is that it is not noticeable from the outside. It seems that national spirituality is being enriched by external influences. At the beginning of its life, nation's wealthy 'intellectuals', 'businessmen' and 'merchants', using their own capacities, bring the pagan traditions, morals, and spirituality of the nation's spirituality, which are hated by West, but the content of which is now widespread in the West, as a kind of innovation.

In our opinion, this process is driven by the following factors: initially, as a result of implementation of the policy aimed at the destruction of our national spirituality in the Soviet era, the vacuum our nation's spirituality, its outlook and self-esteem, the joint use of the opportunity of our nation's representatives has yielded good results. Especially the fact that our national-spiritual revival becomes a priority in the policy of the state is a key factor in achieving great success today.

However, despite the continued policy pursued by the state, 27 years after independence, the feeling of being satisfied with the achievements of many peoples in the course of time has also been formed. Now they are in the forefront of leadership of our national spirituality; secondly, because of independence, unlike the Soviet era, freedom, independence, and respect for democratic values, all forms of violence, such as harassment, coercion, our nation's representatives have become practical. It can be said that they have played an important role in the early stages of our national spiritual revival.

Our compatriots became free, self-consciousness, spiritual revival, and the opportunity to enjoy their material and spiritual wealth. However, in the course of time, in their spirituality, that freedom has led to a feeling of indifference, neglect, even irresponsibility to the present and future of its national spirituality. Those who have such feelings are the newest representatives of our nation, who have grown up from our nation, who have greatly contributed to the way of enriching of national values, not by enriching national spirituality with their own land. Whatever, their way of expressing their 'I', even if it contradicts our national etiquette, for them necessary one is that must be a new thing, according to them, people will not recognize them and they will know who they are.

As E. Yusupov put it right, 'Although the national oriental essence of our spirituality always stabilizes, positive lessons learned from western experience in this field are also important for us. For us, in the case of a market economy, western countries are eager to take full advantage of science and technology. Of course, in the spiritual life of western countries, there are many aspects that are not compatible with our national and religious beliefs. Our youth must not be influenced on them, and younger generation should enrich our spirituality' [4, p. 41–42].

Unfortunately, many aspects of the West's, which are contradicting our national spirituality, are entering. The most dangerous thing is that not only our young people, but also some of our compatriots, who have a life experience, participate in this process. In preventing such a dangerous process, according to our opinion, that it is necessary to develop mechanisms to strengthen the national spirituality, and not to 'democracy', which will have a negative impact on the development of our national culture. This responsibility should help our people to harmonize our heritage, our spirituality and the progressive aspects with Western spirituality.

Today's threats to the development of our national culture are creating internal conflicts in the spiritual progress. It is impossible to achieve sustainable national spiritual progress without preventing them. Because these conflicts are not only within the spirit of some nations, but they also lead to the loss of values such as the positive interaction and enrichment of national spirituality.

Abstaining from the negative effects of national feelings can contribute to the enrichment of national spirituality in the prevention of interethnic conflicts. Any attempt to settle national conflicts not only for interethnic instability but also for the interethnic relations, threats to the sustainable development of the domestic political life of the poly-ethnic countries and the emergence of interethnic conflicts.

Bibliography

1. Глобализация и культурное многообразие. – М., 2011.
2. Saidov U. Sharq va Garb: madaniyatlar tutashgan manzillar. – Tashkent : Yangi avlod, 2008.
3. Ma'naviy qadriyatlar va ularning tarbiyaviy ahamiyati. – Tashkent: O'zbekiston respublikasi IIV Akademiyasi, 2003.
4. Yusupov E., Abdurahmonov F. Ma'naviy kamolot – mustaqil taraqqiyotimizning asosiy omili. – Tashkent : O'zbekiston respublikasi IIV Akademiyasi, 1999.

© Eshchanova N. R., 2018.

УДК 177.61

SOCIAL-PHILOSOPHICAL FEATURES OF LOVE TYPES

N. E. Sultanova

Scientific researcher, senior teacher,
e-mail: nadira.sultanova.83@mail.ru,
Tashkent Architectural Building Institute,
Tashkent, Uzbekistan

Abstract. This article analyzes the views of Western and Eastern thinkers on love.
Keywords: kindness; love; morality; values; happiness.

Connectivity love with social relationships and personal inner feelings do not deny it relatively independent identity. Based on this, every social event a relatively independent system for internal and external communication requires identifying and analyzing the intensive and extensive external communication of love, it forms to ensure their consideration as a certain system. You can not always adequately express direct social occasions, especially species sensitive inner feelings. Most often they are, especially in philosophy, expressed in terms of certain concepts. Hegel pointed out that the notion of expressing social events and sensitive sense of community there, originality and singularity [1, p. 105].

But in this community, identity and especially appear its types, forms, internal and external communication [2, p. 58].

The concepts make it possible views about love, the study of different products and their different classifications. But, based on their research and tasks we distribute the following types:

1. Archaic species;
2. Mythological form;
3. The theological views;
4. Hedonistic types;
5. Capitalist types;
6. Egostatic forms;
7. Ethnic Views;
8. Social forms;
9. Altrustic views;
10. General forms.

These types can be described as more and more, but the above are not enough for the disclosure of the scientific objectives and targets set by us.

Among the people who began to live a primitive groups, tribes, the public, had to have a special archaic relationship, not like today. Without such a relationship, they would not be able to save his life from the wilderness, and in the future would not be able to create a culture and civilization. Archaeological kind of love revealed in the person of his devotion to the tribe, his family, in the unconditional submission of their customs, norms and in joint charge of the one who broke the rules and customs data.

As the M. Kosven noted, protection of custom and tribal norms, duty and honor was a sacred task [1, p. 106]. If blood was shed by a member of the tribe, that vengeance was the duty of the other members of the tribe.

Devotion tribe detected and in the initiation of humanism.

Customs called “initiation” equally applies to both boys and girls, and were regarded as a sign of devotion to his tribe members of society. Man or woman, passed the test of patience if they are knocked out teeth or inserted brand, thus they became real members of the tribe [2, p. 61]. Such loyalty to the tribe, if you can call today's terms – is the love of the people and the homeland. In the 30s of the last century, Professor

M. Honey, conducting anthropological observations in New Guinea, determines the safety of the archaic tribal humanism arapesh," mundugomora, yales. For example, people from the mundugomor tribe during sexual relations became very aggressive and revealed it openly [3, p. 19]. Even if they wanted to harm his neighbor, then he will openly entered into sexual relations. According to Mead, men and women do not discontinuance are no longer any movements or behaviors on the floor, they quench their sexual thirst as they wanted. They "love is expressed in the form of scratching and beating" [4, p. 82].

Of course, such practices can not be called positive, but they are custom formed in the tribe "mundugumara".

In addition, women mundugumara would give birth to a boy, but men wanted a girl. If child was born unwanted, they were wrapped in its bark and thrown into the water.

In our opinion, to love and take care of the newborn it is considered the responsibility of the ideal parent. But primitive customs were not always humanistic.

In Samoa, the men of the island tribes reveal his love unusual, rather aggressively, in the form of rape or theft of girls.

In this regard, M. Mead concluded that modern love based socio-ethical standards and related to modern man, were not known Samanids [2, p. 62]. We want to see an archaic kind of love remained in primitive society, although in real life, sometimes there are people who are prone to masochism and a maniacism. His love, or rather your pet feeling they bring to the rape. On this occasion, you can give a lot of examples in criminology. In the mythological form of love are close and friendly relations between the worlds of images themselves or with ordinary people.

Mythological characters have incredible strength, energy and feelings. But they also want to love, to be loved, especially want to enter into an intimate relationship with humans. In Greek mythology, Aphrodite and her son Cupid portrayed as images bearing the love of human souls. Aphrodite excites the love of gods and men, thereby controlling the entire world. Nobody, not even the gods are unable to contradict her orders. As depicted in mythology, Aphrodite pretty, beautiful, clear as the head, with wavy golden hair and expresses the eternal young person. And when she walks in her fragrant clothes and his beautiful gait, the sun shines brighter and the flowers bloom fully.

Even the animals of the forest run to her, and when she wanders through the forest, then the birds gather around it, lions eager to her, tigers and bears obey and worship her.

Proud of its sparkling beauty, Aphrodite walks freely among wild animals. Goddess space Orita and Harith always in the service of her [1, p. 108].

People, both conventional and creative still interested mythological images such as Aphrodite, Venus, Eros. Such mythological creatures discontinuance are no longer as images in ancient Egypt, Hatokulte, Ehnogone, ancient India and Rama City, in Turkic nations Laili and Majnun, Tahir and Zuhra, love and Garib Shahsanam. Love is in the form of mythology nice sense of calling and passion, presenting love. On this Y. B. Rjurikov writes that the ancient heroes of thought on how to enjoy each other. While love had individual features, such as the fact and was not a love, but only passed on the kind of love.

Whatever it was, in the form of mythological stories of love we meet, motifs and images from archival primitive forms. The gods, the idols, the asuras, divas and Peri have the originality of feelings. They love as well as people who are loved and fought for

his beloved. To prove their love, they even gave their lives and were not afraid to anger the gods. Man's true love brings myth to human souls.

Theological kinds of love associated with religious representations and images in views. In totemism, animism, shamanism, polytheism and manotenizme you can see a person's love for religion, gods, divine images, sacred writings and places. If the Chinese people worshiped Confucius and turned it into their faith, and expressed this love inherited dogmas and trained teachers, and the people of Europe to Jesus and Islam in the Muslim East Magomed and Islam.

According to Doctor of Philosophy, Professor Ibrahim Karimov "In all religions, including Islam and Christianity many ideas, which prevent the appearance of zoological instinct in the human psyche, causing the appearance of the human qualities of cosmic personalities having levels of excellence in all sectors. They play the role of an exemplary school for the common people".

Thus, the people express their love for religions, prophets and holy men who created them or justified.

In theological love the attention, service, senses and body turn to God. God is the main object of human love. According to Imam Gazzaly "love subjugated to Allah and obedience to his will means that they obey him, wanting his consent" [1, p. 109]. But love is not one-sided. God loves his creation. Love of Allah returned to his encouragements and forgiveness, gratitude and recognition" [2, p. 63]. In this context, a sign of love – is "the same as the favorite and do activities that do not like the beloved". We are talking about love to the creator created as well as the responsibilities and tasks. Gazzaly writes on behalf of Shibli: "People love drinking their share of box office love the land and the city for them too tight. They truly know God and fear of His Majesty, surprised his strength. Retractable in its sea of friendship and in ecstasy, yielding to him" [4, p. 83].

Of course, you can not understand it as forgetting identity. This kind of love usually hermits, poets and representatives of both Mashrab. Such love is the positive desire only when divine love is combined with human love. Exist and hedonistic view of love, where it is considered a source of ecstasy. Frome calls "erotic love". This kind of love is addressed to sexual intercourse, the use of objects and phenomena of their source of ecstasy. It is the highest aspiration of the two individuals to each other (eg, love Pertrarki Laura, Dante Biatriche, Layla Majnun). According meniyu E. Frome, lyubov real, is not limited to the two objects, and it is surrounded by other people's humanity [5, p. 44].

The hedonic approach sometimes turns into a prisoner subject to the object, drives him to empty thoughts to the idealization of a loved one. For example, the poet Petrarch Laura saw only once in twenty-three years. After seventy years, the poet never ceased to love her and to write poems in honor of her. Before his death, he admits: "I did not think about anything except her" [1, p. 112].

Hedonistic love can be seen in the harems of the Turkish sultans, among the fans to eat, interested in the accumulation of money, sports games, fishing and traveling. For example, in the harem of the Turkish sultan Selim 2 there were more than 150 women. According to him was this: "True happiness of kings and emperors not won victory or fame, and in the yard, which is full of clowns and women, in their jokes and comfort ..." [2, p. 64]. Such opinions can result from the heritage and works of French King Louis XVI, the writer the Marquis de Sade and other creative people.

In our opinion, it can not be completely destroyed and refuse hedonistic element in love. To love someone or something, the subject gives peace and spiritual comfort and

satisfaction. This is the case in humans induces a sense of overcoming the difficulties and obstacles, the goal of forming in his mind.

In addition, when it comes to the human body, we must remember how great artists loved, cherished and admired him. In the human body collected all created by nature: affection, beauty, playfulness. Getting the ecstasy of it excites the human soul, induces in him a love for life. But love is considered only as a source of ecstasy wrong. We must not forget that behind such beauty and ecstasy is man, his life, honor, ethnic and spiritual world.

Under the capitalist view of love implies the conversion of love for the goods market, in which the creative power of love and the body transformed into a commodity. According E.From writes "Modern man – has been cast around the spiritual and ethical values of Western policy, has become a stranger myself, and close to nature. In current market conditions, it should apply its vitality as an investment that generates income at the highest level".

In our view, the market economy should lead a person to live, developing their fine and noble qualities, productively using their creative powers. E.From analyzing the capitalist world, especially the United States, it concluded that the convicted person does not act positively to his feelings, dreams, ideas about life, but on the contrary, only generates consumer mood through spiritual meaningless items. The world has turned into our appetite, a big apple, a big glass, large breasts ... Our psychology has evolved into the use of the object objects, which are exchanged, bought and used. Branch of love turned into a way of life of modern man [4, p. 84]. Machines can not love, they only have the form of an exchange private package to generate revenue. And so, in a society where everything is built on finding more money, where everything – body and power, and strength, and beauty, and romance, loyalty, nobility, purity, relationships between boys and girls are being built on an artificial union and unfeeling friendship. Such alliances and friendship in a world where capital is involved, makes the most humane and noble sentiments into a source of repurchase and find richness. It is possible to give examples of cases where thousands of people, especially women and young girls have become couple-goods. People like Luddy Fleet, who made a fortune selling (couple-goods) can write a book about his "heroism" and make noise.

Bibliography

1. Fromm E. The Art of Loving. Study of the nature of love. – M. : Pedagogy, 1990.
2. Flynt L. Sex, Lies and Politics. Naked truth. – M. : AST, 2006.
3. Bogat Evgeniy. What moves the sun and light. Love in a letter of prominent people. – M. : Child literature, 1978.
4. Freelidge. Secrets of the Ottoman court. – Syolyansk, Rusich, 2004.
5. Abu Khamid Gazzaly. Mukoshavat ul-kulub. 1-part. – T. : New century generation, 2004.
6. Ibragim Karimov. Iymon va maslak tarixi. – T. : New edition, 2010.
7. Deryevyachin G. B. Criminal sexsology. – M. : Shield, 2008.
8. Kun. N. A. Legends and World of Ancient Greece. –T. : Young guard, 1986.
9. Plutarkh. Selected biography. –M. : True, 1987.
10. M. Mid. The culture and the world of childhood, images. The works. – M. : Geller. Eastern literature, 1988.

© Sultanova N. E., 2018.

УДК 324

СПРАВЕДЛИВОСТЬ – СТЕРЖНЕВАЯ ИДЕЯ ПРОВОДИМЫХ В УЗБЕКИСТАНЕ РЕФОРМ

М. Ш. Усманов *Старший научный исследователь, ORCID 0000-0002-1700-1355, e-mail: furam@list.ru,*

С. А. Юсупов *научный исследователь, ORCID 0000-0002-9201-253X, e-mail: furam@list.ru,*

Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека, г. Ташкент, Узбекистан

JUSTICE IS THE CORE IDEA OF REFORMS IN UZBEKISTAN

M. Sh. Usmanov *ORCID 0000-0002-1700-1355, e-mail: furam@list.ru,*

S. A. Yusupov *researcher, ORCID 0000-0002-9201-253X, e-mail: furam@list.ru,*

National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan,

Abstract. The article discusses the introduction of ideas and principles of fairness in public life in Uzbekistan in the course of ongoing reforms implemented within the framework of the Strategy for Action in the five priority areas of the country's development in 2017–2021. It was noted that Uzbekistan is actively implementing the priorities of the Strategy of Action, consciously goes to resolute liberal reforms, is on the way of liberalization of political, economic, social, spiritual and other spheres, the formation of an equitable civil society. It is stated that the establishment of the principles of justice, democracy, rule of law and law in the life of society, ensuring justice of justice and the adoption of fair laws, full protection of the rights of citizens, social justice, the implementation of noble ideas that «not the people should serve the state bodies, and state bodies should serve the people «- are core ideas and directions of ongoing reforms. Moreover, the population of the country is guided by such noble ideas as «today it is impossible to live the old way», «the time itself demands taking decisive measures to resolve the problems and large-scale tasks that have accumulated in all spheres of society and state life», «if we do not do it ourselves, no one will not do it for us «and» we will build our future ourselves». It is shown that the philosophy, values and tasks of these reforms are fully in tune with the ideas of a just society and fair government of many scholars, thinkers and statesmen of the East, in particular Abu Ali Hasan Ibn Tusiy-Nizomulmulka, Yusuf Balasagunsky, Abu Rayhon Biruni, Abu Nasr Farobi, Alisher Navoi, Amir Timur and others.

Keywords: justice; fair society; civil society; Strategy of action.

Идеи о справедливом государстве и обществе, справедливом законе и справедливом правосудии, соотношении справедливости и права и т. д. актуальны с точки зрения как философской, так и юридических наук. Особую остроту тема справедливости приобретает в переломные периоды общественного развития, когда осуществляются глубокие социальные изменения, влияющие на историческую судьбу народа, государства [1, с. 4]. И Узбекистан, который переживает период динамичных реформ, тоже здесь не исключение.

Проецируя внимание на философию проводимых в Узбекистане реформ, **подчеркнем, что они полностью созвучны и продолжают в новом качестве идеи о справедливом обществе и справедливом управлении государством, о котором мечтали многие наши предки – Восточные ученые и мыслители, руководители государств**. При этом достижение конкретных результатов и обеспечение интересов человека определены в качестве главной цели реформ, а сами реформы основаны на неукоснительном внедрение в жизнь следующих важнейших принципов.

Во-первых, утверждение в жизни общества принципа справедливости. Это является стержневой идеей динамичных реформ, осуществляемых в Узбекистане в рамках Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития страны в 2017–2021 годах и нацеленных на обеспечение защиты прав и свобод человека, благополучия людей, устойчивого развития, формирование справедливого и сильного гражданского общества в стране [2].

Отметим, что вопросы формирования нравственных ценностей человека, справедливости и гуманности общества, справедливости закона и правосудия, социальной справедливости интересовали как древнегреческих и древнеримских, так и восточных философов [3, с. 14–109]. **На древнем и средневековом Востоке акцент делался на построении справедливого общества,** что выражен в таких письменных памятниках истории человечества, как «Авеста», «Махабхарат» и других. Например, в «Авеста» проповедуется принцип достижения справедливости («мир справедливости») [4, с. 194], а также принцип – не думать ничего кроме правды, не говорить ничего кроме правды, не делать ничего кроме правильных поступков («присягаю Благой мысли мыслью, присягаю Благому слову словом, присягаю Благому делу делом») [5, с. 43].

Во многих философских трактатах, трудах Конфуция, Фараби, Бируни, ибн Сины, Амира Темура, Навои и других мыслителей Востока делается попытка осмысления категории справедливости и гуманности общества, проблем формирования нравственных ценностей человека, оценки баланса между такими категориями как труд и вознаграждение, преступление и наказание, права и обязанности [6, с. 867–869]. Понятие справедливости всегда ассоциировалось как символ и воплощение хорошего.

В частности, Алишер Навои считал хорошим, того человека, который справедлив. Каждый человек, каждый народ оценивает справедливость как высший эталон стремления к высокой нравственности [7, с. 19, 28]. Он призывал жить по законам справедливости, толковал справедливость не только как высшую нравственно-правовую ценность, но и как основного принципа, обеспечивающего и процветание общества, и социально-политическую стабильность, и прочность государства. Он понимал справедливость как способность отличать правду от неправды, и призывал к защите, а также обязательному наказанию виновных, контролю за равенством между людьми.

Во-вторых, народовластия и защиты законных интересов граждан, претворение в жизнь благородных идей о том, что «Не народ должен служить государственным органам, а государственные органы должны служить народу», установление прямого диалога с народом. Особое внимание уделяется принятию должностными лицами «справедливых решений» с учетом интересов простых людей, прежде всего женщин и детей, определение статуса и требования к государственным служащим, реализации

концепции «От сильного государства – к сильному гражданскому обществу», всемерному вовлечению гражданских институтов в управление делами общества и государства, укреплению института общественного контроля [2].

В данном контексте вспомним, Юсуф Баласагунский возвеличивает достохвальные свойства и пользу добрых дел, утверждает, что правитель должен обладать такими качествами, как стремление к знаниям, справедливость, правдивость и нравственность [8, с. 47, 52, 168, 183, 204, 272]. Абу Наср Фароби, подчеркивал, что правитель справедливого города должен быть: здоровым; умным и просвещенным; справедливым; мужественным и бесстрашным и т. д. [9, с. 308–321].

Абу Али Хасан ибн Тусий-Низомулмулк, говоря о справедливом управлении государством, обращает внимание на то, что беспорядок в государстве наступает тогда, когда общество не реагирует на проявления лжи, несправедливости, безнравственности и нарушения чужих прав. По его мнению, для справедливого правления нужно: правильно выбирать должностных лиц; советоваться постоянно с аксакалами и учеными, имеющими опыт и видевшими мир; постоянно контролировать исполнение указов и решений, выезжая на место; постоянно выделять из казны отдельные суммы для помощи малоимущим, вдовам, сиротам, больным и инвалидам [10, с. 16–45]. По убеждению Абу Рейхана Бируни, если правитель будет слугой народа, то это – гарантия справедливости государства. При этом он указывает на неразрывную связь между понятиями справедливости и правды – «как справедливость по своей природе вызывает одобрение, своей сущностью снискивает любовь, привлекает присущей ей красотой, точно так же обстоит и с правдой». Только тот, кто сторонится лжи и придерживается правды, достоин одобрения и похвалы [11, с. 58].

Амир Тимур в управлении государством руководствовался следующими принципами: спокойствие и мир, мудрость министров, постоянство правления и постоянный контроль за положением народа. Он говорил, что его цель – установить в государстве порядок, справедливость и спокойствие. Поэтому он старался не допускать произвола хокимов на местах, которые мучают народ несправедливыми делами и поборами, обеспечивать равенства всех перед законом [12, с. 202–203]. А. Навои ставил интересы общества превыше всего и руководствовался принципом – только тот, у кого есть мера справедливости может руководить государством.

В-третьих, верховенства закона и права, реализация принципа «Сила – в справедливости!», обеспечения справедливости правосудия и принятия справедливых законов, укрепление подлинной независимости судебной власти, обеспечение того, чтобы принципы «Служения интересам народа» и защиты прав, свобод и законных интересов граждан превратились в ценность и основную задачу правоохранительных органов.

В частности, по мнению Абу Рейхана Бируни, чтобы обеспечить справедливость в обществе, необходимо принятие справедливых законов – «составитель законов при составлении их должен поставить себе целью достижение величайших добродетелей и высшей степени справедливости» [11, с. 127]. А. Наваи считает, что справедливость характеризуется уважительным отношением и беспрекословным подчинением закону. Абу Али Хасан ибн Тусий-Низомулмулк уделяет особое внимание вопросам справедливого правосудия. Эти позиции имеют огромное значение и в наши дни, так как обеспечение верховенства закона, повышение право-

вой культуры населения, формирование чувства уважения к законам, справедливость принимаемых судами решений является основным требованием строительства правового демократического государства и справедливого общества.

Средневековые философы и юристы считали, что в рамках закона возможны решения, верные с юридической точки зрения, но могущие быть не справедливыми. Следовательно, справедливость имеет в юридической практике и самостоятельное значение. Она является одним из ведущих начал при решении юридических дел. Справедливость, наряду с законностью, обоснованностью, целесообразностью и истинностью, является основным требованием к применению права. Справедливым в рамках закона может быть признано единственно возможное в конкретном случае, наиболее оптимальное, разумное, гуманное решение. Оно может быть найдено на базе правильного установления обстоятельств дела, их верной правовой и социальной оценки и истолкования конкретной правовой нормы в системе других норм данной отрасли права, а при необходимости и всего права в целом.

Несправедливость судебного решения возможна в случаях, если: норма, которая применяется судом, является несправедливой; судом была избрана «не та» норма права; суд не установил в необходимой степени обстоятельства дела; юридическая норма, хотя и была избрана верно, истолкована неправильно. Таким образом, понятие справедливости относится к самой сути права в его широком понимании и является важнейшим требованием к применению права. Для реализации идеи справедливости важным условием является высокий моральный облик судебного представителя.

В данном контексте вспомним, что сегодня в странах ЕС вопросы права на справедливое судебное разбирательство или на надлежащее отправление правосудия основывается на положениях статьи 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод «Право на справедливое судебное разбирательство». По смыслу конвенции право на справедливое судебное разбирательство, главной составной частью которого является возможность для любого человека восстановить нарушенное право с помощью специальной процедуры, включая судебный контроль, занимает важное место в демократическом обществе. При этом в качестве общих требований справедливости судебного разбирательства выступают справедливое и публичное разбирательство дела. Справедливое разбирательство подразумевает, прежде всего, соблюдение принципа презумпции невиновности и перечня минимальных гарантий справедливого судебного разбирательства:

- в разумный срок (критериями разумности сроков судебного разбирательства являются: сложность дела объемность и многоэпизодность; число инстанций, задействованных при рассмотрении дела; поведение сторон и государственных органов; степень организованности работы суда и т. д.);
- независимым и беспристрастным судом (основные критерии независимости и беспристрастности суда: порядок назначения судей и порядок лишения их полномочий; продолжительность их полномочий, достаточный срок полномочий судей в условиях несменяемости или так называемый принцип «десятилетней гарантии»; наличие гарантий независимой деятельности, неприкосновенности судей, степень их материальной обеспеченности судьи и т. п.);

- судом, созданным на основании закона (суд должен быть учрежден на основании закона и функционировать согласно закону) и т. д.

Таким образом, европейское право толкует шестую статью Конвенции в широком смысле, поскольку содержащаяся в ней норма имеет принципиальное значение для утверждения правового общества. Основой справедливого судебного разбирательства служит доступ к процедуре со всеми атрибутами судебного контроля, причем такой доступ должен быть реальным, а не формальным.

Эти далекие от права идеи в целом отражают, но вместе с тем и искажают принцип равенства. В нынешней теории права «справедливость» – синоним права, понятие, указывающее на подлинное (естественное) право, объективно существующее в общественных отношениях, несмотря на возможный произвол законодателя и неизбежные издержки официального признания такого подлинного права. Справедливость – понятие, выражающее сущность действующего права, его непреходящую константу, право, идеальное для данного общества и для данного дела.

Различение права и закона характеризует наиболее проницательные учения о праве и выступает одним из определений права. Эти учения стремятся построить модель идеального права как ориентир для честного человека в его отношениях с другими людьми. Согласно этим учениям, которые называют «естественно-правовыми», в центре правопорядка стоит человек, от рождения наделенный определенными правами, естественными и неотъемлемыми, так что все общественные институты производны от этих первичных прав и стоят у них на службе.

Естественные права определяют нравственность и добродетель человека, совершенство его мыслей и чувств. Право формирует и человека, и общество как совершенных во всех отношениях. В большинстве естественно-правовых учений этот идеал получает этическую оценку: говоря о субъекте идеального права, они говорят о нравственно совершенном человеке. Поскольку право как воплощение нравственного закона не зависит от усмотрения людей, оно оказывается источником действующих законов.

Сопоставительное изучение свидетельствует, что взгляды философов Востока во многом схожи и аналогичны с данным европейским видением. При этом они уделяют особое внимание милосердию при принятии судебных решений и широкому применению актов помилования, прославляют доброту, правосудие, преданность и гуманизм.

В данном контексте отметим, что одна из инициатив Главы Узбекистана связана с внедрением в практику института помилования, дающим возможность людям, по заблуждению оказавшимся на преступном пути и искренне раскаявшимся в содеянном, вернуться в общество, в семью. В 2017 году впервые в истории Узбекистана Президент, пользуясь своими конституционными полномочиями, помиловал 2700 лиц, осужденных по решению суда. Самое главное – в вопросах применения акта помилования конкретному лицу активно участвуют представители парламента, органы самоуправления граждан, комитеты женщин, молодежные организации и другие институты гражданского общества, проводятся индивидуальные беседы с каждым лицом, отбывающим наказание. Принимается во внимание степень тяжести совершенного преступления, справедливость назначенного судом наказания. В результате глубокого анализа и изучения всех фактов определяется конкретный круг осужденных, совершивших преступления по незнанию, искренне раскаявшихся в содеянном, твердо встав-

ших на путь исправления, и акт помилования применяется именно на такие лица.

Отметим, что право и справедливость имеют два аспекта взаимосвязи: воплощение справедливости в законодательстве; справедливость как основной принцип реализации права, в том числе правоприменительной деятельности. Отражение в жизни общества и государства, каждого гражданина страны этих идей и принципов справедливости, справедливого закона и правосудия, являются неотъемлемой частью строительства такого справедливого и сильного гражданского общества, где не на словах, а в действительности права и интересы человека являются высшей ценностью.

В современном Узбекистане исходят из того, что главной задачей государства для утверждения в обществе принципа социальной справедливости является принятие справедливых законов, претворение в жизнь благородной идеи о том, что «если закон справедлив, защищает права человека на практике, люди будут уважать и соблюдать такой закон». От законодателя требуется адекватно воспроизвести право в законе, подчинить закон природным характеристикам права. Однако, надо отметить, что норма права, правильно отражая справедливость, не всегда автоматически ведет в процессе своей реализации к справедливым результатам. Здесь большую роль играют обстановка законности, демократии, общий климат в стране, способы реализации норм права правоприменительными органами. Важно подчеркнуть, что юридическая справедливость не тождественна справедливости социальной. Иначе говоря, не всякое законное решение выступает как справедливое. Но требования юридической справедливости всегда нацеливают правоприменителя на принятие справедливого решения, не выходящего за рамки закона.

В-четвертых, всемерной защиты экономических прав граждан, социальной справедливости. В современном Узбекистане исходят из того, что социальная справедливость – это обеспечение равенства перед законом всех граждан независимо от их политических взглядов, пола, национальности, языка и религиозных убеждений. Это равенство возможностей в образовании, медицине и других сферах. Это гарантия и свобода трудовой деятельности, равные возможности для карьерного роста. Самое важное, это забота о представителях старшего поколения и гражданах, нуждающихся в социальной защите. Особое внимание уделяется разработке и реализации государственных социальных программ, сокращению разрыва между богатыми и бедными, здоровыми и больными, преуспевающими и обездоленными и т. д.

Эти принципы созвучны с идеями Абу Али Хасан ибн Тусий-Низомулмулка, который отмечал необходимость проведения государственной политики, основанной на социальной справедливости. Юсуф Баласагунский считал, что достоинство сынов человеческих – в знаниях и разумении. Абу Райхон Бируни особое внимание обращал на социальное равенство людей, которое связывал с отношением между собственностью и достоинством человека, проведением правильной денежной политики, честной торговли, воспитанием, беспрекословным подчинением законам и т. д.

В заключении можно отметить, что активно реализуя приоритеты Стратегии действий, Узбекистан осознанно идет на решительные либеральные реформы, идет по пути либерализации политической, экономической, социальной, духовной и иных сфер. При этом идеи обновления и проведения динамичных реформ, широкого внедрения принципов справедливости во все сферы жизни общества и государ-

ства, прежде всего, формирования справедливого гражданского общества, стали той опорой, которая объединяет весь народ Узбекистана. Население страны руководствуется такими благородными идеями, как «сегодня нельзя жить по старому», «само время требует принятия решительных мер по разрешению накопившихся во всех сферах жизни общества и государства проблем и масштабных задач», «если мы не сделаем это сами, никто не сделает это за нас» и «мы сами строим свое будущее».

Библиографический список

1. Козлов М. И. Социальная справедливость в контексте русской традиции. – Архангельск : КИРА, 2010. – 201 с.
2. Мирзиёев Ш. М. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису // president.uz: официальный веб-сайт Президента Республики Узбекистан. 2017. URL: http://president.uz/ru/lists/view/1371 (дата обращения: 02.05.2018 г.)
3. Несресянц В. С. История политических и правовых учений. – М. : Норма-Инфра М, 2000. – 736 с.
4. Авеста. Закон против дэвов (Видевдат) (адаптированный перевод, исследование и комментарии Э. В. Ртveладзе, А.Х. Саидова, Е. В. Абдуллаева). – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2008. – 301 с.
5. Авеста. Хордэ Авеста (Младшая Авеста). Подготовка авестийского текста, перевод, предисловие, комментарий Чистякова М. В. – СПб. : Зороастрийская Община Санкт-Петербурга, 2005. – 384 с.
6. Джанибекова Н. А., Нравственные ценности в произведениях мыслителей Востока // «Молодой ученый». – № 12 (92). – 2015. – С. 867–869.
7. Алишер Навои. Язык птиц. – СПб : Наука, 1993. – 387 с.
8. Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. – М. : Наука, 1983. – 562 с.
9. Аль Фараби. Философские трактаты. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 430 с.
10. Абу Али Хасан ибн Тусий Низомулмулк. Сиёсатнома (Сияр ул-мулук). – Т. : Янги аср авлоди, 2008. – 240 с.
11. Абу Рейхан Бируни. Индия. – М. : Ладомир, 1995. – 727 с.
12. Тамерлан: эпоха, личность, деяния. – М. : Гураш, 1992. – 936 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Kozlov M. I. Social`naya spravedlivost` v kontekste russkoj tradicii. – Arxangel`sk : KIRA, 2010. – 201 s.
2. Mirziyoev Sh. M. Poslanie Prezidenta Respubliki Uzbekistan Shavkata Mirziyoeva Olij Mazhlisu // president.uz: oficial`ny`j veb-sajt Prezidenta Respubliki Uzbekistan. 2017. URL: http://president.uz/ru/lists/view/1371 (data obrashheniya: 02.05.2018 g.)
3. Nesresyancz V. S. Istoriya politicheskix i pravovy`x uchenij. – M. : Norma-Infra M, 2000. – 736 s.
4. Avesta. Zakon protiv de`vov (Videvdat) (adaptirovanny`j perevod, issledovanie i kommentarii E`. V. Rtveladze, A.X. Saidova, E. V. Abdullaeva). – SPb. : Izd-vo Politexn. un-ta, 2008. – 301 s.
5. Avesta. Xorde` Avesta (Mladshaya Avesta). Podgotovka avestijskogo teksta, perevod, predislovie, kommentarij Chistyakova M. V. – SPb. : Zoroastrijskaya Obshhina Sankt-Peterburga, 2005. – 384 s.
6. Dzhanibekova N. A., Nravstvenny`e cennosti v proizvedeniyax my`slitelej Vostoka // «Molodoj ucheny`j». – № 12 (92). – 2015. – C. 867–869.
7. Alisher Navoi. Yazy`k pticz. – SPb : Nauka, 1993. – 387 s.
8. Yusuf Balasagunskij. Blagodatnoe znanie. – M. : Nauka, 1983. – 562 s.
9. Al` Farabi. Filosofskie traktaty`. – Alma-Ata: Nauka, 1972. – 430 s.
10. Abu Ali Xasan ibn Tusij Nizomulmulk. Siyosatnoma (Siyar ul-muluk). – T. : Yangi asr avlodi, 2008. – 240 s.
11. Abu Rejxan Biruni. Indiya. – M. : Ladomir, 1995. – 727 s.
12. Tamerlan: e`poxa, lichnost`, deyaniya. – M. : Gurash, 1992. – 936 s.

© Усманов М. Ш., Юсупов С. А.,2018.

Politické vědy

UDC 32

BLÍZKÝ VÝCHOD: NEŽÁDOUCÍ NÁSLEDKY NECITLIVÉ GLOBALIZACE*

Karol R. Sorby

Prof. PhDr. DrSc.
e-mail: karol.sorby@euba.sk,
Ekonomickej univerzity v Bratislave,
Bratislava, Slovensko

MIDDLE EAST: UNDESIRABLE CONSEQUENCES OF INSENSITIVE GLOBALIZATION *

Karol R. Sorby

Prof. PhDr. DrSc.
e-mail: karol.sorby@euba.sk,
University of Economics in Bratislava,
Bratislava, Slovakia

Studie byla vypracovaná v rámci grantového projektu VEGA, č. 2/0028/18.

Abstract. Since the end of the cold war the Arab world has been subject to a massive and unprecedented process of "creative destruction". Despite its highly pernicious effects at numerous levels, including the distortion of political life and the stark polarisation and increasing disparities between rich and poor, creative destruction is the instrument of choice in the process of globalisation run by the major Western powers, and functions in place of more costly direct military interventions, but can be used to serve similar ends. These powers engage in trafficking in protection, and American policies impose international axes conflicting by design for the purposes of managing their concerns whether such be through playing off political rivals against one another or running low-intensity wars that serve vested interests or grander imperial designs.

The demand for greater social justice and a different developmental model had been largely ignored in most cases. In fact, both Western and Saudi owned and managed Arab media avoided discussion in any depth of socio-economic issues that caused the uprisings of large masses of people for whom poverty and marginalisation prevent them aspiring to priority or individual political liberties and freedoms. For Western media and decision-makers emphasising the political demands for democracy and human rights almost exclusively permitted escaping the political discussion of the negative socio-economic effects of implementing neo-liberal economic prescriptions and recipes that Arab countries have been following over the last decades under the powerful influence of the International Monetary Fund, The World Bank and the European Union. What was actually happening in terms of real economy in the Arab countries was out of their respective fields of vision.

In spite of many studies by Arab economists indicating the deteriorating living conditions in rural areas along with the development and proliferation of shanty towns on the outskirts and suburbs of Arab cities, and despite available data on the burgeoning unemployment crisis and brain-drain detrimental to the productivity of the real economies, Western attention has remained focused exclusively on macro-economic balances and liberalisation drives according to neo-liberal ideology. The recent economic history of the Arab world is one of an increasingly negative model of bad growth to which few have yet paid attention which largely explains the vital socio-economic dimension of the Arab revolts. It is under this model that corruption has flourished and that unhealthy links were created between the business establishment and the political establishment.

Keywords: Arab world; "creative destruction"; Western media; human rights.

Posledních několik let se zejména arabským světem žene obrovská vlna chaosu, která proniká všemi oblastmi života a převrací dlouholeté představy, v nichž koncepce a praxe se smíchaly, aby vyvolaly aktivitu a diskusi o tom, co je destruktivní a co je konstruktivně. To se odehrálo způsobem, který vynesl všechny frakce do zápasu v naději, že zvítězí, hnané touhou využít tuto historickou příležitost, která se již nemusí objevit, alespoň ne v dohledné budoucnosti. A tak to, jak vidíme, je typ mnohostrannosti kolapsu a neúspěchu politiky uskutečňované v regionu posledních čtyřicet let. Arabové se poprvé chopili iniciativy, aby vystoupili v globální aréně, což zaregistroval celý svět, a dali najevo, že odmítají zůstat na straně příjemce příkazů a plnit požadavky, ať přijdou z kterékoliv strany. Současné globální hnutí a jeho doprovodné kampaně za svobodu, demokracii a svržení totalitních, zkorumpovaných diktátorských režimů, je pouze jednou stránkou globalizace, v níž události ukazují, že jsou vedeny jednou ústřední tendencí – skrytými i otevřenými stránkami, které se projevují v pokusech převést jejich dynamiku přes různé úrovně do násilného zrodu arabsko-islámského revolučního hnutí.

Bývalé koloniální mocnosti Evropy, a po druhé světové válce USA, se dlouhodobě angažují v arabském světě. Politiku těchto mocností ovlivňují zejména strategické zájmy v tomto regionu, který se stal i jedním z vedlejších bojišť studené války. Začátek devadesátých let minulého století přinesl ukončení studené války, ale zároveň rozpad SSSR a tím i zavádění nového světového řádu. Od té doby je arabský svět vystaven masivnímu procesu "kreativní destrukce", která nemá obdoby. Navzdory jejímu zhoubnému vlivu na různých úrovních, včetně rozkladu politického života, silné polarizaci a stoupající nerovnosti mezi bohatými a chudými, kreativní destrukce je alternativním nástrojem v procesu globalizace a využívá se namísto dražších přímých vojenských zásahů jak byly unáhlené preventivní války v Afghánistánu a v Iráku, neboť ní lze dosáhnout podobné cíle. Lid v regionu byl svědkem toho, jak se v těchto dvou zemích vzdaluje zákon a pořádek a šíří se destrukce a sektářské násilí. Avšak navzdory chaosu, ve kterém se Blízký východ nachází, zůstává zejména pro Evropu důležitým zdrojem ropy a plynu.

Podle Samuela Huntingtona ukončení studené války otevřelo novou etapu dějin. Do té doby se dějiny mezinárodních vztahů zabývaly hlavně zápasy mezi králi, národy a ideologiemi v rámci západní civilizace. Nyní se vynořily konflikty mezi čtyřmi novými tendencemi. První je relativní úpadek Západu. Druhou je vzestup asijského hospodářství, kde se Čína stává novou supervelmocí. Třetí je muslimský svět přecházející populační explozí a s tím spojená islámskou obroda. Čtvrtou je globalizace, včetně expanze nadnárodních toků obchodu, informací a lidí. Hospodářské změny zbavují lidí místní loajality a oslabují stát. Současné objevení se těchto čtyř tendencí po skončení studené války postavilo před svět konflikty, které nazval střetem civilizací [19].

Huntingtonův skepticismus při hodnocení kompatibility Západu a islámu podpořili více američtí odborníci a podporu našel i v Británii [27, s. 174–178]. Tito lidé registrují, že většina muslimů odmítá západní hodnoty, některé jejich významné osobnosti převzaly myšlenku o srážce civilizací. Proto se přiklánějí k názoru, že s tímto konfliktem musí počítat i tvůrci americké zahraniční politiky. Někteří autoři poukazují na to, že islám v praxi vystupuje proti demokracii, pluralismu a lidským právům a militanti jsou netolerantní a náchylní k používání násilí. Tvrdí, že USA by měly být rezervované a nepodporovat islámské hnutí, bez ohledu na jejich domácí popularitu [23, s. 45–47].

Skutečnost je taková, že když muslimové myslí na USA, spojují si je s Izraelem a naopak, když Američané na muslimy, spojují si je s terorismem [41].

Toto je v zásadě jádrem napětí v kulturní oblasti, které poznamenává vztahy mezi USA a jejich západními spojenci a zeměmi Blízkého a Středního východu, což způsobuje stále větší izolaci muslimského světa. V kulturní sféře tento vývoj vede k dalším násilným konfrontacím, založeným na hlubokém podezření jaké motivy vedou Západ k jeho politice vůči muslimským zemím. Francis Fukuyama poznamenává, že moderní hospodářství – proces průmyslového rozvoje určován přírodními vědami – vyvolává splývání lidstva a v tomto procesu ničí mnohočetnost tradičních kultur [12, s. 228]. Právě tato obava žene do opozice vůči globalizaci stejně radikálních, tradicionalistické a konzervativních muslimů. Pro ně splývání pod americkou vlajkou znamená konec islámu [29].

* * * * *

Čtyřicet let po druhé světové válce mezinárodní systém ovládalo bipolární dělení v rámci studené války. Většina rozdílů mezi národy a státy světa byla zařazena do globálního geopolitického zápasu mezi Spojenými státy a Sovětským svazem. Rozdíly byly definovány v ideologické terminologii, která překonávala kulturní a politické atributy. Supervelmoci nabízely své vzory světu, aby je následoval a spojenectví s jedním nebo druhým blokem zařazovalo jednotlivé subjekty mezi "naše" nebo "nepřátele". Konec studené války nejen ukončil bipolární organizaci mezinárodní politiky, ale narušil i jeho zažité chápání. Modernizace, která si razila cestu ze Západu, spojovala průmyslovou a technickou revoluci s revolucí politickou a společenskou. Vývoj vědy a techniky a nové myšlenky přinášely do muslimských společností ve dvacátém století velké a nepřetržité změny. Po druhé světové válce modernizace vyvolávala velké naděje. Muslimové se vymanili zpod evropského kolonialismu a mnohé jejich státy směřovaly k nezávislosti pod vedením vlasteneckých režimů po silnici společenského a hospodářského pokroku. Ve více blízkovýchodních státech byla cesta k pokroku doprovázena sekulárními ideologiemi, které odstraňovali náboženské ideologie a organizace z místa politických a společenských autorit. V těchto zemích sekulární stát nabízel cestu k lepšímu životu a nový stupeň nezávislosti a prestiže ve světě.

Jen málo míst na světě se natolik spojuje s politickou a společenskou nestabilitou jako muslimské země Blízkého a Středního východu, severní Afriky a jihovýchodní Asie. Na konci dvacátého století byly projevem neuskutečněných možností. Muslimové usilovali vytvořit sekulární stát se životaschopným hospodářstvím, ale jejich snaha po roce 1970 zapojit se do sítě globálního kapitalismu, přinesla pouze další krizi. Většina muslimů cítila, že něco v jejich historii není v pořádku, ale nedokázali se shodnout na příčinách krize ani jako věci napravit.

Uprostřed této krize a rozčarování, jedinou schůdnou cestou ven se ukazoval islám. Pro miliony muslimů se islám stal východiskem ze zoufalství. Islámská obroda měla hodně projevů, ale nejdůležitějším byl nástup politického islámu, který směřoval k vytvoření islámského státu a k posílení konzervativní sociální filozofie. V islámských dějinách lze nalézt mnoho puritánských obrodných hnutí, ale to hnutí, které zachvátilo muslimský svět koncem sedmdesátých let dvacátého století, se odlišuje tím, že je natolik rozšířené a trvá už tak dlouho. Téměř ve všech muslimských společnostech začal islám usměrňovat diskuse o politice, společnosti a kultuře. Islamisté se rychle dostali do konfliktu s

existujícími režimy, ale islám nadále vyvolával závažné diskuse o tom, jak mají být muslimské společnosti řízeny a jak se mají chovat vůči vnějšímu světu.

Fenomén politického islámu nebyl jednolitý a v rozlehlém muslimském světě se projevil různě. Politický islám narazil na konzervativní islámské monarchie v Maroku a v Saúdské Arábii, na omezené reformy v Alžírsku, Egyptě a Tunisku a na modernismus baasistických režimů v Iráku a Sýrii a otevřel novou etapu krize. Téměř všichni muslimové se ocitly mezi bezduchým autoritářským sekulárním státem a islámského vzpourou, která nastolovala více otázek, než nabízela odpovědí. Napjatý stav mezi autoritářským státem a islamisty se prodlužoval, protože stát ještě nebyl natolik oslabený, aby se nedokázal vzepřít muslimským vzbouřencům. Přestože v tomto směru došlo k jistým posunům (Irán), krizi modernismu se nepodařilo zažehnat a muslimský svět je nadále ochromen.

* * * * *

V rámci nového formulování mezinárodních vztahů po skončení studené války vystoupilo do popředí několik témat na vědecké i na praktické úrovni. Svět se v některých směrech navzájem přibližoval, ale v jiných zase jakoby se rozcházel. Dominantní rysem světa po studené válce se stala nová globalizace, ale ta narazila na místní kultury, zejména ve formě nacionalismu a náboženství. Zdá se, že významnější, roli sehrála kultura, protože mnozí lidé si kladli otázky, kdo jsou, kým chtějí být a kterým směrem se ubírají společnosti, ve kterých žijí. Úvahy o kultuře přinesly i způsob chápání toho, co je podobné a co naopak odlišné v nové epoše (new age). Kultury definují vnější a vnitřní hranice tím, že posilují víru v hodnoty tradice a její charakteristických zvláštností. Po rozpadu SSSR musel být význam islámské obrody přehodnocen. Kulturní obroda nyní představovala hlavní sílu, která se stavěla do cesty liberálnímu pořádku, a tak získala zvláštní význam. Islám procházel mocným obrodným procesem a oproti globální dominantnímu Západu poskytoval zcela odlišný morální a politický pohled na svět.

Mnozí západní autoři, kteří diskutují o kultuře, mají sklon vidět v islámu zdroj zaostalosti a nejistoty. V probíhajících diskusích na Západě bylo nutné představovat islám tak, aby bylo možné chápat muslimů a zároveň identifikovat přibližující se hrozbu pro Západ z jejich strany. Běžným se stalo takové chápání, že muslimové představují pro Západ problém, který bylo třeba řešit invazí, nadvládou nebo bombardováním [1, s. 48–49]. Západ měl dlouhou tradici v označování jiných než zaostalých a sebe jako vzor pokroku. Mezi západní arogancí a Islámské sebevědomím v diskusích, se možnost důvěry a spolupráce snížila. A tak hned po skončení studené války byly vztahy mezi Západem a muslimským světem poznamenány stupňujícím se zápasem.

Vítězství ve studené válce naplnilo Západ sebedůvěrou. Moment euforie asi nejlépe vyjádřil Francis Fukuyama v tezi o konci dějin [11]. Podle Fukuyamy konec studené války udělal z liberalismu nejen neohrožený světový vzor, ale i potvrdil, že jde o konečné stadium politického a společenského vývoje. Liberalismus přivedl lidskou společnost na konec vývojové cesty a v tom smyslu dějiny skončily [11, s. 46]. Fukuyama přiznává, že liberalismus má své problémy, ale ty jsou malé a řešitelné v porovnání s jinými alternativami, neboť nabízí systém schopný splnit požadavky lidstva na materiální povznesení a rovnost možností. Komunity ovládané morálními imperativy nedosahují úroveň těch, ve kterých se jednotlivci dohodli, že budou "zúčastnění, racionální, sekulární, mobilní, empatičtí a tolerantní" [11, s. 214–215]. Podle něj je to systém, který nejlépe řídí hospodářský a technický pokrok, takže není divu, že liberální demokracie zvítězili ve velkých srážkách

dvacátého století. Globalizace posiluje přednosti liberálních společností, protože jen ony mohou správně usměrňovat výměnu informací a technických inovací, které nutně potřebuje současné hospodářství.

Rozvinuté západní státy měly všechny možnosti na formování vznikajícího celosvětového hospodářství a na řízení procesu nové globalizace. Na světové hospodářství dohlíželo několik mezinárodních organizací jako MMF, WTO, Skupina sedmi, NAFTA a EU. Tyto však nebyly neutrální, ale vždy stály na straně mocnějších. Rozvojové státy měly velké potíže při přizpůsobování se globalizačním trendům. Vytvořilo se tam několik organizací, ale nakonec pouze Organizace zemí vyvážejících ropu (OPEC) zůstala významným partnerem světového obchodu [32, s. 449]. Ve skutečnosti rozvojové státy byly většinou součástí Západem vytvořených mnohostranných institucí.

Rozhodující silou pohánějící globální integraci byla rostoucí zadluženost rozvojových zemí. Neschopnost splácet zahraniční půjčky je hnala do rukou Mezinárodního měnového fondu a Světové banky [38, s. 233]. Tyto dvě instituce se staly misionáři a zavedly liberální ortodoxii na místa, kam se západní státy nemohly dostat. Liberalizace mezinárodního obchodu prostřednictvím GATT byla dalším klíčovým projevem globalizace už delší dobu, ale v roce 1993 se dohoda proměnila na WTO, která vstoupila v platnost 1. ledna 1995. Tato organizace o. i. monitorovala i zemědělství, vlastnická práva i investiční opatření související s obchodem [43, s. 235].

Ukazuje se, že globalizace je moderní koncepcí, kterou nelze jednoznačně definovat a už vůbec ne shrnout do funkčních pouček. Pro některé je to jen způsob jak hodnotit mezinárodní pronikání kapitálu, takže není vlastně ničím novým. Jiní však vidí tento fenomén jako nový postmoderní jev, který se jen nepřímo spojuje s několika stoletími pokroku kapitalismu. Jsou i tací, kteří vidí v globalizaci symbol a důkaz kulturního vítězství Západu nad zbytkem světa – převahu "západních hodnot a hodnotového systému". V tomto smyslu se vykresluje i politická nadvláda Západu na mezinárodní scéně, vedená a usměrňována USA. V závěru dvacátého století nečekaně rychlá a trvalá americká hospodářská expanze spojená s rozpadem sovětského bloku, začala symbolizovat, zvláště v muslimském světě, triumf americké kulturní, politické a hospodářské moci ve světě [5].

Vítězství Západu nad sovětským blokem hodnotili někteří pozorovatelé dokonce jako "konec dějin" a předehru k úsvitu nových dějin, jako ukončení dlouhotrvajícího zápasu mezi soupeřícími mocnostmi ve světě ve prospěch liberálně-demokratického systému západního stylu. Nicméně pro většinu obyvatelstva muslimského světa – ať v řadách tradicionalisty, konzervativců nebo radikálů – názor, že liberální demokracie zůstává jediným uceleným politickým systémem, který sjednotí různé regiony a kultury na světě, představuje spíše hrozbu než příslib lepší budoucnosti. Obyvatelé rozvojových zemí považují zdůrazňování "univerzálních hodnot" za zástěru, pod kterou se Západ snaží vnutit muslimem vlastní zájmy [4, s. 263]. Obavy ze západní společensko-kulturní nadvlády však vyvolávají obavy i v nemuslimských zemích Východu.

Na jedné straně se jasně ukázalo, že pronikání kapitalismu nelze zastavit, ale když lidé vidí, že ztrácejí svou hospodářskou a politickou výlučnost a jejich kulturní identita je oslabována, obracejí se do duchovní oblasti jako jediného způsobu sebezáchovy [34]. Ve zvýšené míře využívají duchovní sféru jako prostředek umožňující mobilizaci na kulturně-politický zápas proti Američany vedené globalizaci. Tento zápas se

nejvýrazněji projevuje na Středním východě, v centru muslimského světa, kde se radikální a fundamentalistický politický islám spojily v úsilí oslabit vliv nástrojů globalizace, které vnímají nejen v kulturní oblasti, ale také v oblasti politické, bezpečnostní a sociálně-ekonomické. Ke globalizaci se staví stejně jako jejich předkové před sto lety k imperialismu.

Globalizace má konec konců na svědomí i zrod teroristické sítě al-Qā'ida (Základna). Jednak poskytuje odůvodnění pro krvavý boj proti USA a jejich spojencům a poskytuje i prostředky na boj. Koncem devadesátých let 20. století kdy Afghánistán byl pouze feudálním muslimským královstvím ovládaným absolventy a studenty náboženských škol (Talibanem), usadila se zde nadnárodní síť al-Qā'ida, uplatnila první zásadu globalizace – mysli globálně, ale jednej lokálně – a pustila se do boje proti "nevěřícím". Tato extremistická organizace od počátku využívala nástroje globalizace – otevřené hranice, minimálně překážky pro přesun lidí a kapitálu, informační kanály – a spustila teroristickou válku proti Západu [18, s. 80–81].

* * * * *

Evropská politická věda vychází z předpokladu, že každý národ si vládne sám, ale Arabové dosáhli státnost až po první světové válce, ale ještě několik dalších desetiletí si nevládli. Proto jedním z přirozených cílů nacionalismu bylo získání nezávislosti. Nicméně předpoklad, že nacionalismus odstraní despotismus – o němž se věřilo, že je výsledkem faktu, že národy si nevládnou samy – se ukázal mylný [33, s. 33]. Stejně se neujala ani představa spojována s působením nacionalismu, že občan, který se předtím cítil muslimem, obyvatelům Káhiry, Damašku, Bejrútu, Bagdádu nebo Ammánu, se jednoduše stane Egypťanům, Syřanům, Jordáncům, Iráčanům nebo Libanoncům. Arabský nacionalismus si i v etapě vrcholného rozmachu (1956–1967), zachovával výrazně islámský charakter, a proto se vyskytovaly problémy s obyvateli jiných vyznání.

V souvislosti s diskusí o globalizaci otázku kultury a identity Arabů nelze oddělit od náboženství. Na muslimském východě je islám nejen náboženstvím, ale i způsobem života a to vše se posiluje vzdělávacím systémem a množstvím náboženských aktivistů. Islám je náboženstvím s vlastním zákoníkem a tradicemi, které tvoří základ bource ve společnosti a pravidla společenského vystupování. Islám poskytuje pevnou identitu a řád pro život jednotlivce od narození do smrti. Lze říci, že dává jednotlivci ucelený světonázor [20, s. 666]. Islám je odlišný kulturní systém, ve kterém ústředním bodem světonázoru je kolektiv a nikoli jednotlivec [38, s. 6]. Je jisté, že velikost a soudržnost islámské komunity, tvoří náboženskou, a tím i kulturní zábranu proti mnohým stránkám globalizace [30].

Islám v jistém smyslu naznačuje, že má zákonný podklad pro islámský hospodářský systém, který by měl být lepší než kapitalistický nebo komunistický [25]. Tento hospodářský systém spočívá na pojmu ideálního člověka, který má kořeny v muslimské komunitě. A tak je islám jediným náboženstvím poskytujícím celkový, i když neúplný, souhrn zásad, které živí představu o hospodářském systému muslimské společnosti. Panuje přesvědčení, že je to nejlepší systém na čisté a spravedlivé dělení zdrojů v rámci komunity, a proto je islám – podle názoru mnohých islamistických skupin – konečnou odpovědí na všechny problémy lidí. Muslimové Blízkého východu proto ve většině přijímají produkty a myšlenky globalizace jako nebezpečné.

Navíc muslimské síly jsou připraveny bránit svou sféru před rychlým pronikáním západního konzumního způsobu života prostřednictvím globalizace [10]. Tato hlavní charakteristika globalizace je totiž nekompatibilní s normami islámu. Sbližování

kultur jako nebývalá nová úroveň globální nadvlády západní kultury prostřednictvím globalizace a modernizace, zanechalo na muslimských společnostech hlubokou stopu [40]. Mnozí přední muslimští učenci to potvrzují a označují globalizaci za invazi. Další tvrdí, že globalizace je imperialismus našich časů a její poselstvím není jen vychloubání konzumního způsobu života a uvolňování mravů ve společenství věřících, ale také zničení muslimských hodnot a víry [28]. Tito muslimští myslitelé vyjadřují hluboce zakořeněné obavy obyčejných muslimů z vlivů Západu a globalizace na jejich život a společnost.

Kulturní opozici tradičních a radikálních muslimských kruhů vůči globalizaci lze vidět i podle jejich postoje k snahám státu o zvýšení příjmů ze služeb a turismu. Pokud vezmeme v úvahu, že turismus je dnes největším hospodářským odvětvím, zaměstnavatelem a zdrojem konvertibilních měn, odpor vůči němu vstupuje tak kulturní i hospodářský rozměr a ohrožuje globalizační trendy v regionu a postavení domácích elit. Na elity se v muslimských zemích často hledí jako na lidi, kteří prodávají svou kulturu a hodnoty za rychlý profit.

Postoj egyptské Asociace muslimů (al-Džamāca al-Islamíja) byl typický pro opoziční směrování. Její představitelé tvrdili, že když jsou zakázány aktivity turistů, tak i příjem z tohoto zdroje je pro stát také zakázán. Navíc turismus přináší prostituci a AIDS a je zdrojem hříchu, nemluvě již o tom, že je židovskými turistkami využíván k získávání informací o islámském hnutí [2]. Turismus, který přichází na vlně globalizace, považují proto pouze za zahraniční spiknutí prováděné nevěřícími a jejich přisluhovači pomocí domácí vlády. Rozvoj turismu a rozšiřování práv turistů mnozí obyvatelé vnímají jako prohlížení kulturní suverenity státu ze strany jeho představitelů. Tam kde je domácí řád spojen s hlásanou kontinuitou vlastních hodnot, není velký prostor pro chyby vládců [8, s. 7].

Globalizace kultury znamená, že zejména mládež v regionu je více ovlivněna okolním světem než připouštějí tradicionalisté. Snadný přístup k programům satelitních televizních stanic způsobuje, že mládež je ve styku s nejnovějšími západními trendy v hudbě, módě atd. Přijímání západních kulturních trendů mezi muslimskou mládeží však není stejné a častěji je přijímáno v dobře situovaných vrstvách společnosti [6]. Ve Spojených arabských emirátech se mobilní telefon stává nástrojem kulturní asimilace. Globalizace mobilního telefonického spojení a neustálý pokrok v této oblasti, dává mládencem možnost mluvit s dívkami nebo posílat obrázky, aniž se fyzicky setkali. Technologie jim umožňuje snadný přístup k opačnému pohlaví, aniž poškodily pověst místních dívek, jejichž neposkvrněnost je pro pověst rodiny v těchto společnostech nejdůležitější.

* * * * *

Otázky mužnosti, cti a cudnosti tvoří asi nejvýznamnější dělicí čáru mezi islámem a globalizací. V mužnosti a cti nachází běžný muslimský muž svou identitu, základní hodnoty a neohroženost. Podkladem této identity je opačné pohlaví a jeho společenský výchozí bod, je vztah mezi oběma pohlavími. Ženy představují ctnost, kontinuitu, posvátnou lásku a společenskou cudnost. Jejich úloha ve společnosti jako matek, a tím nositele nové generace muslimů, jejich umisťuje do velmi protichůdných pozic v dobách společenského napětí. Na jedné straně jsou jádrem problému výzvy, které globalizace představuje pro takové pohlavně segregované společnosti, jejich muži ovládané dělení práce a kontrola rodiny ze strany muže. Otázka, kterou v tomto problému představuje pohlaví, plasticky vykresluje výzkum prováděný přímo na téma žen a globalizace na arabském východě [43].

Zjistilo se, že globalizace představuje nejen přímou výzvu ve smyslu pohlaví, pro muži ovládané veřejné prostory, ale i pro základní otázky islámských společenských vztahů. A právě do tohoto druhého okruhu vstupují muži ovládané síly politického islámu jako obránci muslimských hodnot. Tyto hodnoty lze shrnout do tří okruhů: mateřství, rodina a zaměstnání. Např. v Kuvajtu se pracující ženy staly terčem masivního tlaku, aby opustili zaměstnání, neboť prý zanedbávají své děti a mají podíl na snižování jazykového cítění dětí vychovávaných asijskými služkami. Nárůst kriminality, rozvodovosti a zvýšené spotřeby alkoholu se připisoval ženám, které odcházejí z domu kvůli výdělku [36, s. 227].

Tento způsob chování se neomezoval pouze na tradiční společnosti Zálivu. Na arabském západě např. v Tunisku, arabské zemi známé poměrně otevřenou společností, islamisté vytáhli otázku pohlaví do zápasu proti globalizaci [24, s. 169–193]. Nejvýznamnější islamistické hnutí v zemi, an-Nahda (Obroda), hlásá myšlenky povahou a charakterem téměř identické s těmi, které se objevují i v ostatních končinách islámského světa: ženy mají být doma, vychovávat děti a chránit rodinu. An-Nahda nerozlišuje mezi tím, co je přípustné a co je žádoucí, ale naznačuje, že má výhrady vůči zaměstnanosti žen a kritizuje nepřítomnost matek doma. Vyslovuje se pro takovou společnost, která nebude rozšiřovat, ale naopak omezovat pracovní příležitosti žen mimo domu [24, s. 190]. Ženy však vytvářejí významnou a aktivní složku pracovní síly prakticky v každé zemi regionu. Dokonce v Saúdské Arábii, která je často zmiňována jako nejvíce diskriminační něžné pohlaví, ženy získávají významné společenské funkce.

Na druhé straně městské ženy v muslimském světě globalizaci považují za dobrý buldozer, který strhává překážky pro výchovu a vzdělávání, zaměstnávání a příležitosti k investování, podnikání a neformální styky s opačným pohlavím, nekontrolované potěšení a individuální výběr – všechno záležitosti, které islámští aktivisté a tradicionalisté považují v západním způsobu života za zvrhlé. Tito aktivisté preferují hierarchický etický řád, ve kterém muslimské ženy, zahalené a poslušné jsou všude podřízeny mužům a věnují se pouze úkolům daným jejich biologickou stavbou. Jejich přirozeným a základním úkolem je úloha matky. Rodina je jejich přirozeným prostředím, kde jsou udržovány a chráněny svými manžely [35, s. 72].

Bylo by však mylné myslet si, že feministky v regionu zapadají do západní šablony. I když se vyskytují některé mocné sekularistické hlasy a síly v regionu bojující za stejná práva, jsou tam i stejně mocné proislámské feministické proudy, které žádají osvobození ženy z tradičních schémat islámských hodnot [15, s. 53–65]. V Íránu stejně jako v Saúdské Arábii, Malajsii a Indonésii nacházíme ženy, které prodělaly zažitá paradigmata, jsou také pečlivě plně zahalené a hlásí se k islámským hodnotám, ale aby podpořily své požadavky, poukazují na příklady emancipovaných žen z islámské historie [7, s. 225]. Nejnovější se už i tato omezení překračují i v konzervativních zemích, což se ukázalo např. na shromáždění Ekonomického fóra v Džiddě v lednu 2004. Na tomto shromáždění padli několik tabu skutečnosti: hlavním řečníkem byla žena a další ženy hrály významnou roli v průběhu fóra. Tato událost, že na shromáždění se ženy bez závoje volně pohybovaly mezi muži, natolik pohoršila velkého muftího, takže vydal odsuzující stanovisko [43].

V tomto zápase pohlaví globalizace představuje přímou výzvu muži řízeným tvrzením o ohrožování kulturních hodnot a identity a vstupuje do regionu na průsečíku všeobecných práv a zvláštních islámských povinností, mezi společensky předepsanými hranicemi pro pohlaví a jejich společenskou

roli. Pokračující nadvláda mužů ve veřejném společenském sektoru je ústředním bodem problému. Ve většině muslimského světa otázka společenských hodnot a také sexuality je vázána na práva v rámci islámu. Jeden významný člen pákistánské strany Islámské asociace tvrdí, že hlavním úkolem muže je zajišťovat a chránit svou rodinu a úkolem jeho manželky je vychovávat děti, starat se o manžela a vždy ho poslouchat [14, s. 182–191]. Tato společensko-kulturní diferenciace mezi pohlavími je ústředním bodem islámské kulturní praxe, kterou globalizace přímo ohrožuje.

Muslimské normy společenské organizace proto zdají iracionální pro ty, kteří se snaží v regionu prosadit globalizaci. Odpůrci globalizace v muslimském světě je považují za roznášeče morální korupce. Zachovávání kulturních norem jako součást nadnárodní a přenosné muslimské identity a soubor hodnot, to je prostor pro konfrontaci s globalizací. Když globalizace žádá standardizaci, islamisté v tom vidí asimilaci. V prosazování společenských vztahů islamisté vidí cizoložství a tam kde globalizace žádá rovné příležitosti, islamisté to hodnotí jako sexuální zkaženost. Nepřekvapuje proto, že arénou zápasu pro islámských antiglobalistů je kultura a v rámci ní rozdílnost pohlaví. Jelikož v rozsáhlých oblastech muslimského světa se náboženské a státní struktury promíchaly, bylo jen otázkou času, kdy sekulární proud – jako globalizace – začne vytvářet vážnou hrozbu společenské soudržnosti a také organizaci společnosti. Ta hrozba není jen na úrovni sociální vrstvy, ale i na institucionální úrovni, kde už ženám nelze zakazovat, aby se plně věnovali všem stránkám moderního života, pod záminkou tradice. Zkrátka globalizace zásadně ohrožuje starou arabskou zásadu, že "matky budují domov a synové budují země", protože její tlak žene tak matku i syna do služby mnohem větší hospodářské jednotky, světového trhu.

Globalizace postupně rozkládá tradiční společnost, což se negativně odráží nejen na stavu chudých rozvojových zemí, ale i v bohatých monarchiích Zálivu. Informační globalizace a šíření vzdělanosti zasáhlo příliš brzy i bohaté monarchie v Zálivu. Vzdělání poskytované ve školách během uplynulých desetiletí nepřipravilo náležitě dnešních uživatelů vymožeností vědy na pochopení tradičních hodnot společnosti tak, aby se dokázali vyrovnat s množstvím cizích vlivů příchozích o. i. i přes internet. Je na každém jednotlivci, jak sladí to, co přichází zvenčí se svým tradičním způsobem života [16, s. 61]. Podobné, i když ne shodné problémy najdeme kdekoliv v regionu, ale společným problémem zůstává neschopnost rodiny skloubit hospodářský tlak vytvářený globalizací s kulturní Obrodou zakotvenou v hodnotách muslimské rodiny. Máme sice globalizovaný svět v hospodářské a politické oblasti, ale v kulturní oblasti se svět stále více rozpadá [39, s. 6]. Kultura je oblast, kterou je třeba nejvíce chránit před globalizací a zároveň je to oblast, která v muslimských společnostech nejvíce trpí deficitem modernizace.

Krátce po skončení studené války jisté kruhy na Západě začaly šířit strach před islámským nebezpečím a tvrdily, že radikální islamistické hnutí nebo režimy ohrožují bezpečnost Západu [9]. Přestože mnozí odborníci poskytli rozsáhlou kritiku těchto názorů, začala se pomalu šířit myšlenka, že radikální islamisté jsou největším nebezpečím pro Západ a že ozbrojení nekonvenčními zbraněmi chtějí rozpoutat proti Západu zuřivou válku. Od počátku devadesátých let existoval trend identifikovat islám jako vnitřně (inherentně) protidemokratické sílu a jako nového globálního nepřítele Ameriky po skončení studené války [17]. Byli tací, kteří tvrdili, že

islámský fundamentalismus představuje autoritářský, antidemokratický a antisekulární fenomén, agresivní revoluční hnutí stejně militantní a násilné jak byly bolševické, fašistické a nacistické hnutí v minulosti [26].

Téměř deset let před útoky z 11. září 2001 někteří analytici oživovali ducha studené války a varovali před nebezpečím, které představuje politický islám. Poukazovali na hrozivé náznaky, že jde o proces, kdy se z jednotlivých událostí a trendů formuje společná hrozba a tento trend v muslimském světě již nastal a nahrazuje hrozbu komunismu [13, s. 3]. Příčiny tohoto trendu byly mnohostranné, ale obsahovaly skutečnost, že islamisté se do schématu dobře hodili a že Západ po rozpadu Sovětského svazu potřeboval nového nepřítele [31]. Pro americkou pravici zvlášť, "žluté" a "zelené" nebezpečí znamenaly stejně vážnou hrozbu pro Spojené státy a pro západní civilizaci, i když odlišným způsobem. Nárůst a zvyšující se dobrodružná povaha islamistických hnutí a států na Blízkém a Středním východě rozšiřovaly představu o islámu jako radikálním a dělali z něj hlavní hrozbu Západu [27, s. 10]. Islámský radikalismus byl líčen jako rostoucí vlna odporu proti nadvládě Západu [21]. Stojí za zmínku, že tato analýza byla zveřejněna v září 1990 po vstupu irácких vojsk do Kuvajtu a něco přes deset let před útoky teroristů na New York. Je pravděpodobné, že nastartovala nepřátelské nálady vůči islámu v rozličných vrstvách americké společnosti. V souvislosti s předpověďmi srážky mezi islámem a Západem se však objevily i upozornění, že v první řadě je třeba pochopit hybné síly islámského terorismu [22].

Toto téma samozřejmě ožila po 11. září 2001. Američtí neokonzervativci se počátkem roku 2002 vrhli na "islámský fanatismus" a přirovnávali ho k počátečnímu komunismu a bolševismu. Margaret Thatcherová označila islamismus za agresivní ideologii prosazovanou fanatickými a dobře vyzbrojenými oddanými stoupenci. Tvrdila, že USA a jejich spojenci se budou muset zapojit se dlouhé a rozsáhlé kampaně, aby tohoto nepřítele porazili. Jménem neoimperialistické strategie šířila názor, že USA musí udeřit na centra islámského teroru a vyrovnat se s těmi nepřátelskými státy, které podporují terorismus a snaží se získat zbraně hromadného ničení [37]. V tomto svolávání do zbraní nebylo místo na varování, že spojenecká vojska bojující proti islámu na teritoriu islámských států vyvolají ještě větší nenávist muslimů proti Západu.

* * * * *

Západní a také většina arabských médií se záměrně zdrženlivě vyjadřovaly o socioekonomických příčinách masových vystoupení v různých arabských zemích. Soustředily se hlavně na požadavky nastolení politických svobod, a odstranění zkorumpovaných diktátorů. Požadavky zavedení sociální spravedlnosti a odlišného rozvojového modelu se většinou obcházeli. Západní média přirozeně zdůrazňovali, že zejména hodnoty politické svobody, které přináší etický západní vliv, podnítily arabské povstání proti tyranii a potlačování lidských práv. Arabské média ovládané penězi ropných monarchií připisovali příčiny masové nespokojenosti nedemokratickým poměrům v daných zemích a přidaly se k odsuzování zkorumpovaných diktátorů, přičemž nezapomněli připomenout, že v mnoha arabských zemích vyšli z armádního prostředí. Tytéž média vykreslovali absolutistické monarchie než ty režimy, které dbají o blaho svého lidu. Diskusím na socioekonomická témata se vyhýbala západní i arabská média, ačkoliv právě ta vyvolala nespokojenost širokých lidových mas. Lidé žijící v bídě a vytlačováni na okraj společnosti se museli usilovat, aby oni a jejich rodiny přežili a neměli se kdy zabývat otázkami politických práv a svobod. Tyto chudé lidí, kteří se nyní masově účastnili

protivládních demonstrací spolu se společensky lépe situovanými lidmi, hnala potřeba zlepšit své hmotné postavení a získat přístup k skromným možnostem zaměstnání.

Pro politické kruhy na Západě a většinu západních médií, zdůrazňování politické požadavky nastolení demokracie a lidských práv umožňovalo vyhýbat se diskusím o negativních socioekonomické účincích zavádění neoliberálních hospodářských opatření a doporučení, která za poslední desetiletí arabské vlády prováděly pod tlakem Mezinárodního měnového fondu, světové banky a Evropské unie. Každoroční zprávy MMF o arabských zemích (Tunisko, Maroko, Egypt, Sýrie a další) souhlasně a optimisticky hodnotili pokrok, který tyto státy dosáhly na cestě k liberalizaci trhu. V těchto zprávách se zdůrazňovali řadu otázek, např.: 1) zlepšení základních makroekonomických ukazatelů (inflace, deficit platební bilance, rozpočtový deficit); 2) pozitivní vývoj na místních kapitálových trzích; 3) institucionální modernizace co se týče liberalizace trhu (volný trh, volný tok kapitálu, reforma centrální banky, privatizace a omezení rozsahu veřejného sektoru, a 4) zlepšení činnosti bankovního trhu. Tyto zprávy, zabývající se nízkou produktivitou práce a hospodářské diverzifikace nebo skromným ročním nárůstem HDP, viděli nápravu zejména v prohloubení neoliberálních reforem. Nikdo ze západních investorů neočekával, že vzpoury v arabském světě vypuknou zejména v důsledku tíživé společensko-hospodářské situace.

To, co se ve skutečnosti odehrálo, pokud jde o konkrétní hospodářství v Egyptě, Tunisku, Maroku, Sýrii a dalších zemích, to nebylo v zorném poli zmíněných světových organizací. Navzdory mnohým studiím arabských ekonomů, které poukazovaly na zhoršující se životní podmínky na venkově spolu s vývojem a šířením osad z chatrčí na okrajích měst a navzdory dostupným údajům o narůstající krizi z nezaměstnanosti a úniku mozků, který poškozuje produktivitu domácího hospodářství, pozornost západních expertů se soustřeďovala výlučně na makroekonomickou rovnováhu a liberalizační opatření. Hospodářské dějiny arabského světa v posledních letech poskytují velmi negativní obraz růstu, kterému nikdo nevěnoval pozornost. V těchto podmínkách bujela korupce a vytvořili se velmi nezdravé vztahy mezi hospodářsko-obchodními kruhy a politickými kruhy. Média i odborné kruhy tyto skutečnosti mlčky procházeli.

Je známo, že první projevy "arabského jara" v Tunisku a v Egyptě, neměly nic společného s projevy islámského fundamentalismu, kterou na Západě ostře sledovali od 11. září 2001. Události na náměstích přenášené televizemi nepřinášely obrazy bradatých fanatiků volajících po "džihádu" proti Západu a pálících americké zástavy. Šlo o hnutí obyčejných lidí, muslimů i Koptů, kteří požadovali svobodu a demokracii, ne džihád. Skutečnost, že prostřednictvím voleb se islamisté dostali k moci ve více arabských zemích, není překvapující. Tvořili totiž po desítky let nejširší a nejlépe organizovanou opozici vůči totalitní, sekulární vládě. Volební úspěchy islamistů však nelze připisovat zvýšené religiositě společnosti. Zásluhu na tom měli jejich fungující charitativní sítě, které pomáhaly lidem i tehdy, když je Západem usměrňované vlády nechtěli nebo nemohli. Navíc některé arabské náboženské strany (Éamās v Gaze, Éizballāh v Libanonu, Hnutí Muqtaḍā AS-Ïadra v Iráku) využívají často spíše vlasteneckou jako náboženskou rétoriku. Když nastala "arabské jaro" lidé si neměli velmi z čeho vybírat: buď zavedené islamistické strany, nebo nově vytvořené hnutí, případně strany spojené s předchozími režimy. Není divu, že lidé se rozhodli pro takovou změnu, kterou znali.

Demokracie je institucionální rámec, který vyžaduje mnoho stavebních kamenů: nezávislé soudnictví, vládu zákona, existenci civilních a politických institucí, svobodu slova, sdružování, svobodné všeobecné volby a ostražitost liberální společnosti. Kultura arabské společnosti se většinou nerozvíjela v podmínkách svobodné výměny názorů. Její tendence přijímat tradici bez kritického zkoumání, nevedla k přijímání rozdílných názorů a hodnot. K tomu přispěl i neúspěch sekulárních národně revolučních režimů, které vstoupily autoritářský charakter. S těmito limitujícími faktory bude třeba počítat i v budoucnu, přestože by neměly zastavit postup k demokracii.

V arabském světě je řada zemí, kde ještě třeba vyčkat jak dopadne "arabské jaro". Tyto země jako Alžírsko, Súdán, Mauretánie, Saúdská Arábie, Kuvajt, Spojené arabské emiráty a Libanon, ovlivněny důsledky projevů "arabského jara" v dalších arabských zemích jsou stále velmi náchylné následovat jejich příklad. Některé z nich, jako např. Saúdská Arábie a Kuvajt mají významné šīcitské menšiny na rozdíl od jiných, jako např. Mauretánie, která je z hlediska náboženského nebo sektářského homogennější. No rychlost jak se povstání šířily a fakt, že jejich výsledky - přesto, že se dost lišily – ukázali celému arabskému národu, že změna zdola je možná a dosažitelná a mnozí říkají, hlavní vlna ještě přijde. Třeba počítat s tím, že jisté opatření mohou utlumit povstání. Protestujících mohou odstrašit, případně jejich ukolébat menšími politickými ústupky. V některých bohatých zemích Zálivu se jich možná pokusí "koupit". Jsou však tací, kteří vidí, že dočasná opatření naznačují pouze ticho před bouří a že jen otázkou času kdy se arabská revoluční vlna vrátí a zaplaví i ty oblasti, které zůstaly dosud relativně nedotčené.

Není pochyb, že "arabské jaro" jakož i její současný a budoucí rámec spolu s možností její pokračování zůstane předmětem fascinace a studia. Pro každého by bylo příliš smělé tvrdit, že byly prostudovány všechny poučení nebo že byl vypracován nějaký absolutní, nezvratný celkový teoretický nebo analytický model. Ani faktor vnějšího arabského, zahraničního, regionálního a mezinárodního zásahu, ani faktor médií nelze vždy nebo trvale považovat za rozhodující, jak nás o tom přesvědčuje případ Sýrie.

Bibliografický seznam

1. Agnew, John and Corbridge, Stuart. Mastering Space: Hegemony, Territory and International Political Economy. London: Routledge, 1995.
2. Benin, Joel and Stork, Joe (eds.). Political Islam: Essays from Middle East Report. Berkeley, California: University of California Press, 1997.
3. Brown, L. Carl. International Politics and the Middle East: Old Rules, Dangerous Game. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1984.
4. Bullock, Alan and Stallybrass, Oliver (eds.) The Fontana Dictionary of Modern Thought. London: Fontana Books, 1977.
5. Cohen, Saul. B. „Geopolitics in the New World Era: A New Perspective on an Old Discipline“. In: Demko, George J. and WOOD, William B. (eds.) Reordering the World: Geopolitical Perspectives on the 21st Century. Boulder, Colorado: Westview Press, 1994.
6. Davidson, Christopher M. The United Arab Emirates: A Study in Survival. Boulder, Colorado: Lynne Rienner, 2005.
7. Doumato, Eleanor Abdella. „Education in Saudi Arabia: Gender, Jobs, and the Price of Religion. In: Doumato, Eleanor Abdella and Posusney, Marsha Pripstein (eds.). Women and Globalization in the Arab Middle East: Gender, Economy and Society. Boulder, Colorado: Lynne Rienner, 2005.
8. Dresch, Paul and Piscatori, James (eds.). Monarchies and Nations: Globalisation and Identity in the Arab States of the Gulf. London: I. B. Tauris, 2005.
9. „Fear of Fundies“. In: The Economist, 15 February 1992.
10. Featherstone, Mike. Undoing Culture: Globalization, Postmodernism and Identity. London: Sage, 1995.
11. Fukuyama, Francis. The End of History and the Last Man. London: Penguin Books, 1992.

12. Fukuyama, Francis. Konec dějin a poslední člověk. Praha: Rybka Pubishers, 2002.
13. Hadar, Leon T. The Green Peril: Creating the Islamic Fundamentalist Threat. Policy Analysis No. 177. Washington, D.c: Cato Institute, 1992.
14. Haeri, Sahla. „Obedience versus Autonomy: Women and Fundamentalism in Iran and Pakistan". In: Marty, Martin E. and Appleby, R. Scott (eds.). Fundamentalisms and Society. Chicago, Illinois: University of Chicago Press, 1993.
15. Hassan, Riffat. „Feminist Theology: The Challenges for Muslim Women. In: Critique: Journal for Critical Studie sof the Middle East. No. 9/1996.
16. Heard-Bey, Frauke. „An Insider's View on Globalization in the Gulf". In: Journal of Social Affairs, 21 (83), 2004.
17. Hoagland, Jim. „Washington's Algerian Dilemma". In: Washington Post, 6 February 1992.
18. Holton, Robert J. Globalization and the Nation-State. London: Macmillan, 1998.
19. Huntington, Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. New York: Touchstone, 1996.
20. Johnston, Douglas M. „Religion and Culture: Human Dimensions od Globalization". In: Kugler, Richard L. and Frost, Ellen L. (eds.) The Global Century: Globalization and National Security. Vol. II. Washington, D.C.: National Defense UniversityPress, 2001.
21. Lewis, Bernard. „The Roots of Muslim Rage". In: The Atlantic Monthly, 266 (3), 1990.
22. Lewis, Bernard. „License to kill: Usama bin Ladin's Declaration of Jihad". In: Foreign Affairs, 77 (6), 1998.
23. Miller, Judith. „The Challenge of Radical Islam". In: Foreign Affairs, 72, no. 2, Spring 1993.
24. Murphy, Emma C. „Women in Tunisia: Between State Feminism and Economic Reform". In: DOUMATO, Eleanor Abdella and POSUSNEY, Marsha Pripstein (eds.). Women and Globalization in the Arab Middle East: Gender, Economy and Society.
25. Nomani, Farhad and Rahnema, Ali. Islamic Economic Systems. London: Zed Books, 1994.
26. Perlmutter, Amos. „Wishful Thinking about Islamic Fundamentalism". In: Washington Post, 19 January 1992.
27. Pinto, Maria do Céu. Political Islam and the United States: A Study of U.S. Policy towards Islamist Movements in the Middle East. Reading: Ithaca Press, 1999.
28. Al-Qaradāwī, Jūsuf. Al-muslimūn wa al-ᶜawlama. (Muslimovia a globalizácia). Káhira: Dār at-tawzīᶜ wa an-našr al-islāmīja, 2000.
29. Ridolfo, Kathleen. „The Arab World: Economic Progress and Struggle". In: Kugler, Richard L. and FROST, Ellen I. (eds.). The Global Century: Globalization and National Security. Vol. I-II. Washington, DC: National Defense University Press, 2001.
30. Rubin, Barry. „Globalization and the Middle East: Part One". Yale Global Online, 16 January 2003.
31. Safi, Louay. Tensions and Transitions in the Muslim World. Lanham, MD.: University Press of America, 2003.
32. Scholte, Jan Aart. „Global Capitalism and the State". In: International Affairs, 73, No. 3, July 1997.
33. Sorby, Karol ml. Islām a národný štát. In: SORBY, Karol R. a SORBY, Karol ml. Blízky východ v medzinárodnej politike, 1971 – 1990. Bratislava: Vydavateľstvo Ekonóm, 2011, s 33.
34. El-Shibiny, Mohamed. The Threat of Globalization to Ara Islamic Culture: The Dynamics of World Peace. Pittsburgh, PA: Dorrance, 2005.
35. Tétreault, Mary Ann and al-Mughni, Haya. „Gender , Citizenship and Nationalism in Kuwait". In: British Journal of Middle Eastern Studies, 1-2/1995.
36. Tétreault, Mary Ann. „Kuwait: Sex, Violence, and the Politics of Economic Restructuring". In: Doumato, Eleanor Abdella and Posusney, Marsha Pripstein (eds.). Women and Globalization in the Arab Middle East: Gender, Economy and Society. Boulder, Colorado: Lynne Rienner, 2005.
37. Thatcher, Margaret. „Islamism is the New Bolshevism". In: The Guardian, 12. February 2002.
38. Thomas, Caroline. „Where is the Third World Now?" In: Review of International Studies, 25, Special Issue: The Interregnum: Controversies in World Politics 1989-1999. December 1999.
39. Tibi, Bassam. The Challenge of Fundamentalism: Political Islam and the New World Disorder. Berkeley, California: University of California Press, 2000.
40. tomlinson, John. Cultural Imperialism: A Critical Introduction. London: Pinter, 1991.
41. Walker, Edward S. Jr. „Gloomy Mood in Egypt and Saudi Arabia". In: Middle East Institute Perspective, 22 January 2003.
42. Wilkin, Peter. „New Myths for the South: Globalisation and the Conflict Between Private

Power and Freedom“. In: Third World Quarterly, 17, No. 2, 1996.
43. Women, the State, and Political Liberalization: The Moroccan, Jordanian, and Tunisian Cases. New York: Columbia University Press, 1998.
44. Arab News, 20 January 2004.

© Sorby Karol R., 2018.

UDK 323

STRENGTHENING OF INTERRELATION BETWEEN GLOBALIZATION, SECURITY AND DEMOCRATIC DEVELOPMENT IN THE CONTEMPORARY WORLD

U. Yu. Idirov

Doctor of Science (ScD), professor,
ORCID 0000-0003-3166-8911,
Tashkent State Institute of Oriental Studies,
Tashkent, Uzbekistan

Abstract. This article tells about modern tendencies, which happen in the world arena, the features of globalization processes, the tasks which relates with security and democracy, also analytical ideas of positive results of reforms, which are realizing in Uzbekistan.
Keywords: globalization; security; democracy; stable development; world order; development strategy.

During the first decades of the 21st century, globalization as one of the leading tendencies in the world increases its influence to the international relations and sovereign states.

In the beginning of the century in period of globalization the experts often contend, that it strengthens of its intensity and increases the number of non-government actors in its circle [1, p. 113].

Besides, in world level it becomes more complicated the political situation of unformed new world order and becomes more complicated the system of international relations. During the negative influences of globalization to the security system of the sovereign states, it should be mentioned the difficulties of safeguarding of the world security system during the absence of the new world order. Unfortunately, it is still exists selfish ends and threats of some political powers, which want to use of globalization and unformed international system for the purpose of global domination.

After the ending of the world order, which was based on confrontation of bipolar world at the end of the last decade of the 20th century the formation of the multipolar world passes with difficulties, as it was predicted by experts. It is natural in such a kind of condition the world community sets the problem by creating opportunity of strategic security, disarmament, large-scale fighting against common threat and development of active cooperation between the UN members [2, p. 23].

The development such a kind of cooperation in qualitatively new level of course, according to the modern world order, optimal rules and conditions for human life will serve the basement for creation of necessary condition.

Nowadays it is important to develop social system on basis of equal rights, to safeguard political security of all countries of the world independently from political, economical, military status, to provide in practice equality of international status to all countries of the world. Therefore, such a kind of way guarantees democratization of international relations.

Political security on world level is the most important problem in modern time, and secures it according to the needs and undoubtedly sorts out other problems, which closely related with human life.

Along with this the changing of the essence of the world policy at the beginning of the 21st century, particular was satisfy a re-

quirements of global development of the new paradigm of civilized progress [3, p. 62].

Therefore, the philosophy and logic of international relations proves again and again, that it is necessary to develop the new world for peaceful coexistence of the people, to create the system on basis of international cooperation, to turn globalization process into the right way and to turn economical, cultural, humanitarian relations into the main instrument of development.

It is not secret, that in modern period still exist many opportunities to lead all nations to the great purpose of humanity. Actually, democracy during the many centuries has been serving for realization of this mission. However, it is impossible to say, that democracy and its values have been always used carefully for security and stability of human civilization or sorts out this problem without bias. Now it is time to the human kind to be carefully to the democratic ideology and to improve its conceptual basis according to the requirements of the time for sorting out the world problems. Therefore, it becomes important to reach the most acceptable correlations between globalization and democracy and securing effective balance.

Now it should be made a special emphasis about the drastic changes and renovations in human life, which happened in the first decades of the new millennium, sorting out the problems, which were inherited from the last century and to prevent such kind of problems in future, to create the most acceptable democratic basis and to prove its high potential.

Such a kind of striking examples like: providing security of international relations system, political measures for strengthening of its democratic mechanism, which undertakes at present time under the leadership of UN. Particularly, it is proved that the processes, which realize by UN millennium development goals and development of conceptual basis of modern democratic progress.

It is known, the results, which were achieved in the 21st century in the system of the stage of development of democratic ideas, in particular on the assumption of the needs of the period is very important to improve theoretical part of democracy.

The ideas of democratic relations between government and nation, particularly the level and scope of representation of the nation, should be realized on high level. In this case, it is very important to enrich features, which were used in the past and through it to increase its efficiency.

Particularly, democratic ideas like: “Monitoring of democracy”, “Deliberative democracy”, “Electronic democracy”, “Mobile democracy” nowadays found own conceptual description and according to these new models and features of democratic relations between political power and society, suggest ideas of using of modern democratic mechanisms.

These ideas found own reflection in the problems of democracy, widening the arena of democratic cooperation according to the calls of the time and its harmonization with real political processes [4, p. 5].

It is very important to remove different defects of globalization, to discover opportunity in the basis of democracy of strengthening of resistibility to negative influences and to develop the mechanisms of introducing of democratic principles. This condition describes the importance of geopolitical features of democracy in modern international relations system.

Thereupon, it should be mentioned, that nowadays in the Republic of Uzbekistan the full-scale democratic processes “Uzbekistan’s Development Strategy” has been realized, that based on great ideas. In case of deepening of globalization processes in the world, the modern democratic principles and values provide our independent country consecutive development, security and stability.

By initiative of the President of the Republic of Uzbekistan Sh. M. Mirziyoyev realizes in our society the development of the new and innovative basis of democratic orders and values. In result, political, legal, social basis and possibilities of democracy of our country reached high level.

As it was stated by the President of the Republic of Uzbekistan, "the full-scale reforms, realizing in our country, are being supported by the people. Primary results of these changes found own reflection in everyday life of our people, social activity and form faith to the future is being increased."

We ask advice from our people about each order, which relates with the destiny of the country and adopt it after direct dialog with people. The idea that "The people should not serve government offices, but government offices serve the people" is becoming a criterion for this activating [5, p. 4].

The important features of democratic reforms, which are realized in our country, are superiority of human interests and securing in practice. For this purpose consecutively creating legal basis of necessary democratic mechanism.

It should be mentioned, prestige mass media companies of the world recognize the great positive results of democratic renewals in our country. For example, the lead story of "The New York Times", which was devoted to Uzbekistan, wrote: "In the period of retreating of democracy in most part of former Soviet Union and in other spaces of the world it should be mentioned and support the activity of the President Shavkat Mirziyoyev.

Mr. Mirziyoyev started the changes and now USA and EU members are in the relationship with Uzbekistan. Any relations, either investment, or development program it is very important to tied it with improving conditions of human rights in the country" [6, p. 1].

Therefore, the Development Strategy, realizing in our country, takes into account all requirement of the modern world and bring into effect independent democratic development.

The past 27 years of independent Uzbekistan, which was marked by large-scale renewals and creativity in the country, proves year by year that the path of the country's sovereign progress is right. Independence gave us the opportunity to live and work independently of anyone, solely on the basis of national interests, long-term development goals of the country.

In Uzbekistan, there is a huge exceptional experience in building a modern humane democratic right-wing state and civil society, especially in the formation of a society in which human rights and interests have reached the highest level of value. Contemporary Uzbekistan, which has entered a new stage of development, is improving the conceptual basis of progress.

In this context, the Strategy of Actions on five priority directions of development of the Republic of Uzbekistan in 2017–2021 was the most important program document that determined the priority directions of state policy for the medium term.

As the President of the Republic of Uzbekistan Sh.M. Mirziyoyev noted: "Building on the successes achieved in the years of independence, we are confidently moving along the path of progress, **from national revival to national prosperity.**

We adopted the Strategy of Action, which became for us a program of deep reforms at a new stage in the development of the country, and began to fulfill the tasks set in it, the solution of which opens new horizons for us" [7, p. 1].

Over the past two years, the country has consistently pursued a reform strategy, continuing the process of further accelerating national development in all spheres and sectors, as well as raising it to a qualitatively new level. The ongoing large-scale reforms reflect the conceptual idea of a purely demo-

cratic essence: "**The people do not serve state bodies and state bodies should serve the people**", which means, first of all, establishing a direct dialogue with the people and ensuring real protection of the rights, freedoms and legitimate interests of citizens.

In order to further strengthen the foundations for a prosperous life of the population of the country, the issues of harmonization of people, raising the level and quality of their lives play an important role in the annually developed state programs.

More than 30 laws and 900 by-laws adopted in the framework of the State Program for the Implementation of the Strategy for Action in the "Year of Dialogue with the People and Human Interests" in 2017 served as a solid legal foundation for large-scale reforms, accelerated development of the economy and social sphere, and improvement of people's welfare.

In the State Program for the Implementation of the Strategy for Action in the "Year of supporting active entrepreneurship, innovative ideas and technologies", in 2018, special attention is paid to the introduction of innovation, scientific achievements, advanced and creative approaches in all spheres and sectors of society [8, p. 1].

Bibliography

1. Rabotyajev N. Important problems of world evolution in the mirror of national political science // World economy and international relations, 2017, № 5. – P. 113.
2. Kalyadin A. Underestimate resource of global ruling // World economy and international relations, 2014. № 1. – P. 23.
3. Vasilyeva N. To the question about the subject of philosophy of the world policy // Polis, 2012, № 2. – P. 62.
4. Peregudov S. The concept of monitoring democracy: to the new relations of the power and society // Polis, 2012. № 6. – P. 5.
5. Mirziyoyev Sh.M. Address of the President of the Republic of Uzbekistan to Oliy Majlis (Parliament of the Republic of Uzbekistan). – T. : Uzbekistan, 2018. – P. 4.
6. Newspaper: Xalq so'zi, 17 of April, 2018. – № 75 (7033).
7. Speech of President Shavkat Mirziyoyev at the solemn meeting dedicated to the 27th anniversary of the state independence of the Republic of Uzbekistan // Newspaper "Narodnoye Slovo", September 1, 2018, No. 180–181 (7108–7109).
8. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan "On the State Program for the Implementation of the Strategy of Actions on five priority directions of development of the Republic of Uzbekistan in 2017–2021 in the "Year of supporting active entrepreneurship, innovative ideas and technologies" of January 22, 2018. http://lex.uz/docs/3516847

© Idirov U. Yu., 2018.

УДК 323

ПРЕДЕЛ СОВМЕСТИМОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ И ДЕМОКРАТИИ В МИРНОМ ПРОЦВЕТАНИИ И ВОЗРОЖДЕНИИ КИТАЯ

И. Н. Бекмуратов

Кандидат политических наук, доцент,
ORDIC 0000-0002-4775-8279,
e-mail: ismat66bek@yandex.ru,
Ташкентский государственный
институт востоковедения,
г. Ташкент, Узбекистан

BOUNDARY OF COMPATIBILITY OF SOCIOCULTURAL FEATURES AND DEMOCRACY IN PEACEFUL PROSPERITY AND REVIVAL OF CHINA

I. N. Bekmuratov

Doctor of Science (PhD), assistant professor,
ORDIC 0000-0002-4775-8279,
e-mail: ismat66bek@yandex.ru,
Tashkent State Institute of Oriental Studies,
Tashkent, Uzbekistan

Abstract. The article discusses the compatibility of sociocultural features with the peaceful prosperity and rebirth of China. The topicality of the problem is the investigation of not a simple relationship between a Western-style democracy and the sociocultural of non-Western civilizations and countries at the modern stage.
Therefore, the article attempts to find common points of contact between democracies on the one hand and socio-cultural specifics on the other in the context of the development of modern China.
Keywords: socio-culture; democracy; Chinese traditional democracy; political system; "afroasiation"; state; mentality; "transportation"; democracy.

Как известно, демократия, как концепт и социальная практика впервые нашла свое применение в древнегреческих полисах на южных окраинах Европы. С тех пор прошло не много и не мало – более двух тысяч лет. Феноменальное долголетие, её правильнее будет связать, главным образом, с тем, что она обозначала, прежде всего, свободу и благополучие являющимися, пожалуй, теми, без которых человеческая жизнь потеряла бы всякий смысл. В этой ипостаси любая демократия и понятия близки любому человеку, любому обществу и любому государству, вне зависимости от того, где и когда они пришли в этот мир. Тем не менее, демократия не перестает взбудораживать сознание миллионов и миллиардов, вызывая самую заинтересованную полемику на всем земном шаре.

Думается, что сегодня мировое научное сообщество подошло к такому историческому рубежу констатации факта: у демократии нет и не может быть никакой другой альтернативы, заменить нельзя ни чем, она не подвластна ни ходу истории, ни демографии, ни каким-либо другим более или менее известным социальным сдвигам. Перефразируя ставший в одно время на одной части Земли очень расхожим постулат, можно выразиться, что демократия – общепланетарна по содержанию и конкретно национальна по форме. К тому же, как содержание, так и форма внутри нее в наше глобализирующееся время не статичны и не изолированы друг

от друга, а подвержены взаимовлиянию с амплитудой от нуля до максимума мыслимого. С этой точки зрения само собою разумеющейся представляется как проблемность, так и эвристичность соотношения менталитета особенностей и демократии в применении и к Китаю.

Давно апробирована, что демократия как теория, так и с точки зрения широты применения исключительно западная реальность. На Западе проблема демократии привлекла несравнимо большое внимание как теоретиков так и практиков чем на Востоке, более того возведена до уровня единственного фундаментального критерия оценки дееспособности любого общества, государства и креативной силы человека как такового. В то же самое время многообразие мира в целом, и так называемых «миров» в «мире» вносит в это дело свои существенные коррективы, с чем нельзя не считаться. Ибо игнорирование данного императива, как показал трагический опыт многих обществ и государств чревато колоссальным ущербом, угрозой их дальнейшему существованию. Однако под таким предлогом отказаться от демократии как таковой не лучший вариант социальной практики. Ибо в самом широком понимании само бытие онтологически встроено в демократию.

Изучение китайской реалии, как по вертикали, так и по горизонтали – хозяйственных навыков истории, культуры, политического и экономического пространства, функционирования государственной власти и управленческих структур подтвердило, что китайское общество стремилось выстраивать в рамках разума и свободы, т.е. демократии, лишь демократией национальной по форме. В противном случае этому обществу было бы не суждено, ни отстаивать своего достоинства, ни сохранить свою государственность на протяжении долгих тысячелетий. Китайцы строили социальную и политическую систему, подходя к этому социально - исторически и ситуативно. Все это рассматривалось сообразно с концепцией естественности: приспосабливаясь к ней и приспосабливая к себе. Как подчеркивается в научных кругах, китайское общество особо усердствовало в том, чтобы запрограммировать социальную систему, так и не создавали громоздкие теории, ориентированные на упорядочение жизненного динамизма. Не только китайцам, но подавляющему большинству народов Востока свойственно не занятие теоретизированием, напротив, они доверяют мудрости предков, опытных правителей. Это никак не означало, что китайцы не знали и не ведали демократию.

Похоже, человечество наконец-то подошло к признанию того, что мировые беспорядки, грозящие уничтожением людского рода, предотвращаются не грудой «заумных» теорий и программ, а конкретной практикой шаг за шагом, иногда и «ощупью». Такой рационализм не нов человечеству. Как сказано выше, такое на Востоке было давно. Далеко не случайно, как пишут специалисты, сегодня появился термин «афроазиатизация мира», указывающий на культурное и экономическое воздействие стран Азии и Африки, на развитие человечества в целом» [5, с. 146]. Концепт «афроазиатизация» в научной оборот введен акад. А. Давидсоном.

Подтверждал ту же новую объективную тенденцию несколько раньше американский ученый Джон Айкенберри в своей статье с многозначительным названием «Будущее либерального мирового порядка» опубликовавшейся на границах авторитетного издания «Форин афферс», где говорится, что «странам Запада становится все труднее отстаивать прежнюю систему в международных финансовых и экономических отношениях» [6, с. 2]. Мы бы со своей стороны этому добавили: трудности Запада генерированы тем, что

система западных политических и культурных ценностей, в том числе и демократические, перестали отражать тенденции все более плюрализации мира.

С этой точки зрения усиливающееся воздействие теперь уже оборотное, т.е. с Востока на Запад, лишь видимая часть происходящих глубинных глобальных трансформаций перемещения оси глобального развития с Запада на Восток. Реальностью времени становится эпохальный процесс наступления очередной «восточнической» фазы цикла взаимодействия Востока и Запада, входе которой последний вынужден будет либо спешно выработать новые формы социального регулирования, либо навсегда утратить место в истории [7, с. 169–170].

Известно, что Восток дважды (в древности и средние века) доминировал в мировой истории, лучами культурной и хозяйственной жизни, осветив и Старый и Новый Свет. Однако оба раза оно прерывалось превосходящей мощью Запада, оставив тем не менее, за собой гигантское наследие словами талантливого ученого по глобалистике Эрнеста Кочетова, «Ось жизненных начал» [4, с. 116, 418–419]. По его мнению, эту «ось жизненных начал», т. е. фундаментальные основы социальности предложенных Востоком, никакими силами невозможно вытравить в человеке, обществе, в цивилизации или заменить их, тем, что создано где-то на Западе. Они спустя определенное время обретут «пассионарность» и при благоприятном стечении обстоятельств вновь становятся средоточием новых идей и практики, могущих вывести страну или регион на качественно новый неизведанный уровень, на новую социальную практику.

На этом этапе уже не будут места для изживших себя ценностей, а ценностям, которые не исчерпали из себя созидательное начало, придётся приспосабливаться к качественно высоким требованиям и потребностям. К последним следует отнести и демократию. Ныне демократии приходится сосуществовать, соперничать с новым фактором мировой истории, называемой «национальной особенностью, привлекательность и креативная способность которой на современном этапе резко возросли. Она стала фактором, определяющим в жизни народов, обществ, сообществ. Следовательно, не социальный менталитет должен приспосабливаться к демократии, а наоборот.

В условиях во многом противоречивого процесса глобализации своеобразным «камнем преткновения» требующих из-за конфликтогенности к себе особого внимания представляет собой проблема совместимости национального менталитета, являющегося эндогенным по отношению к внешним воздействиям, с одной стороны и демократией производной в основном западной социокультурной среды. Теоретически они противоположными друг к другу никак не являются. Напротив, как продукты и особенности духовного творчества человека, оба вписываются в благие устремления индивида, имеют множество точек соприкосновения. Получилось так, что мир знает как сказано выше, о демократии несравненно много чем, о национальном менталитете. Отсюда одномерная оценка последнего, т.е. оценка с позиции того, о чем знали много.

Как известно, проблема ментальности, в том числе ментальности национальной в социально-гуманитарных науках, в силу господствовавших до недавнего времени догм, изучена крайне не удовлетворительно. Научные сообщества, аналитические учреждения тесно связанные с политикой лишь сейчас признали за ментальностью право быть приоритетно исследованной. Как отмечают специалисты, менталитет, будучи «особенностью сознания

и психики человека» [1, с. 10], непосредственно и опосредованно «влияет на познавательную и практическую деятельность субъекта» [2, с. 23]. Если учесть то, что современный этап истории стал особняком с точки зрения роста роли ментальных особенностей, мировому сообществу придется срочно и коренным образом пересмотреть свою оценку к проблемам связанным с национальным менталитетом, признаться в том, что менталитет как невидимый разводящий социально-политических предпочтений и действия общества, коллективного и индивидуального участника политических и культурных процессов – как локального, так и глобального масштаба «работает» денно и нощно. И далеко не случайно, Арнольд Тойнби, настоятельно обращал внимание научного мира на необходимость изучения подсознательной сферы, лежащей в глубине действий, мыслей и желаний человека, т.е. на менталитет [3, с. 31].

Действительно в процессе внимательного изучения официальных правительственных документов (материалы съездов КПК, концепции, касающиеся приоритетные области жизни общества и др.) мы столкнулись с одной очень важной спецификой: в них много и серьёзно говорится о созидательности демократии как таковой, и о том, что лишь демократия, как и понятие «свобода», способна дать человеку то, что требуется для полнокровной реализации им своих производственных и духовных потенций. С этой точки зрения нет ничего противоречащего демократии в делах и мыслях китайского общества. Нам кажется что, линия рассогласованности в подходах китайцев и народов, воспитанных в духе западноевропейских традиций к демократии пролегает в области восприятия с одной стороны и, порядка применения ими с другой – фундаментальных демократических принципов в различных сферах жизнедеятельности общества (в хозяйственной, политической, социальной, культурной, а также в сфере образования, кадровой политике).

Представляется, что данное расхождение берет свое начало от того, что на Западе демократия видится как искусственный продукт интеллектуального духовного творчества и жизненной практики человека, как средство субъекта устремленного к реализации собственных материальных духовных интересов. В Китае же относились к демократии как олицетворению благополучия и счастья и естественному состоянию души и тела индивида.

В Китае традиционно демократию воспринимали таким естественным и изначальным, к примеру, как космос, небо, земля, времена года, человек, флора, фауна, горы, реки и т. д. Она не привнесена и не приносится в жизненный поток, а является естественным его проявлением. В Китае демократия, т. е. свобода, определялась Вселенским порядком, частью гармоничного мироздания.

Философски, демократия в Китае воспринимается как изначально наличествующая в природе человека субстрата и субстанции. Потому и не нуждается в привнесении, ибо она была, есть и будет навсегда. И любая попытка «транспортировки» демократии некитайского образца в Китай кажется ментально противоестественной.

Это обусловлено мотивационными особенностями же сознания и психики китайца тысячелетиями встроенного в исконно китайское социальное и культурное пространство, сформированное тысячелетиями под воздействием всех тех событий, которые произошли там. В нашем случае, пространство китайское «заполнено» тремя параметрами – особенным китайским – генотипом, особенными природными и социальными условиями присущими Китаю и наконец, особенным духовным миром.

Китайский философ – неоконфуцианец Чень Хао это описывает в виде того, что «человек относится к небу, земле и всему существу как к единому телу. Он относится к миру как к единой семье» [3, с. 221]. Отсюда видно, что менталитет китайца, характерные черты его поведения сформированы на базе синкретического сознания, восприятия мира.

В китайской политической культуре, следовательно, в национальном политическом менталитете государственная власть, структура власти в этом своём существе лучше защищает интересы народа.

Касательно современного китайского общества можно с уверенностью сказать, оно неоднократно подтвердило, что национальный менталитет был и остаётся чувствительным к так называемому «демократическому транзиту» и более того проявляет разумную открытость к фундаментальным демократическим ценностям, ставшим давно общечеловеческими. Китай видит свою перспективу в цивилизованном отношении с западными демократиями.

Подытоживая изученное и обобщая поступательные процессы динамичного развития Китайской Народной Республики можно сделать вывод, что сегодняшний Китай предлагает миру возможность пересмотра многих ценностей, которые могут возродиться в несколько ином обличии, тем самым продлив своё служение человечеству.

Считаем, что наступающий виток человеческой истории принесёт много «особенного», такой особенностью сегодняшнего этапа мирового развития является «феномен» демократии с китайской спецификой, хотим добавить, что поощрение этой тенденции однозначно обезопасит мир от ненужных рисков и бессмысленной конфронтации между сегментами мировой демократии.

Библиографический список

1. Акулич М. Менталитет: мировоззрение, общественное сознание как основы социальной модернизации // Вест. Томского Ун-та, Социология, №8, 2010. – С. 10.
2. Губанов Н. Н., Губанов Н. И. Менталитет: сущность, функционирование в обществе // Вопросы философии, № 2. – 2013. – С. 23.
3. Избери жизнь. Диалог Арнольда Тойнби и Дайсаку Икеды. – М., 2008.
4. Кочетов Э. Диалог. – М., 2011. – С. 116, 418, 419.
5. Материалы VIII съезда востоковедов. Казань. // Восток. – № 1. – 2013. – С. 146.
6. Юрлов Ф. А. КНР, Индия, США: соотношение сил меняется // Азия и Африка сегодня. – № 1. – 2013. – С. 2.
7. XI Всероссийская конференция «Философия Восточноазиатского региона и современная цивилизация» // Проблемы Дальнего Востока. – № 4. – 2005. – С. 169–170.

© Бекмуратов И. Н., 2018.

УДК 323.2

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА – КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ И СТАБИЛЬНОСТИ В УЗБЕКИСТАНЕ

А. Т. Эшмурадов

Соискатель,
e-mail: jurabek_kesh@mail.ru,
Национальный университет Узбекистана,
г. Ташкент, Узбекистан

PROVIDING SPIRITUAL SECURITY OF THE SOCIETY – AS A FACTOR OF PROVIDING SECURITY AND STABILITY IN UZBEKISTAN

A. T. Ishmuradov

PhD applicant,
e-mail: jurabek_kesh@mail.ru,
National University of Uzbekistan,
Tashkent, Uzbekistan

Abstract. The article describes the spiritual threats in the period of globalization, their manifestation, negative impact and consequences, offers the possibility of achieving security and stability through the provision of spiritual security in society.

Keywords: globalization; spirituality; spiritual threat; ideological immunity; system of spiritual security; education of youth; family; mahalla.

В конце XX века – начале XXI века международная обстановка, отношения между государствами и народами характеризуется крайним углублением процессов глобализации. В этом смысле Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев определил критерии глобальных проблем, отметив: «Как вам всем известно, в настоящее время в мировом масштабе все нарастающую силу приобретают беспощадная конкуренция, разногласия и противоречия. Усилились такие риски, как религиозный экстремизм, терроризм, наркомания, торговля людьми, незаконная миграция, «массовая культура», которые причиняют урон мировоззрениям и семейным ценностям, которыми следовало на протяжении веков человечество. То, что именно эти и многочисленные другие угрозы создают серьезные проблемы в жизни людей – это действительность, и никто этого не отрицает» [1].

Конечно, сегодняшние глобальные процессы создают благоприятные условия для производства на основе новейших технологий, современных оперативных систем коммуникаций и средств связи, производительности труда, и раскрывают неограниченные возможности. Это в свою очередь, служит для взаимного сближения стран и активизации интеграционных процессов в системе мировой экономики. Однако для правильного выявления глубиной сущности изменяющейся мировой логики, причин возникающих в настоящее время разногласий и противоречий, нам необходимо определить основную суть социального прогресса. Согласно ему, как у каждого социального события есть положительные и отрицательные стороны, так и процесс глобализации не является исключением. На сегодняшний день его особенно острое и широкомасштабное влияние можно увидеть и почувствовать

почти во всех сферах. Жизни деятельность общества то, что глобализация является именно противоречивым событием, можно заметить, в первую очередь, в риске распространения лжекультуры негативных событий под маской «массовой культуры», а также все большем однообразности разнообразной и богатой жизни народов, ослаблении чувства национальной самобытности, усилении таких рисков, как эгоизм и нигилизм.

В настоящее время приобретает большое значение своевременное осознание и выявление действительной сущности и цели долгосрочной политики, осуществляемой на международной арене различными политическими силами для достижения своих национальных и стратегических планов под маской «Продвижения свободы и демократии». В результате изменения формы технологий войн в мире, напряжения геополитических отношений, коварной политики, проводимой некоторыми могущественными странами в отношении конкретных стран, в первую очередь, территорий богатых подземными и наземными богатствами, нарушения мирной жизни в некоторых странах мира, прихода к власти в этих странах сил, служащих интересам тех самых государств, усилились транснациональные конфликты, межрелигиозная борьба, столкновения между культурами. Не осознается, что данный процесс на самом деле является производной зла – «разделяй и властвуй».

Поэтому, еще одной особенностью процесса глобализации является то, что на сегодняшний день он превратился в самое острое оружие идеологического давления, и служит интересам различных политических сил и центров. А эти процессы стали одними из серьезных нравственных угроз для нашей национальной и духовной безопасности, наших национальных интересов, осуществления политики на пути обеспечения будущего высокодуховного поколения, и эти угрозы усиливаются изо дня в день. И также угрозы определяет актуальность проблем духовной безопасности.

«Под духовной угрозой, в первую очередь, необходимо понимать идеологические, идейные и информационные атаки, направленные против свободы жизни любого человека, независимо от его языка, религии и мировоззрения, предусматривающие своей целью разрушение его духовного мира...» [2, с. 319]. Данное идеологическое событие является самым опасным процессом. Потому что человек, очаровавшись своим открытиям, ослабевает с мировоззренческой, нравственной и деятельной стороны. Результатом этого являются терроризм, различные секты религиозного экстремизма, безразличие, эгоцентризм и движения «по продвижению демократии». Эти действия угрожают национальному единству, братству и сотрудничеству. Разъедает внутренную стержин морального устоя общества

Конечно - сила способная противостоять духовным угрозам – идеологический иммунитет. Но в последнее время в нашем языке также появился и новый термин как «угрозоустойчивость» иммунитета. Как существует конкуренция в товарно-рыночных условиях, так и очень важно обеспечить угрозоустойчивость общества в сегодняшний очень сложный и опасный период, когда идет сильная конкуренция за овладение сознанием и душами людей.

Вот в такой ситуации, когда человек не обладает собственным независимым мнением, прошедшими испытанием временем национально-жизненными ценностями, сформированным на здравой базе мировоззрением и сильной волей, он точно не сможет противостоять различным духовным угрозам и их иногда открытым, а иногда и скрытым проявлениям. Поэтому – где бы ни происходила какая-либо

угроза духовности, будь это в странах Востока или Запада, на Африканском или Азиатском континенте, она естественно становится заботой каждого здравомыслящего человека, каждого народа, думающего о сегодняшнем и завтрашнем дне, потому что интеграционная связь имеет свои закономерности и влияние общественных процессов.

Поэтому на сегодняшний день одной из актуальных задач, стоящих перед учеными политологами, является глубокое изучение и научный анализ сущности таких понятий, как глобализация, духовная безопасность, духовный кризис, информационная безопасность, идеологический вакуум, духовная угроза, а также разработка конкретных предложений. Цивилизация современного периода свидетельствует о том, что без обеспечения духовной безопасности общества невозможно представить перспективы будущего. Разрушение части целого – потери идентичности национальных культур это равносильно утраты гармонии разнообразии. Система духовной безопасности – это совокупность выражения национального духа, потенциала, воли и представления понятий и ценностей о культуре, истории и основ узбекской государственности. Вопрос духовной безопасности входит в ряд задач определяющих наличие нации. Он через нравственные ценности выражает в целом деятельность социальных систем, направленных на сохранение общества и его культуры [3, с. 136].

С этой точки зрений, в создаваемом в Узбекистане демократическом государстве и справедливом гражданском обществе вопросы духовности и духовной безопасности определены одним из основных направлений. Каждый человек хорошо понимает, что идеологические атаки бьют в наши национальные и религиозные корни, и преследуют враждебные цели, чтобы полностью оторвать нас от этих корней. Такие агрессивные действия особенно опасны тем, что они направлены на насаждение в душах и сознании, особенно молодежи, абсолютно чуждой для нас идеологии и мировоззрения.

В то время, когда около 60 процентов нашего населения составляет молодежь, нельзя без защиты молодежи сберечь будущее и духовность нации. Руководитель нашей страны Ш. Мирзиёев в своей речи на совместном заседании палат Олий Мажлиса, посвященном торжественному вступлению на должность Президента Республики Узбекистан, отметил: «Мы неуклонно и решительно продолжим государственную молодежную политику. И не только продолжим, но и поднимем ее на еще более высокий уровень в соответствии с требованиями сегодняшнего дня. Мы мобилизуем все силы и возможности нашего государства и общества для того, чтобы наша молодежь обладала самостоятельным мышлением, высоким интеллектуальным и духовным потенциалом, ни в одной сфере не уступала своим сверстникам из других стран, была счастлива и уверена в своем будущем» [4, с. 16].

Действительно, в настоящее время наш народ, особенно молодежь, вынуждена жить под сильным идейным, идеологическим и информационным давлением. Сегодняшний рост этих угроз ставит в повестку дня задачу по обеспечению духовной безопасности в обществе. Относящиеся к этому виду угрозы отличаются своим широким охватом и наличием далеко идущих целей. В настоящее время попытки к несвойственным национальной духовности действиям, встречающимся не только среди молодежи, но и даже среди некоторых преклонного возраста лиц, пристрастие к различным вредным привычкам являются следствием информационных нападок, мягко говоря, «экспортом безвозмездной культуры».

Усиление процессов глобализации и новые угрозы и риски против стабильности свидетельствуют о необходимости критической оценки работ, осуществляемых в сфере все более возрастающей сложной и опасной ситуации и совершенствования ее деятельности в соответствии с современными требованиями. Особенно, принятая Президентом нашей страны Шавкатом Миромоновичем Мирзиёевым в феврале 2017 года **«Стратегия развития Республики Узбекистан на 2017–2021 годы»**, стала крупным политическим событием в социальных и правовых отношениях государства и общества, во всех сферах управления и экономики, в частности в жизни нашей страны как новый этап духовно-просветительской сферы. Как отметил наш Президент, «... люди, считающие себя ответственным за духовность нашей молодежи, их идейно-идеологическое воспитание – будь это махалля или религиозные организации, сотрудники правоохранительных органов или обладающая большой силой влияния творческая интеллигенция – все они должны быть особенно активными» [5]. Потому что только в духовном обществе могут полностью воплотиться надежды людей на пути к новой и благополучной жизни.

Исходя из вышеприведенных мнений, считаем целесообразным осуществить следующие задачи по обеспечению национально-духовной безопасности в процессе глобализации, выявлению объективных и субъективных факторов угрожающих духовности и культуре членов нашего общества, предупреждению идеологических рисков:

Во-первых, риски и угрозы, угрожающие духовной жизни нашего общества в процессе глобализации, проявляются в своеобразной форме, и в настоящее время, когда их сила воздействия возрастает изо дня в день, необходимо осуществить с точки зрения сегодняшнего периода новый подход при изучении и научном анализе сущности, форм проявления и социальных последствий духовных угроз;

Во-вторых, в связи с тем, что в настоящий период прогресса человечества информационно-коммуникационные средства превратились в современное оружие духовного и идеологического влияния, и вошли в исторически новый качественный этап духовных рисков, необходимо провести с социально-политической точки зрения научное исследование их особенностей проявления;

В-третьих, в связи с тем, что процесс глобализации, его сущность, положительные и негативные стороны, в частности как средство идеологического воздействия на сегодняшний день служит национальным и стратегическим целям различных политических сил на международной арене, через данный процесс наступают различные враждебные и разрушительные идеи, направленные против нашей национальной духовности и наших ценностей, необходимо заблаговременно прогнозировать к каким негативным последствиям они могут привести завтра в нашей жизни, а также внедрить в практику конкретные адресные комплексные меры по противодействию им;

В-четвертых, из-за того, что в сегодняшний период, когда приобретают сложный характер идеологические противостояния, молодежь под влиянием различных объективных и субъективных факторов становится в основной объект духовных угроз, в качестве основного направления предупреждения духовных угроз необходимо понять жизненные цели и надежды нашей молодежи и приоритетные направления в ее духовно-нравственной жизни;

В-пятых, в нашей стране по своей духовно-идеологической силе влияние семьи, махалли, образовательно-воспитательной системы и СМИ приобретает большое значение в процессе идейно-идеологического воспитания, и в обеспечении вопросов духовной безопасности в обществе необходимо найти разумные решения имеющихся проблем и недостатков через повышение активности данных институтов гражданского общества и обеспечения их взаимодействия.

В заключение, для обеспечения мира, безопасности и стабильного социально-экономического прогресса в Центральной Азии, в частности в расположенном в самом ее центре Узбекистане, конечно же, необходимо вести решительную и последовательную борьбу с духовными угрозами. Разрушительные и безнравственные идеи больше всего проникают в необразованное и бездуховное общество. Поэтому нам необходимо вести борьбу мнением против мнения, идеей против идеи, а против невежества – духовностью. Научно-духовное процветание в обществе является самым важным средством борьбы с духовными угрозами. Обеспечение духовной безопасности в Узбекистане – одно из важных условий на пути укрепления независимости государства, уверенного шага к будущему и построения нового демократического государства и гражданского общества.

Библиографический список

1. Мирзиёев Ш. Мы все вместе построим свободное, демократическое и процветающее государство Узбекистан. – Т. : Узбекистан, 2016. – С. 16.
2. Ўзбекистон Президенти Шавкат Мирзиёевнинг “Камолот” ёшлар ижтимоий ҳаракатининг IV қурултойидаги нутқи // “Халқ сўзи” газетаси, 2017 йил 1 июль.
3. Мирзиёевнинг Ш. М. “Ижтимоий барқарорликни таъминлаш, муқаддас динимизнинг софлигини асраш –давр талаби” мавзусидаги анжуманда сўзлаган нутқи // “Тошкент оқшоми” газетаси, 2017 йил 16 июнь.
4. Каримов И. Юксак маънавият – енгилмас куч. – Т. : “Маънавият”, 2008. – Б. 319.
5. Алимардонов Т. Т. Эркинлик руҳи. – Т. : Нишон-ношир нашриёти, 2015. – Б. 136.

Bibliograficheskij spisok

1. Mirziyoev Sh. My` vse vmeste postroim svobodnoe, demokraticheskoe i proczvetayushhee gosudarstvo Uzbekistan. – T. : Uzbekistan, 2016. – S. 16.
2. Ўzbekiston Prezidenti Shavkat Mirziyoevning “Kamolot” yoshlar izhtimoij ҳarakatining IV қurultojidagi nutқi // “Xalқ sўzi” gazetasi, 2017 jil 1 iyul`.
3. Mirziyoevning Sh. M. “Izhtimoij barқarorlikni ta``minlash, muқaddas dinimizning sofligini asrash –davr talabi” mavzusidagi anzhumanda sўzlagan nutқi // “Toshkent oқshomi” gazetasi, 2017 jil 16 iyun`.
4. Karimov I. Yuksak ma``naviyat – engilmas kuch. – T. : “Ma``naviyat”, 2008. – B. 319.

© Эшмурадов А. Т., 2018.

Technické vědy

УДК 65.018

МЕТРОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ АККРЕДИТОВАННЫХ ИСПЫТАТЕЛЬНЫХ ЛАБОРАТОРИЙ

М. Ю. Смышляева

Студентка,
e-mail: oppositeyou1@gmail.com,
Поволжский государственный технологический университет,
г. Йошкар-Ола, Россия

METROLOGICAL REQUIREMENTS FOR THE ACCREDITED TESTING LABORATORIES

M. Ju. Smyshlyaeva

Student,
e-mail: oppositeyou1@gmail.com,
Volga State University of Technology,
Yoshkar-Ola, Russia

Abstract. In works emphases on often arising problems connected with metrological traceability of measurements are placed. Metrological requirements the integral criteria at accreditation of laboratory for ensuring unity of measurements. Without their strict observance recognition of results of activity of laboratory in the international market is impossible.
Keywords: accreditation; metrological requirements; laboratory; uncertainty; metrological traceability.

29 октября 2017 года в г. Ванкувере (Канада) объявлено о присоединении Федеральной службы по аккредитации к Договорённости о взаимном признании Международной организации по аккредитации лабораторий (ILAC MRA). Присоединившись к Договорённости, Росаккредитация обязуется соблюдать правила и способствовать продвижению целей ILAC, а так же политику по прослеживаемости результатов измерений.

Метрологические требования являются важной составляющей во всех областях, так как их соблюдение способствует сопоставимости результатов измерений «во времени и пространстве» и усиливает их надежность.

Для создания единого подхода в настоящее время пересматриваются тре-

бования к метрологическому обеспечению для поддержки и определения метрологической прослеживаемости. Нормативно-правовая база находиться сейчас в состоянии перехода: часть требований «уходит в прошлое», другая часть – разрабатывается и актуализируется. Пересмотр действующих документов ведется для укрепления доверия к деятельности лабораторий. Однозначная идентификация процессов, трактование терминов и требований в части метрологического обеспечения позволят контролировать и оценивать неопределенность результатов измерений.

Для решения данной задачи необходимо быть знакомым с актуальными требованиями нормативно-правовых документов, кроме того, эффективно «знакомство» с вопросами на практическом уровне. В работе обсуждены и проанализированы основные метрологические требования на основе анализа существующих нормативно-правовых документов, находящихся на разных ступенях иерархии. За основу взята зарубежная публикация, освещающая похожие аспекты [6].

Основные метрологические требования заявлены в условиях ГОСТ ISO/IEC 17025.Испытательные и калибровочные лаборатории должны продемонстрировать, что они обеспечивают прослеживаемость результатов измерений. Указывается, что «испытательные лаборатории должны иметь и должны применять процедуры для оценки неопределенности измерения» и, далее при оценке неопределенности измерения все компоненты неопределенности, которые имеют значение в данная ситуации должна учитываться с использованием соответствующих методов анализа». В нашей стране критерии аккредитации для лабораторий установлены на основании положений данного стандарта. Положения других стандартов только в общем касаются понятия «аккредитация». Конкретную информацию, которая часто требуется, можно найти в ряде нормативных и руководящих указаний, охватывающие различные аспекты, например, оценка неопределенности.

В каждом случае лаборатория должна соответствовать требованиям, которые предъявляет орган по аккредитации; в соответствии с пунктом 8.2.2 ISO 17011 [3] орган по аккредитации должен снабжать лаборатории информацией о подходящих путях получения прослеживаемых результатов измерений в области аккредитации. Это поможет отразить ситуацию в стране, ее конкретную проблемы и потребности. Так же данная информация должна соответствовать положениям ILAC P10 [4], в которых описывается иерархии альтернативных подходов при попытке продемонстрировать метрологическую прослеживаемость. Прослеживаемость результатов измерений может быть установлена путем использования услуг, которые предоставляет калибровочная лаборатория, или с помощью государственных стандартных образцов, значения которых можно проследить до Международной системы единиц.

Испытательные и калибровочные лаборатории должны подтвердить, что услуги калибровки, которые они используют, являются достаточными в отношении конкретной задачи.

Согласно ILAC P 10 [4], оборудование и стандартные образцы получают свои значения от научных метрологических институтов (НМИ) и включенного в Базу данных ключевых сличений Международного бюро мер и весов (МБМВ); или применяются значения, полученные аккредитованным производителем стандартных образцов в соответствии с его областью аккредитации, которые имеют установленную достоверную прослеживаемость.

В случае, если НМИ или орган аккредитации, который не входит в состав CIPM MRA или ILAC MRA соответствен-

но, орган по аккредитации должен разработать политику, которая обеспечит соответствие предоставляемых услуг соответствующим критериям прослеживаемости. В нашей стране это сделано ещё в преддверии вступления в ILAC MRA.

Существует проблема, состоящая в том, что в небольших странах, где, несмотря на наличие научных метрологических институтов, сфера деятельности института не охватывает все стандартные образцы и оборудование, на которые существует спрос. В связи с этим в пункте 5.6.2.1.2 стандарта ИСО 17025 [1] предусмотрено, что существуют определенные виды калибровочных работ, которые в настоящее время не могут быть выполнены в единицах СИ; в этих случаях прослеживаемость может быть установлена с помощью использования аттестованных стандартных образцов, предоставленных компетентным поставщиком, чтобы получить надежные значения физических или химических характеристик. По возможности требуется участие в соответствующей программе межлабораторных сравнительных испытаний.

Стандартные образцы могут быть использованы лабораторией для установления метрологической прослеживаемости. С этой целью лаборатория должна предпочтительно выбрать аккредитованного производителя образцов.

Таким образом, адекватное понимание понятия «прослеживаемость» является предпосылкой для удовлетворения потребностей потребителей, в наилучшем использовании сертификатов калибровки, а также использование стандартных образцов для демонстрации компетентности испытательной лаборатории. Метрологические требования неотъемлемыми критериями при аккредитации лаборатории в целях обеспечение единства измерений. Без их строгого соблюдения невозможно признание результатов деятельности лаборатории на международном рынке.

Библиографический список

1. ГОСТ ИСО/МЭК 17025-2009 Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий.- Введ. 01.01.2012-М.: ФГУП «Стандартинформ», 2012. –36 с.
2. Р 50.2.038-2004 ГСИ. Измерения прямые однократные. Оценивание погрешностей и неопределенности результата измерений.- Введ. 01.01.2005-М.: ФГУП «Стандартинформ», 2011. –9 с.
3. ГОСТ ИСО/МЭК 17011-2009 Оценка соответствия. Общие требования к органам по аккредитации, аккредитующим органы по оценке соответствия. - Введ. 01.07.2010-М.: ФГУП «Стандартинформ», 2010. – 18 с.
4. Р 50.1.108-2016 Политика ИЛАК по прослеживаемости результатов измерений.- Введ. 01.04.2017-М.: ФГУП «Стандартинформ», 2016. – 8 с.
5. ГОСТ Р 8.824-2013/ ISO Guide 34:2009 Государственная система обеспечения единства измерений (ГСИ). Общие требования к компетентности изготовителей стандартных образцов.- Введ. 01.01.2015-М.: ФГУП «Стандартинформ», 2015. –34 с.
6. Kyriacos Tsimillis1 and Sappho Michael, Metrological requirements for accredited laboratories [Электронный ресурс],https://cfmetrologie.edpsciences.org/articles/metrology/pdf/2015/01/metrology_metr2015_06001.pdf - статья в интернете

Bibliograficheskij spisok

1. GOST ISO/ME`K 17025-2009 Obshhie trebovaniya k kompetentnosti is-py`tatel`ny`x i kalibrovochny`x laboratorij.- Vved. 01.01.2012-M.: FGUP «Standartinform», 2012. –36 s.
2. R 50.2.038-2004 GSI. Izmereniya pryamy`e odnokratny`e. Ocenivanie pogreshnostej i neopredelennosti rezul`tata izmerenij.- Vved. 01.01.2005-M.: FGUP «Standartinform», 2011. –9 s.
3. GOST ISO/ME`K 17011-2009 Ocenka sootvetstviya. Obshhie trebovaniya k organam po akkreditacii, akkredituyushhim organy` po ocenke sootvetstviya. - Vved. 01.07.2010-M.: FGUP «Standartinform», 2010. – 18 s.

4. R 50.1.108-2016 Politika ILAK po proslezhivaemosti rezul`tatov izmerenij.- Vved. 01.04.2017-M.: FGUP «Standartinform», 2016. – 8 s.
5. GOST R 8.824-2013/ ISO Guide 34:2009 Gosudarstvennaya sistema obespecheniya edinstva izmerenij (GSI). Obshhie trebovaniya k kompetentnosti izgotovitelej standartny`x obrazczov.- Vved. 01.01.2015-M.: FGUP «Standartinform», 2015. – 34 s.
6. Kyriacos Tsimillis1 and Sappho Michael, Metrological requirements for accredited laboratories [E`lektronny`j resurs],https://cfmetrologie.edpsciences.org/articles/metrology/pdf/2015/01/metrology_metr2015_06001.pdf - stat`ya v internete

© Смышляева М. Ю., 2018.

Historické vědy

УДК 908

ИЗУЧЕНИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ МАЛОЙ РОДИНЫ ПО ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ КАРТЕ (НА ПРИМЕРЕ ДЮРТЮЛИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Р. З. Хизбуллина *Кандидат педагогических наук, e-mail: hizbullina@yandex.ru,*
И. Ф. Адельмурзина *старший преподаватель, e-mail: adelmur@mail.ru,*
А. Н. Мусина *студентка, e-mail: musina-almira97@mail.ru,*
Башкирский государственный университет, г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

STUDYING OF THE LOCAL HISTORY OF THE SMALL HOMEL AND BY THE TOURIST-RECREATIONAL MAP (ON THE EXAMPLE OF DYURTYULINSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

R. Z. Khizbullina *Candidate of Pedagogic Sciences, e-mail: hizbullina@yandex.ru,*
I. F. Adelmurzina *senior lecturer, e-mail: adelmur@mail.ru,*
A. N. Musina *student, e-mail: musina-almira97@mail.ru,*
Bashkir State University, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

Abstract. Local studies of small regions of Russia allows you to get to know each other's territorial features more closely. The information in the tourist-recreational maps is useful both for tourists and for the local population. The map of Dyurtyulinsky district developed by us is interesting and informative.
Keywords: tourist-recreational map; tourism; local history features; Dyurtyulinsky district; sights.

На Земле много мест, которые испокон веков привлекают к себе туристов. Однако даже маленький регион и населенный пункт имеют свою индивидуальную и интересную историю происхождения. Изучение местной культуры помогает лучше узнать особенности коренного населения не только с исторической точки зрения, но и его территориальные особенности.

Туристско-рекреационные карты, наравне с фольклором и литературой, способствуют более глубокому проникновению в менталитет народа, помогают понять и воссоздать целостную картину интересов и традиций населения. Так же необходимо отметить, что данные карты отражают современные культурные инновационные процессы, которые касаются духовных и материальных ценностей людей. Нами была

создана туристско-рекреационная карт, мы считаем, что информация данной карты может быть полезна учителям истории, географии школ Дюртюлинского района, туристам, путешественникам и просто любителям природы.

В качестве примера рассмотрим Дюртюлинский район (рис. 1). Район занимает площадь в 1671 км^2, находится на северо-западе Республики Башкортостан в 128,2 км от г. Уфы. Он расположен в пределах Прибельской увалисто-волнистой равнины. По территории района протекает самый крупный приток Камы – река Белая. Район обладает удобным транспортным положением: его пересекают автомобильные дороги М-7 «Волга», дороги в Нефтекамск, Буздяк, Бураево, Бирск.

Одним из главных природных богатств района являются леса (~17 % от общей площади района). В этой зоне выделяются такие памятники природы, как Дюртюлинские сосновые боры, Елановский заказник, елово-пихтовые насаждения в Кангышевском лесничестве, сосновый бор у деревни Венеция, сосновые боры около села Ангасяк, урема в пойме реки Белой, озера Большая и Малая Елань, водоохранные зоны. Их общая площадь на 2018 год составляет 21 401,7 га [2].

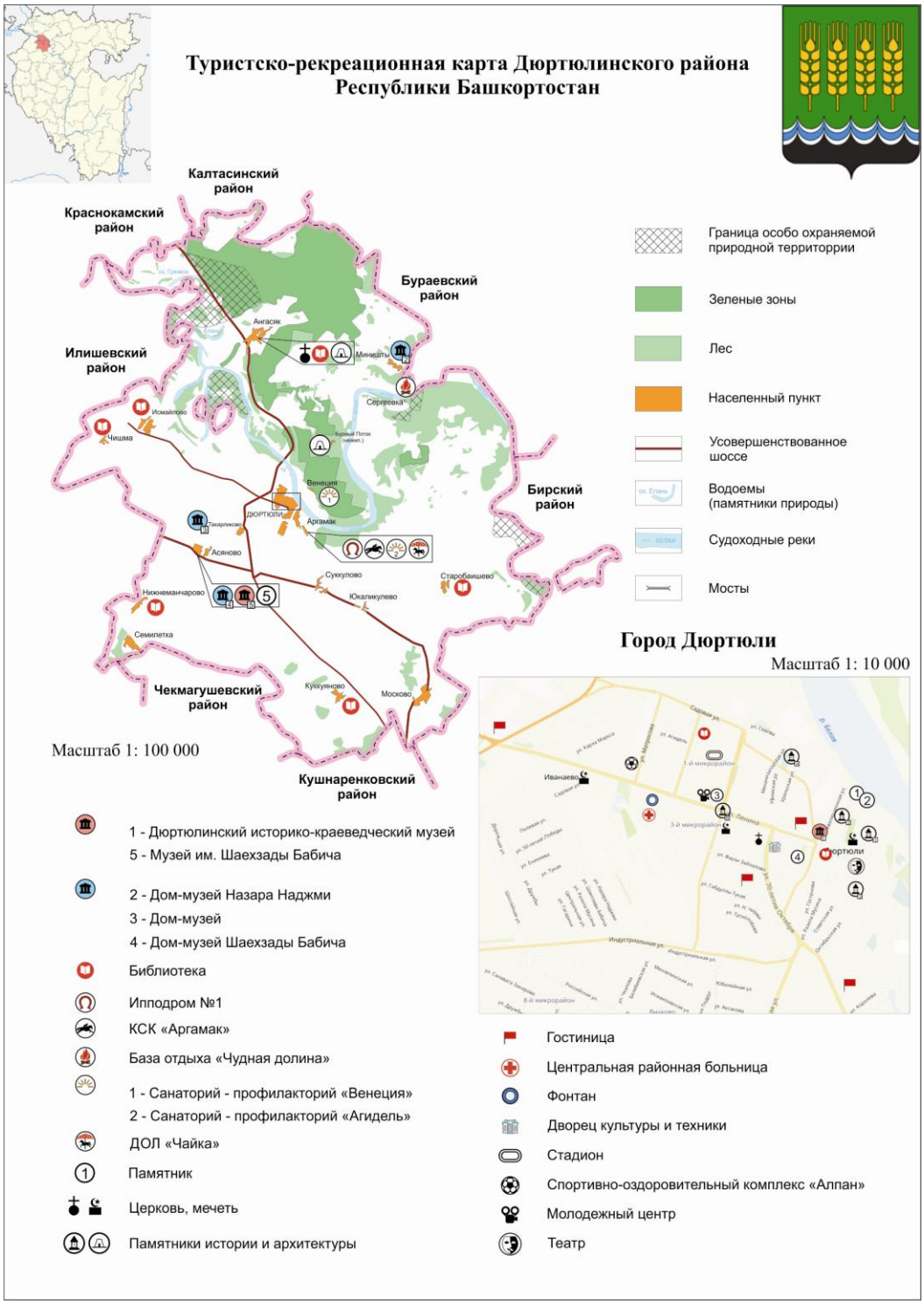

Рис. 1. **Туристско-рекреационная карта Дюртюлинского района Республики Башкортостан**

Однако территория Дюртюлинского района привлекает не только красивыми природными ландшафтами, но и не менее прекрасными страницами истории, которые будут интересны для любителей географии, истории и этнографии.

По данным Росстата на 1 января 2017 численность населения в районе составляет 61 051 человек (из них 50,5 % – в городе Дюртюли). О демографических особенностях и многом другом можно узнать в историко-краеведческом музее, филиале Национального музея Республики Башкортостан. В городе на данный момент 9 охраняемых государством домов – памятников архитектуры [1].

Совершая прогулку по местным достопримечательностям города Дюртюли, нельзя не заметить, что жители дорожат своим прошлым, заботятся о памятниках архитектуры.

Из района на фронтах Великой Отечественной войны воевало 11 271 человек, вернулось домой – 5634 человек. В честь В. Н. Горшкова, героя Советского Союза, него в центре города открыт памятник. На обширной территории в центре города располагается комплекс памятников, посвящённых участникам различных войн: 1905 года, афганской, чеченских компаний, а также участникам ликвидации аварии на ЧАЭС. На берегу р. Белой находится монументально-скульптурная композиция, именуемая – «Солдат, уходящий на фронт».

Во время поездки в Дюртюлинский район стоит побывать и в деревне Асяново – родине общественного деятеля, поэта-патриота Шайхзады Бабича. В честь поэта поставлен памятник, открыт музей его имени и дом-музей, где воссоздана обстановка жизни татарской мусульманской семьи начала XX века. Дом-музей еще одного литературного деятеля, народного поэта Назара Наджми также находится в Дюртюлинском районе в деревне Миништы. Он был публицистом, драматургом, мемуаристом.

Для любителей активного отдыха в сосновом бору на берегу реки Белая, в деревне Сергеевка, расположена база отдыха «Чудная долина». Летом здесь работают водные аттракционы, прокат лодок, спортивные площадки, зимой предлагается катание на лыжах, санях или сноуборде.

Ценители живой природы здесь также могут найти на территории деревни Аргамак конно-спортивный комплекс, ипподром, детский оздоровительный лагерь «Чайка», санаторий-профилакторий «Агидель», а также в деревне с привлекательным названием Венеция располагается санаторий-профилакторий.

Историю и красоту Дюртюлинского района можно описывать бесконечно, а если побывать там и всё увидеть своими глазами, то поездка запомнится навсегда.

Библиографический список

1. Демография. Численность и состав населения // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: http://www.gks.ru
2. Дюртюлинский район. Памятники природы // Башкирия туристская [сайт]. URL: http://www.bashturist.ru

Bibliograficheskij spisok

1. Demografiya. Chislennost` i sostav naseleniya // Federal`naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki [sajt]. URL: http://www.gks.ru
2. Dyurtyulinskij rajon. Pamyatniki prirody` // Bashkiriya turistskaya [sajt]. URL: http://www.bashturist.ru

© Хизбуллина Р. З., Адельмурзина И. Ф., Мусина А. Н., 2018.

Ekonomické vědy

UDK 332.6

COORDINATING PARTICIPANT RELATIONS IN THE ORGANIZATION AND FUNCTIONING OF REGIONAL FARMER'S MARKETS IN BULGARIA

M. Nikolova *PhD, assistant professor,*
M. Linkova *PhD, assistant professor,*
e-mail: m.linkova@uni-svishtov.bg,
D. A. Tsenov Academy of Economic ,
Svishtov, Bulgaria

Authors' contribution to the study is as follows: Section 1 was written by Assoc. Prof. Marina Nikolova, PhD; Section 2 – by Assoc. Prof. Marusya Linkova, Phd; Section 3 and 4, the introduction and the conclusion were written jointly by the authors.

Abstract. Farmer's markets occupy a special place in the classification of markets for agricultural products. This paper ***aims*** to investigate the feasible models of farmer's markets in terms of the degree of coordination among the stakeholders. The authors have set the following ***objectives***: 1) to identify the legal and administrative limitations; 2) to assess agricultural producers' readiness to participate in farmer's markets; 3) to analyze the models of stakeholder coordination in the organization of a farmer's market; 4) to approbate a function model of a regional farmer's market.
Keywords: farmer's markets; agricultural producers; coordination; local authorities; consumers.

JEL: Q18; D21; E22

1. Legal and administrative limitations to the organization and operation of modern farmer's markets

Farmer's markets are a well-known means for meeting the nutritional needs of part of the population. Their revival is associated with an increasing demand for products of higher quality and preserved authentic tastes from "grandma's garden", from "my childhood memories" or with people's belief that only at such places they can find natural products that are alternative to the "industrial foods" containing lots of artificial flavours and taste-improving ingredients. Farmer's markets are becoming increasingly popular in many European countries. The elimination of intermediaries along the "producer-consumer" chain has a positive impact on the incomes of small farmers as well as on the quality of their produce. During the last decade, the idea for "revival" of farmers' markets has gained in popularity in Bulgaria as well [6].

In order to identify the administrative and legal constraints to the organization of farmer's markets in Bulgaria we have to define the role of the main participants in the process of their creation and efficient operation, which are:

- *the central government,*
- *the local governments,*
- *non-government organisations,*
- *farmers;*
- *consumers.*

The central government via the Ministry of Agriculture, Food, and Forestry (MAFF) uses two main tools to encourage direct sales:

- normative changes;
- the Rural Development Programme (RDP).

Normative changes aim mainly to improve the business environment of farmer's markets by creating mechanisms that support their efficient operation. However, these solutions are often inefficient and are hindered by various constraints. For example, our national legislation regarding the sale of agricultural products on local farmer's markets is subject to constant changes. The Ordinance [7] for specific requirements for direct sale or supply of small quantities of raw materials and food of animal origin has been amended and supplemented several times since its initial publication in 2010. Its main purpose is to provide better opportunities for the farmers to sell directly to consumers. The latest amendments to Ordinance 26 aim to improve the conditions under which farmers can process their own produce and the requirements for milk farms as well as to lift the limits for the percentage of eggs a farm is allowed to sell and improve the requirements for hygiene and disinfection. Despite these changes, the Ordinance is still irrelevant to the realities in Bulgaria. This is why few animal farmers are represented on farmer's markets.

The Rural Development Programme is the second incentive to encourage the direct sales of agricultural products and establishment of farmer's markets as well as "short supply chain" (SSC) and "local market" (LM) partnerships with registered names for activity identification and popularization. RDP 2014–2020 aims to promote various groups of beneficiaries (farmers, agricultural businesses, NGOs, scientific organisations, consultancies, etc.) with sustainable results financed under Measure Cooperation. There are two options for direct support of local farmer's markets:

- ✓ local markets within a certain distance from the location of primary producers;
- ✓ short supply chain organisations outside of the regulated perimeter, provided that there is only one intermediary between the primary producer and the consumer.

One of the limitations faced by Bulgarian farmers is the *restriction on direct sales of animal products* (e.g. milk). According to the World Wildlife Fund (WWF) [14] 15 % of the farmers in France process or sell directly part of or all of their produce while in Bulgaria this percentage is much lower. Animal products, such as milk, cheese, eggs, yoghurt, etc., are often sold illegally and at unregulated places. In this respect our national legislation must be improved to allow the farmers to process and sell legally their produce to end consumers, restaurants, and shops. According to Regulation 852 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2004 on the hygiene of foodstuffs, Member States shall encourage the development of national guides to good practice for hygiene of foodstuffs processed at farm level and/or sold directly to consumers. Bulgaria is still the only member-state that has not enforced such guides [4].

Local governments play an especially important role as coordinators of the activities of all participants in the organization and development of farmer's markets. In Europe, farmer's markets are traditionally organized by local authorities, usually on municipal level. In Bulgaria they are most often than not initiated by NGOs under externally-funded projects (e.g. the Foundation for Organic Agriculture Bioselena, the Bulgarian Bioproducts Association (BBA), Hrancoops, scientific organisations, etc.) These organisations aim to organize farmer's markets on a regular basis on certain days of the week in order to make them traditional for each municipality. The municipalities are instrumental in providing designated locations for such markets not only in the capital but also in all regional centres to support the small and medium-sized farms.

Presently, **NGOs** are most active in supporting small-sized farms to sell directly their products to end consumers in Bulgaria. Many NGOs are engaged in the implementation of

various projects and incentives to support local farmers. Most instrumental for the revival and operation of farmer's markets are the Hrancoop initiative (a pioneer of the farmer's markets in Bulgaria), the Sustainable Community Association and other non-government organisations (with projects for support of local farmers in various regions and participation on farmer's markets), the Local Food Foundation and others.

Farmers, as principal stakeholders and active participants in the process, should be more active in taking all opportunities. They should be well aware of the opportunities provided by the national regulations for direct sales of their products. Such sales can be made not only on farmer's markets, but also in their own shops, restaurants, and other points of sale. Moreover, small farmers should be encouraged to create clusters that follow specific steps and rules in the production of a particular product. This will not only increase the output of certain products but also will create a better environment for both farmers and local businesses. Therefore, in order to be most efficient and competitive they should close the cycle of production by processing the produce into finished products and selling these directly to customers on farmer's markets or other points of sale.

Consumers are the final step in the process of efficient operation of a local farmer's market. However, they play an extremely important role for the successful realisation of the agricultural produce/raw materials by communicating directly with the farmers and seeking high-quality and healthy products. Farmer's markets are increasingly sought by various target groups of consumers (e.g. young people with good education, active people, families with children, etc.) Such initiatives should be taken up by all municipalities to meet consumers' needs for traditional products with certain quality and characteristics (bioproducts, low pesticide content, certain taste and nutritional characteristics, etc.) [4]. Such an initiative entitled "Autumn Farmer's Market – Choose the Healthy Food" was implemented for the first time in 2017 in the town of Svishtov within the implementation of a scientific research project[1] with the participations of academics deom the Department of Agricultural Economics, the Municipality of Svishtov, BAB, the Environment and Agriculture Foundation (EAF), and Bioselena Foundation. However, in order to organize the event each year, the organizers will need a stable source of financing. The results of the project show that *the organization and operation of regional farmer's markets for high-quality and environment-friendly local agricultural products require coordinated efforts of farmers, local authorities, businesses and local communities. Scientific and educational institutions can co-ordinate the processes and propose models for regional farmer's markets.*

At this stage of the development of the farmer's markets in Bulgaria there are a number of good practices, but at the same time the *coordination among the stakeholders is not good enough to encourage the farmers to sell their produce directly to the local consumers*. In this respect the central and local authorities should work together with NGOs and scientific organizations to come up with certain legislative initiatives that will not only benefit the small farmers but also satisfy the demand for quality and healthy products of authentic, local origin.

2. Assessment of farmers' readiness to organize and participate in farmer's markets

Farmer's markets occupy a special place in the typology of agricultural product markets. Although they are mainly retail markets, the brands they promote may attract the interest not only of individual consumers

but also of retail chains, food-processing and other companies. The question to what extent the economic benefits are the leading motives for organizing and operating modern farmer's markets remains open to discussion. The organization of a farmer's market aims to establish a direct link between producers and the consumers from the region and allows for the evaluation of innovative marketing ideas. However, the interests of local producers and consumers often combined with those of local authorities and local communities, the central government, the European agrarian policy, and the rural development policy.

In order to benefit from the opportunities for utility multiplication (economic, social, environmental, etc.), each region should determine the specific functional model of its farmer's market in collaboration with farms, local authorities and communities. This means that it should be a "grassroots initiative". i.e. the local farmers are expected to provide bottom-up solutions for the farmer's markets. This is why we conducted interview-based surveys regarding the readiness of the farmers from the region of Svishtov and Belene to organize and participate in farmer's markets. The first survey was conducted in 2015[2] and showed *that the level of local farmers' motivation to organize farmer's markets was extremely low*.

According to the respondents, the main reason for their low motivation is that *in each town there are permanent markets for fresh agricultural products* that offer a wide range of imported agricultural products (mostly fruit and vegetables) at lower prices.

The second most important reason is the *lack of financing for marketing* their produce, i.e. financial resources for awnings, cash registers, scales, stalls, wholesale and retail packaging, salespeople, transportation, etc. Most farms do not have sufficient funds to pursue their own marketing policies and diversify the distribution channels of their produce. Therefore, they are at the mercy of resellers, who set unfairly low prices.

A serious problem is *the high cost of direct sales*, which is due to customers' behaviour (customers tend to damage the goods while choosing) on the one hand, and the need to transport certain amounts of produce back to the farm at the end of the day, which reduces its shelf life and quality. Many respondents point the high cost of sales as the primary demotivating factor for participation in farmer's markets.

Other demotivating factors are the *quality fluctuations and low output volumes of agricultural products for direct sale.* These are the reasons why consumer prefer the large retail chains, where they can find the agricultural products they need despite the fact that they are imported rather than produced locally.

Last but not least is the problem with the *low and unstable turnover* on farmer's markets. Local markets usually offer seasonal agricultural products produced by all local farmers. The lack of diversified distribution channels results in excessive seasonal supply of certain products on the local market and losses for the local farmers.

Therefore, *farmers' main motivation for active participation on modern farmer's markets is not commercial and we have to study further the social and environmental benefits as well as the degree of coordination among farmers on the agricultural markets*. This is why in 2017 we conducted a second survey[3] regarding farmers' readiness to organize and participate in farmer's markets, which covered a wider range of respondents – not only local farmers, but also sectoral organizations, associations of producers and consumers, local authorities, and educational institutions (the research team from the Department of Agricultural Economics at D. A. Tsenov Academy of Economics – see Figure 1.)

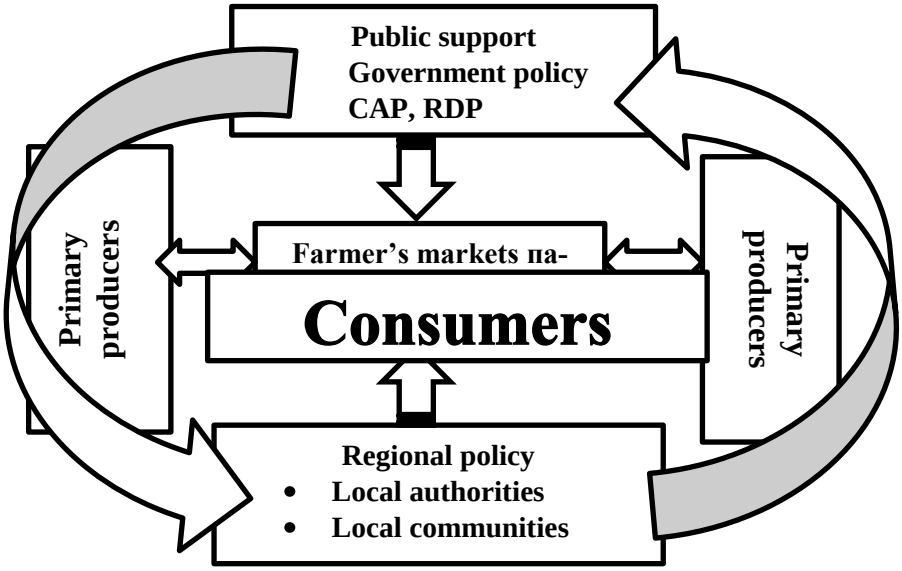

Figure 1. **Stakeholders in the organization of farmer's markets**

The results from the survey show that there are favourable external conditions (regional policies, local authorities and communities) for organization and operation of farmer's markets in the region. Presently in Bulgaria there are 15 organizations of agricultural producers and 39 producer groups with a total number of 333 members but they are far from taking opportunities to strengthen their market positions or establishing the clusters needed to organize farmer's markets.

During the survey, the farmers had to answer the following two questions:

1. What are the most important reasons why consumers buy from your stand on the farmer's market?

2. What kind of support you need to increase your sales?

The responses to the first question are illustrated in Figure 2 below. According to the farmers, consumers prefer local products mainly because of their taste, freshness, and quality (over 73 % of the respondents), price (62 % of the respondents), and availability (39 %). The fact that 30 % of the consumers buy local products in order to support the local producers and 23 % are interested in organic products is impressive and indicative for local communities' awareness and support for the development of the local economy. This proves the hypothesis that modern farmer's markets have social rather than commercial functions.

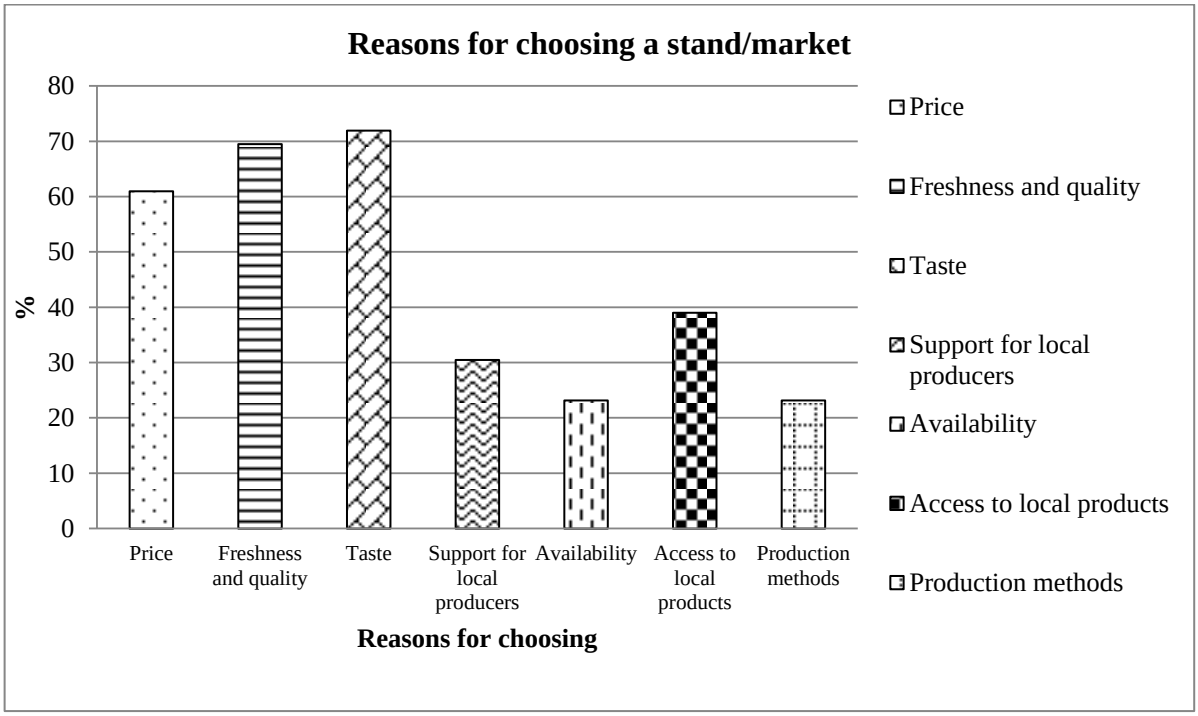

Figure 2. **Respondents' ranking of consumer preferences**

The responses to the second question are illustrated in Figure 3 below[4]. Unlike the responses to the survey conducted in 2015, which clearly indicated a preference to direct support forms with over 70 % of the respondents replying that they needed mainly financial support, during the second survey in 2017 the agricultural producers replied that they needed methodological support and training in order to properly organize and manage their sales. According to the respondents, retail marketing training ranks first (67.07) followed by demographic and consumer preference surveys (41.46), POS renovation and customer orientation training (32.92), business planning training (31.71), and least of all – financial support for producer publicity and advertising (28.05).

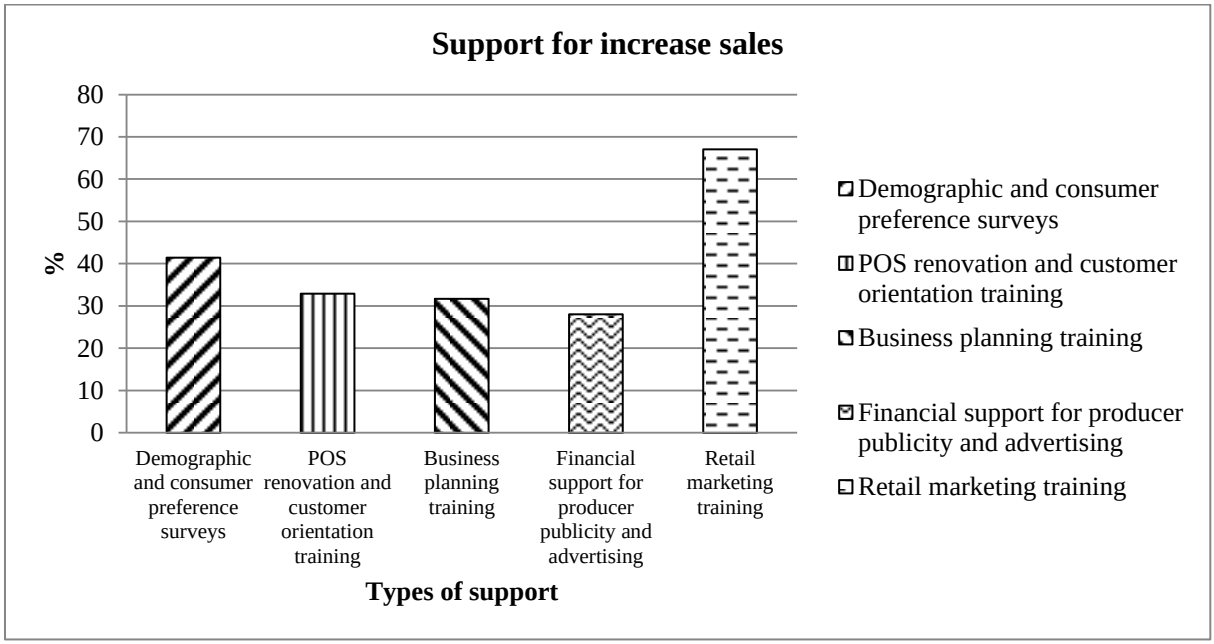

Figure 3. **Respondents' ranking of support types**

The survey results show that producers need specialized support from training institutions regarding the sale of their produce as well as information about consumer preferences. They define *the main intra-corporate limitations* of most farms in Bulgaria as [2]:

- lack of corporate strategies;
- limited or no internal business planning;
- insufficient financial resource;
- varying quality and low output volumes;
- high distribution costs;
- lack of skills and knowledge for market trends assessment;
- poor competitiveness and weak market positions.

In most small farms managed by their owners, the organization of the production process depends on the available production factors (land, capital, and labour.) Managerial decisions are made mostly as a *reaction to changes in the market environment*, which disrupts the smooth operation and the market positions of these organizations. Their *internal business planning* (as a complex and interrelated process of goal-setting and performance) is very limited, which hinders the positioning and functioning of the business organization in the particular external environment.

The establishment and operation of regional farmer's markets allows the agricultural producers – and especially the predominant small family farms – to address some of the following problems: to reduce their dependence on resellers and processors, to shorten the supply chain of their produce, to become more competitive and adopt an adequate business behaviour. The surveys conducted in 2015 and 2017 suggest that the farmers are willing to participate in the establishment and operation of regional farmer's markets and, therefore, we need to

assess the degree of coordination among stakeholders to develop a model that will ensure a high degree of coordination.

3. Coordination and models of farmer's markets [5]

The potential of regional farmer's markets can only be developed through mutual respect for the interests of and coordination among all stakeholders. In 2017, during the second stage of the study, we determined the degree of coordination among the stakeholders of the first contemporary farmer's market in the town of Svishtov.

The *stakeholders* in this case were mostly farmers and consumers of agricultural products as well as all institutions that participate in the process of development and operation of a farmer's market, i.e. local authorities, central government institutions, educational organizations, individuals, etc.

In the modern economy, the activities of thousands of people and resources scattered over thousands of miles contribute to producing and distributing a single product [9]. The production and distribution of products are made over a long period of time and require capital, skills, a certain organizational structure, inventories, etc. Our interest is how to define the mechanism of coordination of the production and distribution process, also known as *"coordination problem".* It involves several levels of aggregation:

– Coordination within firms (micro-micro coordination);

– Coordination between individual firms (micro coordination);

– Coordination of total supply with total demand for commodities or industries at each step in the production-distribution process (macro coordination);

– Coordination of aggregate demand with aggregate economy as a whole (macro-macro coordination).

We have focused on the third level of coordination, i.e. the coordination of total supply with total demand for commodities.

Economic coordination is defined as the measures designed to make actors within a marketing system act in a common or complementary way or toward a common goal [12]. It can be conceptualized as having two key dimensions (horizontal and vertical coordination), where each dimension refers to a set of relationships within the value chain that must be coordinated in order for the entire system to work efficiently. *Horizontal coordination* refers to the process of alignment and control among actors within a *single* segment of the value chain, such as between farmers, and is discussed in sections 2 and 4 of this paper. *Vertical coordination* between trading partners at technically separable segments of the value chain refers to the process of aligning and controlling price and other incentives, quantity, quality, and the terms of exchange across the farmer's segment and the consumer's segment in our research.

The concept of the access of small-scale enterprises to regional and national markets [3] was developed further and narrowed in scope as a concept of access to infrastructure and institutions [11] based on the variety of small-scale producers in terms of *market efficiency* and *true access gap (lack of market opportunities).* The difference between what farmers are actually achieving under current conditions and what they could achieve if markets where working correctly is defined as *market efficiency gap.* The *true access gap* recognizes that public intervention on infrastructure is still required to reach some areas and farmers that will not be served even with the most optimal, efficient and liberalized market conditions. This intervention must ensure optimal conditions for operation of farmer's markets in terms of incentives undertaken by various institutions to provide the farmers with access to these markets. The two

gaps must be addressed in different ways consistent with the heterogeneity of smallholders and this is why the target group of our research are farmers from the second category.

The physical characteristics and the specific production processes of many farm products require coordination and specific channels for their efficient distribution. Seasonality, harvesting periods, storage, and transportation affect the marketing of agricultural products as well. This is why the relationships between producers and market organizations must be coordinated in terms of marketing services [13]. Therefore, the process of production and marketing of agricultural products may become more efficient if all the above functions are coordinated properly.

There are **three common models for farmer's market organization** [1]. *An unofficial agreement among producers rather than an official business* is a common type of farmer's market organization. Although it does not carry the same bureaucratic requirements as more formal business models of market management, successful applications for certification will mean that permits and licenses must be in order.

The second model is the *private sponsorship (when the market is an independent official business).* Such markets operate as independent businesses, either as nonprofit or for-profit operations. Which form is most appropriate for the market depends on the size of the proposed market, the people involved, and the level of tax and legal liability key members are willing to assume. Some of the advantages of organizing a market as an independent entity include retaining control of the market, having full decision-making abilities, and identifying liability and taxation issues in advance. A disadvantage to having the market as an independent entity is the pressure of all of the costs and responsibilities for running and promoting the market falling to a single individual or small group of individuals.

In the third model the market is organized as a *public sponsorship* and is run through a large business organization or public agency. This model has become one of the more popular approaches to organization for farmer's markets and follows several different models and the level of involvement of the sponsor varies. Public sponsorship may be provided by local municipalities [10] or other organizations, such as the Economics Institute in New Orleans, Louisiana [1]. While this model may appear more complicated in comparison with the other two models, many markets have found great benefits from this type of sponsorship because administrative costs and responsibilities (such as insurance and promotion) are shared and further reduce business risks. In turn, surplus revenues generated from stall and membership fees can be used to start other related community projects. The main disadvantages of this model are the possibility that the sponsor organization may not have the same goals as the farmers, the inability of consumers to exercise control, and the possibility that the market may be dissolved in favour of other public services.

Once an organizational structure has been chosen, the organizing committee must create a *board of directors*, which becomes the decision-making entity for the remainder of the activities involved in creating the market's organization [1]. While there are no universal rules how to organize and recruit for the board, the three typical types of boards employed by farmers markets are: *vendor-only boards*, whose members are exclusively market vendors; *vendor/community boards*, comprised of a mix of market vendors and community representatives (a common structure for many small-town farmers markets, because the board members are local residents and are aware of the problems

faced by the vendors as well as the needs of the local community); and *organizationally driven boards,* which are usually the choice of nonprofits or local business organizations that sponsor farmers markets. Organizationally driven boards have less connection to the people involved in the market. However, they can offer substantial business expertise through their members, as well as strong ties to the local business community. A disadvantage of this type of board is that vendors may feel that too much of the decision-making process is beyond their control.

Farmer's markets are a good opportunity for development of Bulgaria's economy. Regardless of the way they operate (traditional or e-commerce), farmer's markets create new economic opportunities, improve employment prospects, preserve our national identity and cultural heritage, and ensure product diversity. The economic, social and environmental benefits of farmer's markets make them an integral part of all regional development strategies. The organization of regional agricultural markets allow educational institutions, and in particular the Department of Agricultural Economics at D. A. Tsenov Academy of Economics in Svishtov, to act as mediators in the processes of coordination between central and local authorities, farmers from the region and consumers of local, high-quality, and healthy agricultural products.

4. Approbation of a functional model of regional farmer's market "Svishtov 2017"

The approbation of a functional model of regional farmer's market "Svishtov 2017"[5] was the last stage of our research on the possible models of farmer's market organization and operation in Bulgaria, at which we determined:

1) the model of organization of the farmer's market;
2) the type of its Board of Directors;
3) the Market Manager;
4) the role of the educational institutions;
5) the market fees.

The common models for farmer's market organization are: unofficial agreement, private sponsorship and public sponsorship. Although more complex than the other two models, the public sponsorship model provides more benefits. The analysis of the coordination between the market demand and supply (i.e. the vertical coordination between the primary producers and the consumers of agricultural products in the municipality of Svishtov) shows that *public sponsorship* is the most suitable model for organization and operation of a farmer's market at municipal level because it involves all stakeholders.

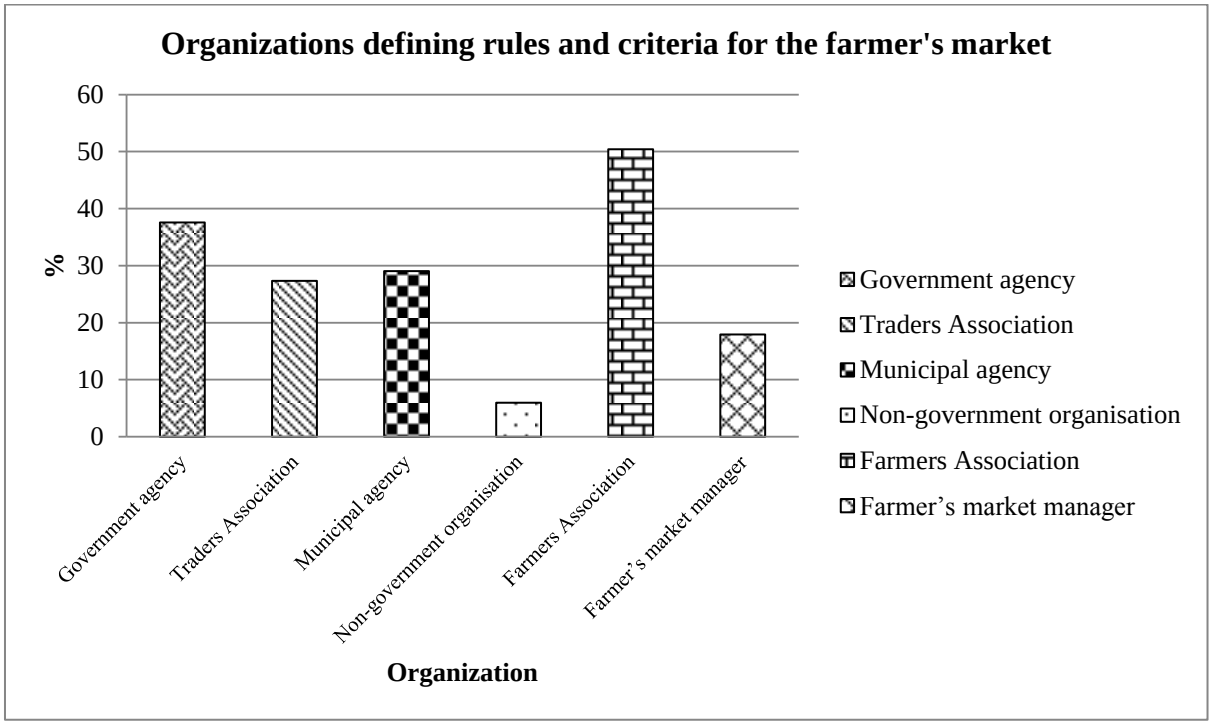

Figure 4. **Institutions involved in the development of farmer's market regulations and criteria**

Figure 4 shows consumers' opinion regarding the organization that should set the rules for the organization and operation of the farmer's market as well as the criteria for selection of farmers[6]. Half of the respondents (50.43 %) voted for a farmers' association. More than one third (37.61 %) believe that this function should be performed by a government agency. About 30 % of the respondents support the idea that market regulations should be set by a municipal agency and the same percentage replied that this organization should be a traders association. The number of respondents who believe that the regulations and criteria should be set by the farmer's market manager is relatively small (17.95 %). Fewest are the proponents of a non-government organization.

Empirical evidence confirms the need for a management board comprising *farmers and community representatives*. Such a board structure is particularly suitable for farmer's markets in small towns as it will be able to manage all activities related to the actual operation of the farmer's market. Its functions include the formulation of a vision and guidelines for the development and management of the farmer's market, including its strategic planning, monitoring, public relations and promotional activities.

A farmer's market should be managed and managed by a *manager* with clearly defined functions. The survey shows that consumers do not appreciate the functions of the manager, probably due to the fact that there is still no permanent farmer's market and they are not fully aware of his functions

and responsibilities. We believe that farmer's market managers should be supported by *specialized training institutions* to ensure the overall positive effect of a farmer's market.

Svishtov Municipality has an appropriate organizational structure. It has a special organizational unit dealing with organized markets. The municipality has already established a permanent markets and has the capacity to organize temporary (seasonal) ones as well. The public sponsorship model with the participation of all stakeholders is suitable for a farmer's market in the town of Svishtov (see Figure 5 below.)

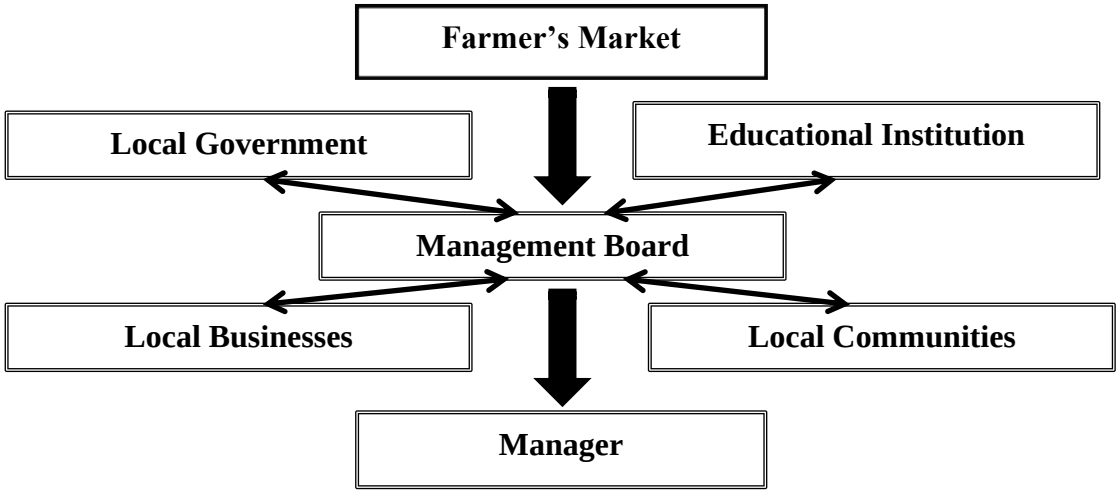

Figure 5. **Public sponsorship model of a farmer's market**

The choice of market location is essential. Permit procedures and stall fees were determined. Although the fees are not high, part of the maintenance costs can be financed from state subsidies and thus the market can be financially independent. State subsidies can be used for construction costs as well.

Regarding the stall fees, most of the respondents (39 %) were in favour of a fixed fee. However, many people (36 %) believe that farmers should not pay any fees to sell their products on the market because they bear all other production and transportation costs and a sales fee or tax would increase the cost of their produce. Indeed, the sales fees charged by the Municipality of Svishtov are not high and could be borne by the local authorities. According to 18 % of the respondents, sellers should pay an entrance-based fee. The number of respondents who voted in favour of fees based on the volume of sales is the smallest despite the fact that such a solution is logical because farmers sell different volumes of produce.

The theoretical models for coordination of the stakeholders in the organization and operation of a farmer's market were fully corroborated by the empirical marketing research. The Municipality of Svishtov has all the necessary conditions to establish a farmer's market organized in accordance with the "public sponsorship" model and managed by the board of directors with representatives of all stakeholders.

Conclusion

The empirical research corroborated the hypothesis on the grounds of approbation of a model for a regional farmer's market in the Municipality of Svishtov. On the grounds of

the research we may conclude that each region should determine the specific model of organization of its local farmer's markets based on the level of cooperation between agricultural holdings, local authorities and communities. Our main conclusions can be summarized as follows:

First. The studied region has all the necessary external conditions for establishing and operation of farmer's markets as well as a positive attitude of the farmers to participate in their organization and operation.

Second. The most efficient model for organization and operation of a municipal farmer's market is the public sponsorship model with the participation of all stakeholders in its management.

Third. Educational institutions play an important role in the organization of farmer's markets as mediators between producers and consumers by providing specialized support to the former and studying the attitudes of the latter.

References

1. Project No. 8/2017 of the Scientific Research Institute at D. A. Tsenov Academy of Economics was implemented by a team of professors, PhD students and undergraduate students from the Department of Agricultural Economics. The organization of the farmer's market established by the project team and the Municipality of Svishtov ensured effective coordination of the activities of local farmers, agricultural businesses. local authorities and consumers as well as provided opportunities for approbation of functional models of local farmer's markets.
2. Project SRI 21/2015 "Possibilities for development of applicable innovative strategies for Bulgarian agricultural companies" //Scientific Research Almanac, Tsenov PH, Svishtov, 2016.
3. Project SRI 8/2017 "Possibilities and models for organization of regional farmer's markets" // Scientific Research Almanac, Tsenov PH, Svishtov, 2018.
4. The aggregate number of responses is 201 % because most respondents indicated more than one type of support and some of them ranked all types of support.
5. The establishment of the first contemporary farmer's market in Svishtov provided an opportunity for approbating the possible models of farmer's market organization and operation in agricultural regions. The research team (Assoc. Prof. Marina Nikolova – Coordinator, Assoc. Prof. Marusya Linkova, and Head Assist. Prof. Radka Nenova) intend to participate actively in the organization of a permanent farmer's market in Svishtov.
6. The aggregate number of responses exceeds 100 % because most respondents voted for more than one option.

Bibliography

1. Jolly, Desmond, ed. Starting a New Farmers Market. The Farmers Market Management Series. Vol. 1. US Small Farm Center, 2005.
2. Linkova, M., M. Nikolova, and E. Lazarova. "Possibilities for development of practical innovatiion strategies in Bulgarian agricultural enterprises." Scientific Research Almanac, SRI D. A. Tsenov Academy of Economics, Svishtov, vol. 23, 2016: 381-383.
3. Navas-Sabaster, J., A. Dymond, and N. Juntunen. Telecommunications and Information Services for the Poor: Toward a Strategy for Universal Access. Discussion Paper 432, Washington: World Bank, 2002.
4. Nikolova, M. " Farmer's markets in Bulgaria – establishment and development opportunities and constraints." Collection of scientific papers "Potential and Development of Farmer's Markets in Bulgaria". Svishtov: Tsenov PH, 2017. pp. 17–24.
5. Nikolova, M., et al. "Opportunities and Models for Functioning of Regional Fermers` Markets." Scientific Research Almanac "Economic growth in changing economy – reallity, forecasts, developments strategies pt. I (2018): 156–186.
6. Nikolova, M., interview by V. Tarnovo Radio Focus. Potential for Development of Farmer's Markets in Bulgaria (October 2017).
7. "Ordinance 26 on the specific requirements for direct sale or supply of small quantities of raw materials and food of animal origin. prom. SG 84/26 Oct. 2010, last amend. SG 87/10 Nov. 2015." 10 Nov. 2015.
8. Ragland, Edward, and Debra Tropp. National Farmers Market Manager Survey 2006. Washington: USDA Agricultural Marketing Service, 2009.

9. Shaffer, James D. ACS Service Report 18, Agricultural Cooperative Service. US Department of Agriculture, 1987.
10. Stegelin, Forrest. "Establishing and Operating a Community Farmers' Market." Cooperative Extension Service, 1997.
11. Torero, Maximo. A framework for Linking Small Farmers to Markets. Rome: International Fund for Agricultural Development, 2011.
12. Vroegindewey, Ryan. A Framework for Analyzing Coordination in Agricultural Value Chains: Evidence From Cereal Markets in Mali. Michigan: Michigan State University, 2015.
13. Wissman, Roger A. Marketing Coordination in Agricultural Cooperatives. Research Report 159, United States Department of Agriculture, 1997.
14. World Wildlife Fund. 2018. http://www.wwf.bg/ (accessed april 2018).

© Nikolova M., Linkova M., 2018.

Filozofické vědy

УДК 174

ЭТИКА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ МОРАЛЬНОГО ОБЛИКА СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Н. П. Филинова *Старший научный сотрудник, e-mail: e-mail: ouvertura1812@mail.ru, Учебно-методический центр Федерального казенного учреждения «Научно-производственное объединение «Специальная техника и связь» Министерства внутренних дел Российской Федерации,*

С. Б. Кондратьева *Кандидат философских наук, доцент, e-mail: sb.kondrateva@mpgu.edu, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия*

ETHICS AND ITS IMPORTANCE IN SHAPING THE MORAL CHARACTER OF A LAW ENFORCEMENT OFFICER

N. P. Filinova *Senior Researcher, e-mail: ouvertura1812@mail.ru, Educational and Methodological Center of the Federal State Institution "Scientific and Production Association" Special Equipment and Communications " of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,*

S. B. Kondrateva *Candidate of Philosophical Sciences, assistant professor, e-mail: sb.kondrateva@mpgu.edu, Institute of social and humanitarian education, Moscow pedagogical state University, Moscow, Russia*

Abstract. In recent years the problems associated with the demoralization of society are becoming increasingly important. In the article the role of ethical codes and their axiological importance in the formation of moral character of law enforcement officers.

Keywords: ethics; professional ethics; code of ethics; categorical imperative; morality; internalization of moral requirements; moral education.

Процессы духовной деградации, деморализации общественных норм бросают вызов современной цивилизации, подменяя нравственные устои этическим снобизмом. Поэтому вопросы морали и нравственности, их интеграция в алгоритм работы правоохранительных органов приобретают в последние годы все большую актуальность. Нередко этому способствуют тенденциозные публикации в средствах массовой информации о дискредитирующем поведении отдельных сотрудников, которые своими аморальными поступками порочат правоохранительную систему в целом. В этой связи профессиональная этика и коммуникативная культура сотрудников органов внутренних дел становятся одними из важных показателей в оценке их деятельности обществом. Остановимся на тех вопросах, которые были бы призваны стать доминирующими, принимая во внимание масштабное реформирование органов внутренних дел. Вместе с тем эти вопросы, насколько известно авторам, до настоящего времени не получили должной оценки и анализа ни в научной литературе, ни в ведомственных специальных изданиях МВД России, как и в других, близких им по тематической направленности.

Мораль и право, как два взаимообусловленных элемента, выступают в качестве двуединого регулятора поведения личности. Однако в жизни человека мораль, в отличие от права, проявляется во всех сферах личностного бытия. Правовые законы, в свою очередь, являются императивными независимо от отношения к ним субъектов. Тем не менее нравственное содержание права очевидно. Благодаря ему правовые законы общества направлены на сохранение моральных устоев, защиту личности от посягательств на ее свободу, честь и достоинство. Правовая этика содержит в своей основе исповедуемые правоспособным гражданином морально-правовые нормы и ценности, которые являются неотъемлемым условием саморегуляции его поведения в обществе.

Определяемая Аристотелем как «практическая философия», этика сосредоточивала свое внимание на присущих человеку свойствах характера, главными из которых выступали этические добродетели. Функционирующая в рамках категорического императива, профессиональная этика как прикладная отрасль этического знания детерминируется моральными нормами, которыми руководствуется представитель конкретной профессии в своей практической деятельности. Эти нормы, интегрированные в систему общепринятых моральных норм, служат регулятором нравственных взаимодействий в профессиональной деятельности личности [1]. Профессиональная этика правоохранительных органов, включающая три неразрывно связанных между собой составляющих - отношение к окружающим, к служебным обязанностям, к обществу, – невозможна без нравственно-правовой культуры ее сотрудников.

По своей специфике деятельность органов внутренних дел относится к типу профессий «человек-человек», что предъявляет к сотрудникам особые морально-нравственные требования. К таким требованиям, например, относятся: умение работать с людьми; способность сдерживать свои эмоции; владение навыками межличностного общения; стрессо- и конфликтоустойчивость. Поэтому немаловажным фактором подготовки кадрового состава правоохранительных органов являются четкие критерии отбора и определяемое на этапе профессиональной ориентации соответствие будущего сотрудника моральным требованиям, предъявляемым к профессии.

Однако, несмотря на наличие учебников и учебных пособий [1, 7], к сожалению, приходится констатировать факт

утраты интереса к курсу «Профессиональная этика» в ряде образовательных учреждений Высшей школы, что может негативно отразиться впоследствии на работе системы в целом. Поэтому введение в учебные планы вузов курса «Профессиональная этика» для будущих представителей профессий типа «человек-человек» (полицейских, учителей, юристов, врачей и т. д.), на наш взгляд, должно носить обязательный характер.

Деонтологическая сущность деятельности правоохранительных органов, сам характер включенности ее в общественные отношения требуют от их представителей строгого выполнения этических норм, несоблюдение которых влечет административные санкции. Нравственные проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники органов внутренних дел, во многом определяются направленностью на обеспечение правопорядка, безопасности личного и общественного бытия граждан. Доминирующим критерием оценки деятельности сотрудников органов внутренних дел является уважение и доверие граждан. Однако использование властных полномочий, мер принуждения и ограничения прав личности налагает на сотрудников правоохранительных органов высокую ответственность за законность и обоснованность действий и принимаемых решений, а также за соблюдение морально-нравственных принципов.

Вопросы этики и ее места в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов сегодня являются безусловно приоритетными. Один из примеров тому проходивший в ГУ МВД России по г. Москве семинар-практикум «Этика сотрудника полиции в современных условиях», на котором подчеркивалась необходимость постановки вопросов воспитания нравственности и этического поведения сотрудников правоохранительных органов и соблюдение ими Присяги. Такие обсуждения продиктованы современными требованиями к моральному облику сотрудника полиции и их проведение также, на наш взгляд, должно стати систематическим. Однако не следует забывать, что понимание добра и зла, совести и чести, долга и ответственности носит личностный характер, и за несправедливыми обвинениями в адрес представителей правопорядка зачастую стоит желание граждан спроецировать собственную трактовку морали на сотрудников правоохранительных органов. В такой ситуации самообладание и выдержка, способность не отвечать на подобные провокационные обвинения должны стать неотъемлемой составляющей профессионализма [11].

Неоднократно и по различным поводам высказывалась мысль о том, что силовые структуры, в том числе и правоохранительные, – только часть общего государственного организма, общие болезни которого неминуемо отражаются и на них. Эта справедливая сентенция как бы «разомкнута» в обоих направлениях. С одной стороны человек, реализуя свой осознанный гражданский выбор и придя на службу в органы внутренних дел, уже является носителем определенных этико-культурных свойств и нравственных установок. С другой стороны, за какое время и насколько эффективно государство – в данном случае посредством образовательно-воспитательных функций в конкретном подразделении – способно сформировать необходимые компетенции, поведенческие навыки, служебную этику и культуру общения?

Совершенно очевидно, что практически в любой ситуации вербального контакта (обращение к сотруднику полиции либо вмешательство сотрудника полиции по долгу службы) невозможно ограничиться только служебными формулиров-

ками, предписываемыми уставом и действующими инструкциями. Даже при их неукоснительном соблюдении.

Следовательно, имеется настоятельная необходимость в продуманном, направленном, систематизированном – и в значительно большем объеме – развитии поведенческой этики и речевой культуры. Не исключено, что ориентированном на программы индивидуальной подготовки.

Здесь открывается широкое поле для разработки принципиально новых подходов и кадровыми аппаратами всех уровней, и научными учреждениями и образовательными организациями системы МВД России, равно как и других правоохранительных ведомств.

Как известно, одной из острых проблем современного общества (и не только в России) является повышение уровня правосознания населения и преодоление правового нигилизма. Немаловажная роль принадлежит здесь и служебной этике. Ибо для положительной динамики этого сложного процесса необходимо адекватное восприятие категорий долга, справедливости, осознанного принятия диктата закона гражданами, в том числе и в контексте общения со стражами правопорядка.

В это же время существует и еще одна грань этих же взаимоотношений. Сотрудникам полиции по долгу службы приходится иметь дело и с людьми, не только лишенными такта, но и без чести и совести – с криминальными элементами. К профессиональной выдержке и мужеству как их вторая ипостась должны быть в полной мере приложимы этические и нравственные факторы достойного служебного поведения – тот самый категорический императив развитой личности.

Все вышесказанное однако не исключает влияния на принятие эстетических критериев, служебных норм и следование им психологии человека, особенностей его темперамента и многих других дополнительных факторов. Таким образом, надо в нравственном отношении и в плане этики поведения готовить конкретного человека к конкретным условиям службы. Мы полагаем, что это могло бы стать предметом изучения когнитивной науки и еще ждет своих исследователей.

Сегодня процесс морализации, принцип «духовных скреп» – один из важных показателей «здорового общества», поэтому в основе этических императивов лежат также запросы общества по отношению к конкретной профессии и современные тенденции ее развития. Эти запросы находят свое отражение в Кодексе профессиональной этики сотрудника внутренних дел Российской Федерации и, разумеется, в Федеральном законе «О полиции», а также в целом ряде ведомственных документов нормативно-правового и инструктивного характера. В них четко прописаны моральные нормы и принципы, основанные на гуманизме и ответственности представителей конкретной профессии перед обществом за результаты своего труда. Аксиологической основой этих документов является гуманизм, уважение и милосердие к гражданам, бескорыстная служба Отечеству. Условия формирования морального облика сотрудника внутренних органов в них четко регламентированы и направлены на утверждение в сознании граждан авторитетного образа представителя правоохранительных органов, пользующегося заслуженным уважением. Это реализуется, прежде всего, при выполнении нормативных, но не только служебных требований. Так, сотрудник органов внутренних дел не только не должен злоупотреблять своим положением, но и обязан контролировать свое поведение и эмоциональное состояние [4].

Профессиональная честь и достоинство не должны восприниматься сотрудником органов внутренних дел как «гром-

кие слова». Осознание этих этических категорий, их принятие и воплощение должны стать неотъемлемой частью профессии, ее морально-нравственной основой. Долг чести включает в себя уважение личности, ее достоинства и убеждений, осознание ответственности за защиту граждан (их жизни, прав и свобод), интересов общества и государства. Отстаивание собственной чести и чести своего подразделения на примере высокой порядочности неотделимо от исполнения долга. Нарушение норм и принципов этического кодекса дискредитирует доброе имя сотрудника органов внутренних дел и его подразделения, лишая права на доверие и уважение со стороны коллег и граждан.

Нравственная основа правовых действий, определяемая в античности как «искусство доброго и справедливого», акцентирует внимание на идее антропоцентризма, выдвигающего на первый план аксиологическую значимость человека. Но каким образом реализовать этот принцип сегодня, когда проблема жестокости проявляется уже в детском возрасте? Не вызывает сомнения, что решение проблемы детской и подростковой девиантности поведения во многом зависит от сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних и центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей в системе МВД России. И здесь необходим тщательный подбор кадрового состава, при этом первостепенное значение должно придаваться не только владению знаниями в области педагогики и психологии, но и обладанию морально-нравственными качествами.

Этический кодекс не может не затрагивать и иные структуры, чья деятельность непосредственно связана с работой органов внутренних дел. Примером тому может служить Кодекс этики членов общественных советов при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах, который предписывает соблюдение Конституции и законодательства Российской Федерации, добросовестное исполнение полномочий, соблюдение принципов толерантности и уважения, необходимость руководствоваться морально-нравственными нормами.

Как известно, российская культура многообразна, поэтому этические требования, предъявляемые к членам общественного совета, направлены и на уважение национальных традиций и религиозного вероисповедания, что способствует устранению конфликтов на межнациональной и межконфессиональной почве [5].

Соблюдение прав и свобод личности, являющихся высшей ценностью общества и провозглашенных Конституцией Российской Федерации, составляет основу деятельности общественного совета, поэтому дискриминационные высказывания и действия со стороны ее членов должны строго пресекаться. Не вызывает сомнений, что грубый тон, оскорбительные выражения и заносчивое поведение представителей общественного совета накладывают отпечаток на деятельность всего совета и, как следствие, на Министерство внутренних дел Российской Федерации, чьи интересы и представляет совет как общественная организация.

Право гордиться своей профессией, носить звание сотрудника органов внутренних дел – это высокая честь, которой заслуженно удостаивается лишь тот, кто в своей профессиональной деятельности руководствуется морально-нравственными принципами и чувством долга перед Отечеством. Поэтому интериоризация моральных требований общества, нравственное воспитание кадрового состава, направленное на укоренение в сознании этических норм и правил, служащих ориентиром в профессии, является

одной из актуальных задач современности. Следует отметить, что даже немногие положения, затронутые в рамках статьи, свидетельствуют о многаспектности рассматриваемой проблемы, а значит и о многовекторности ее решения. Процесс формирования и реализации этической составляющей служебной деятельности сотрудника правоохранительных органов значительно более сложен, чем это иногда представляется.

Библиографический список

1. Александрова З. А., Кондратьева С. Б. Профессиональная этика: учебное пособие. – М. : Из-во МПГУ, 2016. – 136 с.
2. Власов А. В. Этические аспекты деятельности служб и подразделений органов внутренних дел в России // Научно-методический эл. журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 1996–2000.
3. Власов А. В., Жикривецкая Ю. В. Профессионально-нравственное сознание как основа профессиональной культуры сотрудников внутренних дел // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 2. – С. 44–46.
4. Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних Российской Федерации [электронный ресурс]. Режим доступа: www.17.мвд.рф›slujba…sluzhba/Kodeks…jetiki_sotrudnika
5. Кодекс этики членов общественных советов при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах / Сб. нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность общественных советов при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах. – М. : ДГСК МВД России, 2013. – С. 57–59.
6. Кожевников В. В., Кымысова Т.А. Нравственная основа правоприменительной деятельности сотрудников полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. – № 3 (54). – С. 3–5.
7. Маюров Н. П., Миронов И. Л., Трофимова Т. А. Основы профессиональной этики и служебного этикета: курс лекций. – М. : ДГСК МВД России, 2012. – 56 с.
8. Стригуненко Ю. В. Нравственные основы деятельности правоохранительных органов внутренних дел в России // Общество: философия, история, культура. – 2011. – № 1-2. – С. 56–59.
9. Султанова М. В. Оптимизация технологии педагогического общения сотрудников ОВД // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 1(44). – С. 61–63.
10. Устинова Л. Г. Конструирование технологий воспитания сотрудников ОВД // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 1 (44). – С. 71–73.
11. http:// petrovka-38.com›…etika…v-sovremennykh-usloviyakh

Bibliograficheskij spisok

1. Aleksandrova Z. A., Kondrat`eva S. B. Professional`naya e`tika: uchebnoe posobie. – M. : Iz-vo MPGU, 2016. – 136 s.
2. Vlasov A. V. E`ticheskie aspekty` deyatel`nosti sluzhb i podrazdelenij organov vnutrennix del v Rossii // Nauchno-metodicheskij e`l.zhurnal «Koncept». – 2014. – T. 20. – S. 1996–2000.
3. Vlasov A. V., Zhikriveczkaya Yu. V. Professional`no-nravstvennoe soznanie kak osnova professional`noj kul`tury` sotrudnikov vnutrennix del // Mir nauki, kul`tury`, obrazovaniya. – 2014. – № 2. – S. 44–46.
4. Kodeks professional`noj e`tiki sotrudnika organov vnutrennix Rossijskoj Federacii [e`lektronny`j resurs]. Rezhim dostupa: www.17.mvd.rf›slujba…sluzhba/Kodeks…jetiki_sotrudnika
5. Kodeks e`tiki chlenov obshhestvenny`x sovetov pri Ministerstve vnutrennix del Rossijskoj Federacii i ego territorial`ny`x organax / Sb. normativny`x pravovy`x aktov, reglamentiruyushhix deyatel`nost` obshhestvenny`x sovetov pri Ministerstve vnutrennix del Rossijskoj Federacii i ego territorial`ny`x organax. – M. : DGSK MVD Rossii, 2013. – S. 57–59.
6. Kozhevnikov V. V., Ky`my`sova T.A. Nravstvennaya osnova pravoprimenitel`noj deyatel`nosti sotrudnikov policii // Psixopedagogika v pravooxranitel`ny`x organax. 2013. – № 3 (54). – S. 3–5.
7. Mayurov N. P., Mironov I. L., Trofimova T. A. Osnovy` professional`noj e`tiki i sluzhebnogo e`tiketa: kurs lekcij. – M. : DGSK MVD Rossii, 2012. – 56 s.
8. Strigunenko Yu. V. Nravstvenny`e osnovy` deyatel`nosti pravooxranitel`ny`x organov vnutrennix del v Rossii // Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul`tura. – 2011. – № 1-2. – S. 56–59.
9. Sultanova M. V. Optimizaciya texnologii pedagogicheskogo obshheniya sotrudnikov OVD // Mir nauki, kul`tury`, obrazovaniya. – 2014. – № 1(44). – S. 61–63.

10. Ustinova L. G. Konstruirovanie texnologij vospitaniya sotrudnikov OVD // Mir nauki, kul`tury`, obrazovaniya. – 2014. – № 1 (44). – S. 71–73.
11. http:// petrovka-38.com›…etika…v-sovremennykh-usloviyakh

© Филинова Н. П., Кондратьева С. Б., 2018.

Uměnověda

УДК 5527

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПАМЯТНЫЕ СООРУЖЕНИЯ АРАНСКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ШКОЛЫ

Н. А. Ахундова

Доктор Философии по искусствоведению, доцент,
e-mail: axundi_nigar@mail.ru,
Азербайджанская государственная академия художеств,
г. Баку, Азербайджан

MEMORIAL CONSTRUCTIONS OF ARRAN ARCHITECTURAL SCHOOL

N. A. Akhundova

PhD in Art criticism, assistant professor,
e-mail: axundi_nigar@mail.ru,
Azerbaijan State Academy of Fine Art,
Baku, Azerbaijan

Abstract. The information about artistic features of memorial constructions belonging Aran architectural school has been reflected in article. As Aran architectural school expands its impact area, it spreads to whole central territories of Azerbaijan. Beginning from 11th century, Beylagan and Shamkir cities turn out to be essential architectural centres. As a result impact area of Aran architectural schools got remarkably expanded.
Keywords: monuments/statues; memorial; architecture; tomb; Aran.

Архитектурная школа Аррана была одной из первых среди школ в Азербайджане. В то время, когда Азербайджан был частью Арабского халифата, Барда уже был известным городом. О том, что на её территории были возведены выдающиеся памятники архитектуры,говорят многие источники. Как было сказано выше, в результате сочетания типологических особенностей ислама и архитектурных традиций сформировалась архитектура Азербайджана средних веков. Одним словом, Барда была этапом, в котором азербайджанская архитектура развивалась в новом направлении под влиянием ислама. Архитектурное направление, появившееся в Барде, начинается в процессе образования независимых феодальных государств и укрепления местных традиций в стране. Именно в этих условиях сформировалась Арранская архитектурная школа. Строительная техника, традиции градостроительства в Барде, несомненно продолжились в Гяндже. Широкое строительство начатое в X веке в Гяндже Шаддадитами, превращает этот город в выдающийся архитектурный центр Азербайджана. Стилевые особенности зарождённые ещё в Барде, более чётко сформировались в Гяндже.

Сформированная вокруг Барды и Гянджи Аранская архитектурная школа расширив сферу своего влияния, распространилась практически на всю среднюю часть Азербайджана.

Начиная с XI века города Бейлаган, а позже и Шамкир также становятся важными архитектурными центрами. Таким об-

разом, территория, охватываемая Архитектурной школы Аррана резко возрастает.

Известно, что Шамкир и Гянджа, в то время являлись одним из главных центров архитектурной школы Аррана, они были полностью разрушены после монгольской оккупации, после чего так и не смогли вернуться в свое первоначальное состояние. Существует интересный факт о деятельности архитекторов, архитектурной Арранской школы.

Надпись на эпитафии забора мечети в городе Амасья, в Турции, был отмечен факт, что она была построена ремесленником Арранли в 1236–1246 годах. Этот факт, так же важен для Азербайджанской архитектуры, как и год, выгравированный на эпитафии.

Мастер сын Махмуда Махаммад, после монгольской оккупации, оставив родину, переехал в Турцию, где и продолжил свою ремесленную деятельность.

Характерные особенности школы Арран можно резюмировать следующим образом: Архитектурная школа Арран похожа на Нахчыванскую архитектурную школу. Эта близость, скорее всего, объясняется влиянием Арранской школы на Нахчыванскую. Эта близость прежде всего объясняется применением одного и того же строительного материала. В обеих архитектурных школах строительными материалами были кирпичи. Одной из наиболее важных особенностей Арранской архитектуры являются характерные особенности кладки стен. Главной особенностью этой кладки, известной как Гянджинская в истории архитектуры, является использование кирпича и речного камня вместе по определенной схеме. В Гяндже эта кладка представляет собой речной камень обрамлённый кирпичом. В Шамкире эта кладка приобретает более яркий вид. Здесь в дополнение к кирпичам в кладку также добавляется белый камень. Таким образом, кладка Аррана красочная и полихромная. Теперь можно с уверенностью сказать, что в архитектурной школе Нахчывана XII века красочность, связанная с использованием цветных плит, заимствовала эту традицию у архитектуры Аррана.

Усыпальница Джомард Гассаб. На правом берегу реки Гянджа чай, в 1 км от древней Гянджской стены находится могила, принадлежащая VII–VIII векам. Среди находок датируемых VII веком до знаменитого землетрясения 1139 года Исаак Джафарзаде в 1940 году проводивший впервые археологические раскопки на территории древней Гянджи, обнаружил могилу Джомарда Гассаба. Усыпальница восьмиугольной формы. Построена из запеченного кирпича и алебастра. В источниках говорится о преданности Джомарда Гассаба Хазрату Али (а). Скорее всего, строительство гробницы связано с религиозными факторами. Гробница была разрушена в 60-х годах 20-го века и полностью восстановлена в соответствии с ее первоначальным видом в 2004 году.

Усыпальница Меликаждар. Усыпальница известная под названием Меликаждар так же относится к этому периоду, является чрезвычайно интересным памятником, находится селении Джиджимли Лачинского района. Несмотря на то, что она по плану восьмиугольной формы Усыпальница Джиджимли не похожа на геометрический объем снаружи. Поскольку стены гробницы не решены вертикальными линиями, плитка монумента изогнута, силуэт гробницы обрамлён мягкими линиями. Общий вид усыпальницы Джиджимли напоминает параболу. Склоны между поверхностями этой параболы выполнены с гравировкой; в результате общий вид памятника напоминает своим строением широко распространенное общежитие среди турко-язычных народов.

Интересной особенностью усыпальницы Джиджимли является его каменный вход, и вырезанные справа и слева от входной двери разные фигурки. Эти каменные рельефы – трёх стороннее изображение быка. Чрезвычайно экспрессивно выполненные изображения быка ещё больше обогащает художественные качества памятника, а так же указывает на то, что изображения животных в Азербайджане были распространены больше, чем мы можем себе представить.

Усыпальница Мамедбейли. Эта гробница расположена на территории Зангилана в селении Мамедбейли. Первоначальная информация о памятнике была дана русским историком И. Б. Шаблыным в 1940-х годах. Говоря о памятниках в бассейнах реках Араз и Хакари, описал могилу и другие памятники близ села Мир Али в Физули и Демирчик в Губадлинском районе. Но так как мавзолей Мамедбейли не напоминал эти гробницы с точки зрения его архитектурной структуры, он не дал описания этой гробнице как есть.

У мавзолея очень интересная эпитафия. Имя испорчено, слова стёрты, но видны следы, читаются с трудом. Эпитафия выгравирована на камне, который был расположен в верхней части от двери. Его размер составляет 1,45 м х0,90 м. В верхней части камня начертана эпитафия мотивом шириной в 21 сантиметр. Шестистрочная арабскоязычная надпись эпитафии, написана шрифтом насх, написана в стиле резьбы по камню. В четырех строках даны стихи из Корана. В двух строках было показано, что гробница была построена в 704 году нашей эры (1305 г. до н.э.) в честь Яхъя, сына Мухаммада аль-Хаджара.

Архитектором здания является Али Майддаддин, который построил все памятники Шёлкового пути в 14 веке. Название «Аль-Хадж», упомянутое в эпитафии, было дано государственным деятелям в средние века. Так как Зангиланский район аккупирован врагами – армянами, нынешняя судьба усыпальницы не известна.

Памятник Хачындербетли. Широкое строительство каменных гробниц в Кур-Аразской низменности, особенно в начале XIV века было очень важным моментом. Среди этого строительства, три памятника особенно привлекают внимание. Первый из них особенно уникален. Расположен в селении Хачындербетли Агдамского района, не очень большой в высоту, восьмиугольное строение укрыто куполом в виде пирамиды. Главная цель заслуга этого памятника – не его размер, уникальна традиция решения этого строения. Наличие подземной части усыпальницы Хачындербетли является ключевым признаком, который дает основания для включения его в группу башенных гробниц.

Оформление внутренних поверхностей памятника, в том числе купола как внутри так и снаружи, придает зданию неповторимую индивидуальность. Из эпитафии над дверями гробницы можно узнать, что она была создана в 1314 году, мастером Шахбензер, построенной на могиле Кутлы, сына Мусы. Самой богатой частью крестового памятника является архитектура входной поверхности и сталактитовая структура ее внутреннего купола. Наружная поверхность сделана из не очень глубоких вмятин, верхняя часть этих вмятин закрыта арками.

Живописные рисунки на входе и внутри памятника так же привлекают внимание. Среди них следует особо отметить изображение диких животных. Среди памятников архитектуры Азербайджана такого рода изображения можно встретить на территории Баилского замка (XIII век) Баку. Внутренний сталактитовый купол памятника Хачындербетли напоминает

каменные резные сталактитовые композиции Ширванской архитектуры.

Усыпальница Мир Али. Этот редкий и таинственный памятный мемориальный архитектурный памятник, относящийся к 14 веку, расположен в деревне Ашаги Вейсалли, Физулинского района.

Хотя и не известно, кому она принадлежит, и кто является архитектором этого здания, этот древний памятник архитектуры Азербайджана уникален, и очень интересен и важен с научной точки зрения. Усыпальница цилиндрической формы, приподнята на трехступенчатым возвышении и покрыта конусообразным куполом. Гробница была построена полностью из белого камня. Поскольку гробница находится на древнем пути переселения, на протяжении веков люди, путешествующие со своими стадами на летние пастбища и обратно, снаружи на стенах гробницы оставляли свои рисунки и всевозможные знаки. Что само по себе с точки зрения истории является очень важным.

Усыпальница Имамзаде. (Гянджа) Имамзаде средневековый памятник архитектуры расположенный в северной части Древней Гянджи (в 7 км от нынешней Гянджы).

В эпитафии гробницы говорится, что она была построена на могиле Ибрагима, сына Имама Мохаммада Бакира и была восстановлена генерал-майором Исрафил Бей Ядигарзаде (1878–1879).

Комплекса состоит из здания усыпальницы и кладбища. Вместе с куполом основного здания усыпальницы, ещё семь куполов, мечетей, домов-караван-сараев, купол на воротах при въезде в памятник (всего девять куполов) украшенный надписью, наличие гробниц и надгробных плиток, бассейнов и других вспомогательных зданий образуют архитектурную структуру Гянджского Имамзаде.

При строительстве мавзолея использовался красный кирпич, в характерном для Архитектурной школы Аррана стиле.

Маленькие купольные комнатки по правой и левой сторонах от центрального купола добавлены к памятнику позднее в XIII–XIV веках. У каждой из них имеется алтарь покрытый белыми и голубыми изразцами.

Усыпальница является самым ценным памятником комплекса. Точная дата возведения Усыпальницы Имамзаде не известна. По архитектурному строению её можно отнести к памятникам конца XIV – началу XV века, а окружающий её комплекс можно предположительно отнести к XVII веку. Высота гробницы 12 м, высота купола 2,7 м, а его диаметр 4,4 м. Купол покрыт голубыми изразцами (в связи с этим она имеет так же название «Гёй имам»). Между мечетями имамзаде Барды и Нахчывана, имамзаде с гробницей Барды, а также Могилой Ахсаданбаба имеется архитектурное сходство стиля.

Библиографический список

1. Алиев З., Халилов А. Искусство Азербайджана. Энциклопедия Том 1. – Баку, 2010.
2. Гияси Д. Архитектурные памятники периода Низами. – Баку, 1991.
3. Неметова М. Священные мета Азербайджана. – Баку, 1992.
4. Саламзаде А. В., Памятники архитектуры Азербайджана. – Баку, 1958.
5. Саламзаде А. В., Рзаев Н., Керимок К., Ефендиев Р., Габибов Н. Искусство Азербайджана. – Баку, 1977.
6. Эфенди Р. Искусство Азербайджана. – Баку, 2001.

Bibliograficheskij spisok

1. Aliev Z., Xalilov A. Iskusstvo Azerbajdzhana. E`nciklopediya Tom 1. – Baku, 2010.
2. Giyasi D. Arxitekturny`e pamyatniki perioda Nizami. – Baku, 1991.

3. Nemetova M. Svyashhenny`e meta Azerbajdzhana. – Baku, 1992.
4. Salamzade A. V., Pamyatniki arxitektury` Azerbajdzhana. – Baku, 1958.
5. Salamzade A. V., Rzaev N., Kerimok K., Efendiev R., Gabibov N. Iskusstvo Azerbajdzhana. – Baku, 1977.
6. E`fendi R. Iskusstvo Azerbajdzhana. – Baku, 2001.

© Ахундова Н. А., 2018.

УДК 5527

НОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И МОТИВЫ, СОЗДАННЫЕ НАРОДНЫМИ МАСТЕРАМИ НА ВОРСОВЫХ КОВРАХ АЗЕРБАЙДЖАНА

М. А. Гаджиева

Диссертант,
e-mail: minavvarhajiyeva@yahoo.com,
Азербайджанская государственная академии художеств,
г. Баку, Азербайджан

NEW ELEMENTS AND MOTIFS ON AZERBAIJANI CARPETS CREATED BY FOLK CARPET MAKERS

M. A. Hajiyeva

Dissertant,
e-mail: minavvarhajiyeva@yahoo.com,
Azerbaijan State Academy of Fine Art,
Baku, Azerbaijan

Abstract. The author of the article has been performing research on the creating new modern ornaments in Azerbaijan carpets. Therefore, the main goal author's the given article conduct art analysis existing solutions of the folk carpet weaving masters. There are considering the various type of carpets in have been created by folk makers where are observed limitless imagination and where they have demonstrated the substandard decisions.
In article has been given the description various type of carpets from the different schools were analyzed the new elements and motif, studied their approaches.
It will allow the decision by the development of the new ornaments on the modern Azerbaijan carpets that is the main goal study and task of the author of this article.
Keywords: Azerbaijan carpets; new elements and motifs; carpet making; traditional schools; ornamental forms; composition; modern carpet weaving.

Введение. Целью диссертанта является изучения новых элементов и мотивов на азербайджанских коврах, созданные народными мастерами и профессиональными художниками в течение двух последних столетий.

Начиная с XVI века искусство азербайджанского ковроткачества достигает профессионально совершенного уровня и принимает характер промышленной индустрии. При этом, огромную роль в формировании собственного стиля азербайджанского орнаментального искусства, оказавшего позднее огромное влияние на искусство Востока сыграли художники-миниатюристы и каллиграфы. Со второй половины XVI века узоры афшан, лечек-турундж и гёльбендлик, с начало которых зародились в Южном Азербайджане, позже имитировались ковроткачами Карабаха, Баку, Ширвана, где местные мастера придавали растительным узорам геометрический вид. Т.е. цветы и лепестки подвергались стилизации. В XIX веке становятся известными ковры и молитвенные коврики из Казаха, Барды, Мугани и Джебраила, а уже с середины XX века приобретают известность ковры малой и продолговатой формы, сотканные в селениях близ Баку, которые производились исключительно для экспорта.

В середине XX-го века развитие азербайджанского коврового искусства продолжалось в двух направлениях и выражалось многогранным характером.

I – новые элементы и мотивы, основанные на собственных решениях со стороны народных мастеров-ковроделов и их применение на коврах. Эта классическая тематика иногда приводят к отображению на коврах имитации модели мира, чаще всего охватывающую его флору и фауну, и попытки постоянного совершенствования и поиска нового, в свою очередь, приводит к созданию новых орнаментальных мотивов и композиций. Изображение сюжетного ковра с рисунком В. И. Ленина и Н. Нариманова. Сюжетные ковры с изображением молодых гимназистов, с национальными флажки с рисунком серба и молота. Изображение Кремля и другие.

II – новые элементы и мотивы, созданные профессиональными художниками и сотканные мастерами-ковроделами на основе готовых композиций. Хлопковыми коробочками, с изображением колоса, национальный музыкальных инструментов, сюжеты взятые из средневековой миниатюры Тебризской школы.

Принимая во внимание, что указанные направления имеют чрезмерно большойи широкий тематический объем как для обсуждения, так и анализа, в представленной статье мы рассмотрим только первое направление.

Классические традиции коврового искусства развиваются разными мастерами-ковроделами в регионах и селах Азербайджана по сегодняшний день. На созданных ворсовых и безворсовых коврах наблюдается четкая тенденция передачи мысли о нашем мире, в соответствии с традиционным декоративным стилем ковра, где отражают жизни и традиции, в тоже время, используя многогранность искусства мастера передают на коврах более реалистичные рисунки представителей животного мира и сюжеты, присущие человеческому характеру. Давайте проведем обзор и рассмотрим некоторые из этих ковров.

Одним из ковров с нетрадиционными новыми мотивами является ворсовый ковёр, сотканный в Шемахе. Основываясь на своем собственном воображении, на ворсовом ковре изображается символ города Москва – Кремль, где улавливается попытка выразить этим своего рода само поддержку, уверенность в будущем. Каждый, кто жил в период советского времени, знает, что столицы всех 15 союзных республик находились в подчинении Москвы. Вот почему граждане Азербайджанской Республики всегда рассматривали этот город как место надежды, решения своих проблем, в надежде, что будут услышаны и поняты.

Созданный в одной из деревень Шемахи, этот ворсовый ковер привлекает, также, внимание своими новыми элементами. Тенденция развития воображения мастера-ковродела отражается в содержание ковра. Некто собирается в далекое путешествие и вокруг него собрались его провожающие. Выражение «Аллах, Мухаммад и Али», «С наилучшие пожеланиями» и «В добрый путь», отраженный в верхней части ковра, является доказательством данной концепции. Архитектурная форма элемента в центральной части ковра и элемент звезды Московского Кремля, показанный на его высшей точке, с большой вероятностью позволяет нам предполагать, что этот некто, вероятно, собирался посетить этот город. Простота данной композиции, и в тоже время, общее композиционное и орнаментальное решения придают ковру в конечном итоге большую значимость и эффект.

Рис. 1. **Ковер, сотканный в Шемахе с тематикой “Московский Кремль”**

Следующий рассматриваемый пример относится к коврам, сотканным в Карабахе. Мотивы Карабахских ковров всегда отличались своей оригинальностью и заимствованного элемента. Композиция этих ковров, как правило, основываются на принципе горизонтальной симметрии, геометризации форм и их детальной орнаментальной передаче на основных и вспомогательных бордюрных полосах. Ранее основой композиционных решений Карабахских ковров наряду с красивыми узорами и цветовой гаммой, составляли традиционные сюжетные охотничьи ковры тематикой (*“овчулуг”*). Однако, если посмотреть на охотничьи композиции ковров Карабаха, мы будем свидетелями больше отображения охотничьих атрибутов и символов охоты, чем отражение реальных сцен охоты. Изображение фигурок лошади и собаки, которые являются основными атрибутами охотничьих сцен. В данном ковре помимо изображения лошади и собаки введены в композицию, рисунки более реалистических птиц разных пород, а также растительные узоры в виде ветки с лепестками, которые формируют общую композицию. Можно предположить, что мастер-ковродел сделал попытку передачи символического изображения. Все это можно считать продуктом индивидуального воображения, где прослеживается тенденция создания собственного, отличного от прежних, сюжета на ковре. Со временем такой подход перешел в традицию. Впоследствии этот процесс постепенно углубляется, и в первой четверти XX века тематика “охота” исчезла как сюжет, уступив место изображению животных только с точки зрения композиционных образов.

Рис. 2. **Карабахский ковер с описанием охотничьей тематики**

В Карабахе в конце XIX и начала XX веков вошли в моду стенные ковры с сюжетными изображениями зооморфных и антропоморфных рисунков. Эти стенные ковры были использованы к качестве картины. В отличии от других ковров, которые ткачихи использовали для покрытия полов, в этих коврах композиции менялись, т.е. вместо орнаментальных композиций изображались рисунки льва, собак, лошадей и кошек. Один из таких образцов стенного Карабахского ковра хранится в Азербайджанском Музее Ковров. Следует отметить, что как во всех коврах Карабахской школы, в этом ковре также использованы яркие и контрастные цвета, т.е. фон этого небольшого (200x120см) как правило черного цвета. Изображение льва желтого, красного и черного цвета. Рисунок льва стилизован, изображен в виде фаса. Его туловище почти прямоугольное. Передние две лапы в отличие от задних переданы в виде фаса, так же как его головная часть. Задние ноги чуть приподняты. Состояния льва спокойное и это подчеркивается его приподнятым хвостом. Как в других Карабахских коврах вокруг льва изображены рисунки стилизованных деревьях, цветов. Рисунки деревьев переданы в виде пальм. Это говорит о том, что ткачиха подчеркивала его местонахождение, т. е. Сафари или Африку. Бордюр, оформленный цветочными мотивами желтых, черных и зеленых цветов на красном фоне, также дополняет общую цветовую гамму, а также приподнятое настроение льва.

Рис. 3. **Сюжетный Карабахский ковер с изображением льва**

Одним из наиболее интересных композиционных решений является ковер типа “Сор-сор”. Известно, что в Ширванской области вокруг города Мараза сотканно много молитвенных ковриков, включая известный тип с бутой на синем фоне. Как известно молитвенные ковры в основном используются для религиозных людей во время молитвы. Основным элементом этих ковров является аркообразный элемент, который изображается на верхней части ковры.

Тщательный обзор структуры этого ковра позволяет обнаружить единство трех композиций решений. Первое решение – это композиция, именуемая “Сор-сор”. Особенностью этой композиции является элемент “Ширван Бута”, которые украшают всего серединного поля. Второй элемент – широко используемый в тематике молитвенных ковров изображением архитектурного исламского элемента “мехраб”, который является основным узором и помещается в верхней части ковра. Как упоминалось выше, изображение новых элементов – это желание создать новую композицию ковра. Основываясь на собственной фантазии, стилизованные фигуры человека и животных размещены на серединном поле ковра. Содержание композиции свидетельствуют о том, что этот ковер был соткан кочевниками, «терекеме» – «карапапах», которые проживают в Азербайджане. Здесь они пытались описать свой образ жизни, быт, традиции «терекеме». Несмотря на то, что основным занятием этого народа являлось овцеводство, они также широко занимались и ковроделием. Представленный ковер показывает, что согласно композиционным мотивам и сюжету соткан карапапахами. Как видно из тематики ковра, основными элементами ковра являются рисунки животных (лошадь, собака, овца). Изображая быт карапапахов в летнее и зимнее времена года, на ковре в тоже самое время прослеживается молитвенный элемент “таг” (арка), который отражается в верхней части декоративного элемента арки. Здесь мы видим изменения в структуре и композиционной части молитвенной тематики. В отличие от существую-

щих подходов мастер, вследствие чувство креативности, как-бы не углубляясь в общепринятые схемы “Намазлыг” вносит свое собственное решение. Из композиции следует, что исходя из кочевого образа жизни «терекеме» перегоняют стадо овец и коз на летние пастбища. Очевидно желание мастера максимально ближе к реальности описать данную сцену. Следует отметить ряд технических решений, которые требуют от ковродела в особые способности показать усложненные комбинационные связи, что требует высокого профессионализма. Так, чтобы изобразить горы в какой-то степени живыми, мастер в верхней части ковра изобразил стадо овец и коз. Для того, чтобы передать часть животных в движение мастер изобразил их ноги и головы в своеобразной свойственной профессионалу форме. Стилизованные фигуры собак отражены перед лошадьми, так, чтобы передача движения собак соответствовало движению лошадей. Понятно, что мастер-ковродел хочет изобразить защитную роль собак в сюжетах перегонки стада овец и коз. На ковре отражены и другая группа живых существ: птицы, олени и газели и их образы изображаются как наполнительные элементы на фоне ковра. Несмотря, на довольно мелкие их размеры мастеру удалось показать характер их в свойственной им движущейся манере.

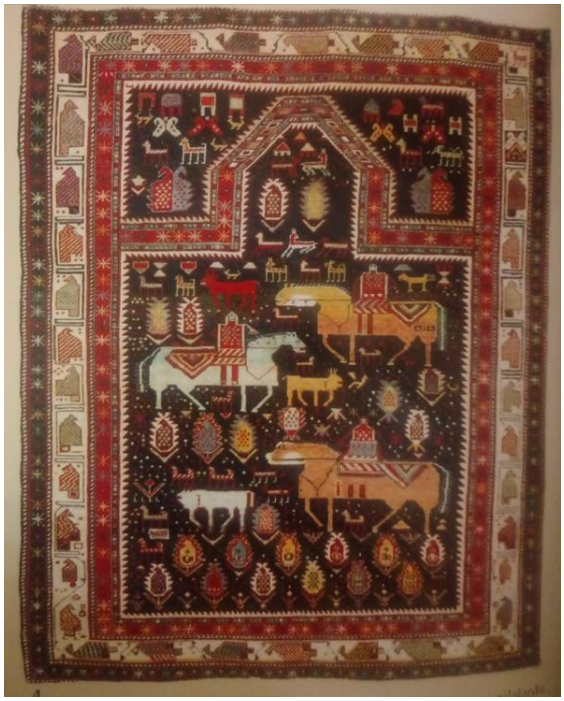

Рис. 4. **Молитвенный ковер типа “Сор-сор”**

В итоге можно сделать вывод, что широкая фантазия и способность к творчеству мастера-ковродела дало возможность путем внесения изменения в структуру молитвенного ковра выразитьсобственную трактовку композиции и воображения, в отличие от классических подходов.

Проведенный, на протяжении всей статьи, художественный анализ убедительно свидетельствует о том, что

насколько проста и многообразно творчество народных мастеров-ковроделов, и созданные ими орнаментальные решения и композиции, охватывающие все периоды. Несомненно, то, что работа и исследования над созданием новых орнаментальных элементов и композиций на азербайджанских коврах будет еще долго продолжаться и совершенствоваться. И в этом смысле, это и является главной целью исследований автора статьи.

Библиографический список

1. Алиева К. М. Безворсовые ковры Азербайджана XVII–XX вв. – Баку : Ишыг, 1988 – С. 144.
2. “Azərbaycanxalçaları”. Tom 4. “Azər – İlmə”. – Bakı, 2014.
3. Керимов Л. Азербайджанский ковер. Том II. – Баку-Гянджлик, 1983. – 241 с.
4. Rasim Əfəndi, Toğrul Əfəndi. Azərbaycan Bəzəksənəti. Bakı-2002. “BP”
5. Şirkətininsponsuruğuilə. – 80 s.
6. Тагиева Р. Азербайджанский ковер в новое и новейшее время. Ковры Азербайджана. – № 2 (80). – 2016.
7. http://legend.az/163033-terekemeler-haqqinda.html
8. http://planettour.net/kovri.html

Bibliograficheskij spisok

1. Alieva K. M. Bezvorsovy`e kovry` Azerbajdzhana XVII–XX vv. – Baku : Ishy`g, 1988 – S. 144.
2. “Azərbaycanxalçaları”. Tom 4. “Azər – İlmə”. – Bakı, 2014.
3. Kerimov L. Azerbajdzhanskij kover. Tom II. – Baku-Gyandzhlik, 1983. – 241 s.
4. Rasim Əfəndi, Toğrul Əfəndi. Azərbaycan Bəzəksənəti. Bakı-2002. “BP”
5. Şirkətininsponsuruğuilə. – 80 s.
6. Tagieva R. Azerbajdzhanskij kover v novoe i novejshee vremya. Kovry` Azerbajdzhana. – № 2 (80). – 2016.
7. http://legend.az/163033-terekemeler-haqqinda.html
8. http://planettour.net/kovri.html

© Гаджиева М. А., 2018.

УДК 5527

ОБРАЗНОСТЬ В ЖИВОПИСНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НАРОДНОГО ХУДОЖНИКА ДЖАЛИЛА ГУСЕЙНОВА

С. З. Гаджиева

Диссертант,
e-mail: axundi_nigar@mail.ru,
Азербайджанская государственная художественная академия,
г. Баку, Азербайджан

IMAGERY IN PICTURESQUE COMPOSITIONS OF NATIONAL ARTIST JALYL GUSEYNOV

S. Z. Khadjiyeva

Disertant,
e-mail: axundi_nigar@mail.ru,
Azerbailan State Academy of Fine Art,
Baku, Azerbaijan

Abstract. In an article is given an information about uniqueness presentation of a person in art I a picturesque compositions of National artist of Jalyl Guseynov. Typical feature of the artist is explained by art analysis of several compositions of an author. Strength of deep psychological expression in realistic portraits of the author – art generalization, right expression of social features of descriptive form by idealizing and typing. In general, in all works of Jalyl Guseynov dedicated to a person the main characteristic feature is professional connection of a person and space.

Keywords: artist; portrait; image; space; painting; color.

Характерная особенность, выраженная во многих живописных произведениях выдающегося художника Джалила Гусейнова, отображение глубокого психологизма человека и его чувств. Художник продемонстрировал особое мастерство при передаче в такого рода произведениях образности, а иногда и всего внутреннего мира образа, его чувств и волнений, в большинстве случаев внезапной чувствительности.

В произведениях реалистического портрета Джалил Гусейнов достигает силы глубокого психологического выражения на основе художественного обобщения. Правильное выражение общественных особенностей в этих произведениях художник решает путём идеализации и типичности. В этом случае он пытается с точностью отобразить черты лица выбранного им образа, в определённой степени достигнув его внутреннего мира или характерных особенностей. В своём творчестве художник в основном отдаёт предпочтение представительницам прекрасного пола, создавая женские образы соответственно характеру нежной цветовой гаммой. Тем самым в первую очередь выводит на первый план не просто понятие красоты, а так же характерность и индивидуальность образа. Естественно, что в этом случае основной задачей для Джалила Гусейнова являлось решение эстетических задач как исследование индивидуальных особенностей. Автор, избегая неестественных форм, уделял внимание созданию выбранных образов в свободном и волевом состоянии. В основном эти особенности более серьёзно можно заметить среди женских образов среднего возраста.

Яркий пример к сказанному выше портрет женщины, созданный Д. Гусейновым в 1981 году, размером 65х40 см. Выбранный образ в произведении дан в спокойной, обычной форме. Здесь особенность привлекающая внимание зрителя не только женский образ изображённый в профиль с характерными женскими чертами, а так же её плечи, руки, её осанки в общем. На сером фоне, решённом открытыми линейными штрихами умело использованы оттенки коричневого. Однако будет ошибочным расценивать это как ограниченное количество цветов художника. Д. Гусейнов посчитав уместным использование пастельной гаммы в создании портрета с присущей женскому миру мягкостью создал совершенное решение в нежном пастельном колорите.

Короткая стрижка изображённого в профиль женского образа расценивается как ключевая особенность в обосновании спокойной и сдержанной структуры характера.

Здесь художник в основном обращал внимание зрителя на точность линий. Выявление принципа сходства на первый план также привлекает внимание как важный вопрос в решении проблемы.

Для большей выразительности портрета художник использовал не только голову образа, но зону до плеч. Дав лёгкое освещение с левого верхнего угла, художник создал особый эффект, тем самым придав тонкий легкий нюанс произведению в создании несколько грустного и спокойного выражения портрета. Такое освещение помогает, не создавая теней чертам лица, представить зрителю мягкую форму. Не смотря на то, что портрет представлен в определённом пространстве, художник не стал уделять особого внимания изображению лишних элементов и деталей, и тем самым добился выявления на первый план характерности образа. Даже небольшой фрагмент стула был представлен в самой простой форме, не привлекая к себе особого внимания.

Всем известно, что главной задачей для изображения характерности знакомой зрителю в портретах известных выдающихся личностей является теоретическая информированность художника. Однако, для создания индивидуальных человеческих особенностей перед художником стоит задача – определение и решение глубокого психологизма, характерное обобщение, определение и разделение человеческих типов. В этом смысле в произведении, представленном Д. Гусейновым тихий, сдержанный, заключённый в свой внутренний мир характер представлен с особым мастерством. Здесь он достиг не только внешнего, но и психологического сходства.

Совершенно иным по манере изображения является портрет под названием «В мастерской» созданный художником в 2007 году размером 120х80 см. Для создания полноты композиции здесь, человек по диктовке вида деятельности, окружающие его элементы выполнены в динамичной форме. В изображении обнажённой натуры Д. Гусейнов использовал пластику тела, все его тонкости и детали, что говорит о высоком мастерстве автора. В произведении особенно отражены лаконичность, лёгкий колорит и лирические тенденции. В общем, четкое описание образа эдентичного типа произведений художника, изображение его пластики, душевного состояния описываемого человека, поза, выбранная в соответствии с требованиями ситуации, также направлена на отражение внутреннего мира персонажа. Здесь, в образе созданном Дж. Гусейновым, особенно актуальна вся его естественность и искренность, бдительность и эмоциональность.

Произведение в основном решено в коричневых, оранжевых, жёлтых и белых тонах. Художник, основываясь на эстетический вкус зрителя, привлекает внимание тонкостью пропорционального изображения совершенной формы женского тела на деревянной кровати, облокоченного на одну руку. Изображение модели с короткими светлыми волосами, её свободные, спокойные манеры, в то же время использование некоторых изображений окружающих её элементов представляет вниманию зрителя более полную композицию. Изображение клетчатого одеяла, которым застелена кровать создав контраст с белоснежной кожей желтоволосой модели позволяет ему ещё больше привлечь внимание к модели. Близость оттенков между светло-оранжевой стеной и тоном одеяла слегка усиливают эффект и создают гармонию изображения. Для того, чтобы усилить воздействие на восприятие свободной, спокойной позы модели художник на небольшом столике у изголовья кровати изобразил белую чашку на блюдце, а с левой стороны от неё разбросанные по столу вишни, тем самым добившись особого эффекта. Элементы на столе так же белого цвета. Этой небольшой деталью художнику удалось в особой форме передать чувства составляющие суть композиции.

Четырёхугольная тень от окна падающая на стену одна из элементов работы и даже если она и не играет особую роль в его произведении, то судя по таким деталям можно прийти к заключению, что Д. Гусейнов, уделяя особое внимание каждым мелким элементам и их соответствиям, мастерски добивается поставленной цели.

В этюде художника созданного в 2007 году так же изображена обнажённая натура. Здесь на первом плане выявлена в основном вся красота и пластика тела. Лежащая натура, изображённая сзади, создаёт экспрессию путём контраста белокожей модели и другими тёмными элементами. Диван, застеленный тёмно-синей и ярко-жёлтой драпировкой, ярко выражены на тёмно-сером фоне стены. От шеи и до мельчайших нюансов пропорциональное тело натуры с собранными в пучок сзади волосами на тёмном фоне создаёт особый эффект, тем самым привлекает внимание зрителя. Грубые мазки, окружающая разобщённость, «эффектный беспорядок» выявляют скрытые за кулисами чувства лежащей женщины. Книги, разбросанные на полу, играют особую роль в изображении этих чувств. Используя лишь несколько элементов художник, сумел достичь своей цели с помощью нескольких деталей и цветового решения.

Созданное Д. Гусейновым в 1998 году произведение «В мастерской» (120x90 см) несколько отличается по своей форме выражения, однако и здесь художник остаётся верным декоративному решению своих произведений. Фон, созданный художником, посредством меняющихся эффектов серыми и белыми тенями так же воспроизведён путём взаимоотношения света и тени.

Будет ошибочным мнение, что направление света непосредственно на модель говорит о значимости для художника лишь переднего плана произведения. Художник, искусно изобразивший в произведении связь человека и пространства, на основе принципа совместимости пытается создать связь между каждым элементом изображения и общим духом модели. Это, прежде всего, может объяснить изображение как бы уставшего образа в повседневной одежде закрывшего глаза и пытающегося заснуть и отдохнуть. Её юбка до колен, бирюзовая сорочка с коротким рукавом, ожерелье из белого жемчуга, золотистые круглые серьги и коричневое одеяло, положенное под голову вместо подушки говорит о том, что она находится не в обычной постели, а нашла себе место для отдыха в разбросанной комнате.

Чай выпитый на половину, разбросанные по столу фрукты усиливают этот эффект.

В общем, рассматривая произведения Д. Гусейнова, мы становимся свидетелями того, что во всех его живописных работах посвящённых человеческим образам в особой форме высок уровень мастерства в координации человека и пространства.

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Аналитическая психология К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // О современной буржуазной эстетике. – М. : Мир, 1972.
2. Киплинг Д. И. Техника живописи. – М., 1959.
3. Волков Н. Н. Цвет и живописи. – М. : Искусство, 1985.

Bibliograficheskij spisok

1. Averincev S. S. Analiticheskaya psixologiya K. G. Yunga i zakonomernosti tvorcheskoj fantazii // O sovremennoj burzhuaznoj e`stetike. – M. : Mir, 1972.
2. Kipling D. I. Texnika zhivopisi. – M., 1959.
3. Volkov N. N. Czvet i zhivopisi. – M. : Iskusstvo, 1985.

© Гаджиева С. З., 2018.

УДК 5527

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ НАДГРОБНЫХ ПАМЯТНИКОВ ДЖАЛИЛАБАДА И ЛЕНКОРАНИ

Н. А. Гусейнова

Докторант,
e-mail: guseynova_86@rambler.ru,
Азербайджанская государственная художественная академия,
г. Баку, Азербайджан

THE MAIN FEATURES OF THE ARRANGEMENT OF GRAVESTONES OF JALILABAD AND LANKARAN

N. A. Huseynova

Doktoral Applicant,
e-mail: guseynova_86@rambler.ru,
Azerbailan State Academy of Fine Arts,
Baku, Azerbaijan

Abstract. The article provides information about the artistic features of the monumental monuments of the southern regions of Azerbaijan, Jalilabad and Lankaran. The main feature of the gravestones in different regions of Azerbaijan is the use of various ornaments in their artistic arrangement. We can see these traditions on gravestones existing in the southern districts, Jalilabad and Lankaran.
The gravestones of the Jalilabad and Lankaran districts of the modern period now have a general character like other regions, which indicates a departure from ancient traditions. Unfortunately, deviation from traditions do not allow to this art to be presented at the proper level.
Keywords: monument; plastic; zoomorphic; memorial; grave; Jalilabad; Lankaran.

Начиная ещё с раннего средневековья различные сюжетные изображения человека и птиц, животных, заимствованных природных и геометрических форм орнаментации, как и в других видах декоративно-прикладного искусства, занимали широкое место в искусстве резьбы по камню, широко применяемое в оформлении надгробных памятников. Основная характерная особенность орнаментации надгробных плит различных районов Азербайджана заключается в использовании различного рода орнаментов для их художественного оформления. Эту традицию можно наблюдать на надгробьях Южного региона Азербайджана на территории районов Джалилабада и Ленкорани.

Древние традиции забыты в наше время, а переход к современной форме оформления в этих регионах привлекает внимание своими новыми художественными особенностями. Среди них шестиугольный надгробный памятник Джалилабадского кладбища привлекает внимание своей оригинальной художественной формой оформления. Художественные особенности конической формы лежащего камня, встречающиеся очень редко, а особенности резьбы по камню характерны именно для Южного региона. В отличие от изображений пяти или шести конечной звезды присущие надгробьям тюркского происхождения, представляет большой интерес форма шестиконечной звезды одинаково вырезанная в направлении задом на перёд. Известен факт, что на самом деле шестиконечная форма звезды иудейский символ “Magen-Dovid” (Звезда Да-

вида). Заселение на территории Азербайджана одного из древнейших народов иудеев, возрождение их художественных традиций хорош заметны на надгробьях, найденных на территории Джалиабада. Отверстие, направленное от центра вверх в пустоту, позволяет звезде простой формы выглядеть более выразительно.

Не обладая какими-либо элементами и орнаментальными особенностями просто обращая внимание на свою собственную форму, символическое значение надгробья отображало значение этнической группы. Это в полной степени даёт основание утверждать, что простые и чёткие изображения на надгробьях были выполнены не иудеями или другими народами, а именно азербайджанскими мастерами. Так как ещё с древности это искусство было широко распространено на территории Азербайджана и разработано в соответствии с особенностями декоративно-прикладного искусства каждого региона.

Исследуя особенности оформления надгробных плит Южного региона, как и среди надгробий других регионов можно встретить образцы эдентичного характера. Так, например женские могилы характеризовали ковровое покрытие, первоначальные швейные машины, ножницы и т. д. или изображения, отражающие различные боевые сцены, можно сказать, обобщаясь своей характерностью.

Во многих случаях встречаются произведения искусства, отличающиеся своей формой и характером привлекающие к себе внимание территориальной значимостью и оригинальностью. В этом случае построенная композиция, обогатившая художественное качество надгробий говорит о развитии и продолжении этого вида искусства художниками-мастерами. Например, обратим внимание на надгробный камень 18-го века, который является частью раскопок музея истории и этнографии города Ленкорань.

Как известно, образы шаманов, в изобразительном искусстве связаны с религиозными убеждениями тюркских племен, они также были обнаружены среди изображений на могильных камнях. Можно привести пример, одно из таких надгробий в размере 150x204 см относящимся к периоду раннего средневековья, на котором имеется изображение напоминающее человека перед костром с поднятыми вверх руками. Особенно привлекает внимание, что в головной части изображения четко выражены губы. В отличие от надгробий, не носящих орнаментальный характер, удлинённая форма могильной плиты присущая Ленкорани исполнена в виде скульптуры и таит в себе определённую особенность.

Отсутствие каких-либо очертаний или изображений в области головы человека может также объясняться последующей деформацией надгробья. Нижняя часть мемориальной статуи продолжается удлинённой четырёхугольной формой. В верхней же части покрывающие всю окружность оригинальные каллиграфические надписи, выгравированные с высоким мастерством. В общем, такие каллиграфические шрифты как осюлс, насх и насталиг в большинстве случаев встречаются на могильных плитах этой зоны.

Как уже отмечалось, на могилах тюркских народов существовали изображения дающие информацию об образе жизни умерших людей. Среди них своей формой привлекают внимание экспонаты музея Истории и Этнографии города Ленкорани надгробные камни, предположительно относящиеся к 18 веку. Особый интерес представляют изображения на могильной плите с плавно сужавшейся и переходящей от овальной формы верхней части к четырёхугольной нижней. Такие рельеф-

ные изображения на мужских могильных камнях можно встретить и среди надгробных памятников выполненных мастерами Ширван-Абшеронской школы. На таких мемориальных памятниках можно встретить изображения лошади, голубя, розария, молитвенника, гребня, гулабдана и другие. На одной из могильных плит Ленкоранского кладбища в верхней части изображена форма, напоминающая три простых лепестка цветка. Граница изголовья напоминает элемент в форме зигзага. Изображённый по центру толстый кинжал стилизованный растительными элементами даёт возможность предположить, что могила посвящена памяти воина. Изображения холодного оружия в разобщённом виде само по себе подчиняется структуре композиции, создавая гармонию и выражая тонкий вкус.

На одной из плит относящейся к середине 19 века найденной на территории Джалилабада имеется место для разжигания свечи. На таких могильных камнях обычно не встречаются сложные элементы или какие-либо других формы изображений. Привлекающее внимание наличие особого места для разжигания свечи в верхней части надгробья расценивается как наследие традиций огнепоклонства.

Надгробные камни районов Джалилабада и Ленкорани современного периода теперь имеют общий характер, как и у других регионов, что говорит об отступлении от древних традиций, что, к сожалению, говорит о существовании факта отдаления от древних черт этого искусства и невыполнение их на должном уровне. Однако существуют некоторые современные камни, орнаментация которых позволяет нам утверждать о преемственности древних традиций и в наше время, но более простым и понятным способом. Такие надгробья в основном относятся к середине 19 века. Например, обратим внимание на могильные камни на Джалилабадском кладбище. В верхней части могильной плиты привлекает внимание стилизованная форма растительных элементов в виде листка. Немного ниже по всему периметру надгробья чередование полукругов, если и не значительно, но всё же обогащает особенности его оформления. Расположена белая мраморная доска в виде книги, на которой указаны фамилия, имя, отчество умершего, дата его рождения и смерти. В нижней же части граница орнаментального характера, состоящая из геометрических элементов и изображение друг против друга птиц.

Естественно, что если мы и видим здесь в некоторой степени традиции искусства древней резьбы по камню, однако описанное выше надгробье можно рассматривать лишь как пример простейшей из простейших форм современного искусства современности.

Другой пример могильной плиты с Джалилабадского кладбища датируемой 20 веком в отличие от традиционных художественных элементов дизайна надгробных плит, привлекает внимание формой подсвечника, определяющей художественные традиции современного искусства.

В общем, художественное оформление многих могильных надгробий, принадлежащих к началу и середине 20-го века в других регионах Азербайджана, привлекает внимание своей оригинальностью. В этом смысле на удлинённой высокой надгробной плите, даже если мы и не встретим сложный орнаментальный узор или более богатое сюжетное изображение, изображения оформительского характера привлекают внимание своей выразительностью. В верхней части изголовья удлинённой прямоугольной формы, на округлых ступенчатых краях расположен подсвечник в форме цветка. Немного ниже, центральный треугольник, края решены элементами округлой формы по кругу и

по всей ширине плиты. В центральной части, привлекает внимание элемент в виде занавеса, на котором выгравирована информация об умершем. Совсем в нижней части плиты пустота, позволяющая чётко понять простые элементы орнаментальных границ высокого нижнего слоя. И в этой части маленькая удлинённая плита с выгравированным именем, фамилией и отчеством умершего.

Таким образом, изображения информативного характера нашли своё место среди современного искусства резьбы по камню в южном регионе. Надгробья этого периода отличаются своей информативностью, благодаря которой была известна деятельность, образ жизни, причина смерти усопшего. Правда, во многих регионах отличительная особенность надгробных плит заключалась в использовании изображений фигур лошади или растительного и геометрического орнамента среди элементов декора. Однако, переходя к более поздним периодам, мы видим, упрощение этих традиций, от раскрытого к обобщению.

Библиографический список

1. Кистенев Д. А. Экономический быт государственных крестьян Ленкоранского уезда Бакинской губернии. – МИЭБГКЗК, т. VII., Тиф., 1887. – С. 550.
2. Кистенев Д. А. Кустарная промышленность и посторонние заработки крестьян в Ленкоранском уезде. Труды КОСХ. Тифлис: 1891, № 9–10. – С. 405.
3. Нейматова М.С. Мемориальные памятники Азербайджана (XII-XIX веков). – Баку: Элм, 1981. – 39 с.
4. Эфенди Р. К источникам нашего пластического искусства // Гобустан, 1974, № 2. – С. 53–57.

Bibliograficheskij spisok

1. Kistenev D. A. E`konomicheskij by`t gosudarstvenny`x krest`yan Lenkoranskogo uezda Bakinskoj gubernii. – MIE`BGKZK, t. VII., Tif., 1887. – S. 550.
2. Kistenev D. A. Kustarnaya promy`shlennost` i postoronnie zarabotki krest`yan v Lenkoranskom uezde. Trudy` KOSX. Tiflis: 1891, № 9–10. – S. 405.
3. Nejmatova M.S. Memorial`ny`e pamyatniki Azerbajdzhana (XII-XIX vekov). – Baku: E`lm, 1981. – 39 s.
4. E`fendi R. K istochnikam nashego plasticheskogo iskusstva // Gobustan, 1974, № 2. – S. 53–57.

© Гусейнова Н. А., 2018.

УДК 5527

ФАКТОРЫ СОВМЕСТИМОСТИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ И МОНУМЕНТАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЫ АЗЕРБАЙДЖАНА

С. Г. Садыгов

Доктор Философии по искусствоведению, доцент,
e-mail: axundi_nigar@mail.ru,
Азербайджанская государственная академия художеств,
г. Баку, Азербайджан

FACTORS OF COMPATIBILITY OF URBAN ENVIRONMENT AND MONUMENTAL SCULPTURE OF AZERBAIJAN

S. G. Sadigov

PhD in Art Studies, assistant professor,
e-mail: qismetoglu@mail.ru,
Art Azerbaijan State Academy of Fine Art ,
Baku, Azerbaijan

Abstract. In this article placed an information about connection of monumental sculpture with urban environment. Development of modern Azerbaijan sculpture had begun since 20th years of XX century. Role of synthesis architecture and sculpture in an urban environment is quite extensive. The main aim – works of sculptor and architect are in close partnership and solving the most important problems of modern monumental art. Nowadays sculptors create sculptures and begin to look for place for them. Actually an architect and sculptor have to define the place and only after it should begin to create sculpture for this environment. This is one of main reasons of that why nowadays sculpture doesn't corresponds to environment.
Key words: sculpture; city; monumental; form; plastic.

Скульптура является одним из интересных видов изобразительного искусства, и широко распространена в жизни человека. Она в реальности отражает красоту, в свою очередь, формируя нашу память, вкус и наше понимание красоты. Скульптура Азербайджана была создана в процессе реализации монументального плана пропаганды и получила бесценные достижения. Творческие достижения азербайджанской скульптуры связаны с деятельностью талантливых мастеров зрелого, среднего и молодого поколений. Воспользовавшись опытом мирового искусства, наши скульпторы, продолжая традиции национального и международного пластического искусства, создали монументальные и станковые произведения охарактеризованные современностью и новизной.

В их творчестве явно присутствует тенденция к новым пластическим формам, созвучная с глубоким интересом к жизни народа, социальными и эстетическими требованиями времени.

Развитие современной скульптуры современного Азербайджана началось в 20-х годах XX века. В эти годы, с участием ряда российских скульпторов очень связавших своё творчество с Азербайджаном, в Баку были возведены памятники нашего выдающегося поэта М. А. Сабира, драматурга М. Ф. Ахундова и многих других личностей. Скульптуры Ю. Трипольская и С. Эрзия внесли новые тенденции в архитектурный облик нашего города.

Как правило, в 1920-х и начале 1940-х годов в создании и размещении статуй в Азербайджане было много недостатков, но этот период был очень важным периодом в нашей скульптурной истории. По крайней мере, в этот период был сделан первый шаг в монументальной скульптуре, и были проведены первые эксперименты в области её распределения в городской среде.

С конца 1930-х годов начинает появляться как наша национальная скульптура, так наши новые кадры как Фуад Абдуррахманов, Джалал Гарягды. Их имена упоминаются среди мастеров пластики. Работы, созданные Ф. Абдуррахмановым и К. Гарягды, и сегодня не утратили своей актуальности и придают архитектуре нашего города особую красоту.

В 1950-х и 1960-х годах ряды азербайджанских скульпторов обогатились новыми творческими силами. Работы нового поколения скульпторов, таких как Токай Мамедов, Омар Эльдаров, Хаят Абдуллаева, Мирали Миргасимов, Ибрагим Зейналов особенно отличаются от произведений талантливых скульпторов среднего поколения. Они значительно улучшили решение ряда проблем в области монументальной скульптуры. В работах этих мастеров, ощущаются художественные поиски, характерные для общего развития скульптуры того периода. Их работы также эстетичны и поучительны.

Эти годы примечательны также тем, что начиная с этого периода работы азербайджанских скульпторов завоевали славу и за пределами нашей республики. Скульптуры, созданные ими, возводятся во многих городах бывшего Союза, тем самым придавая красоту внешнему облику этих городов.

Монументальные скульптуры, созданные в 1970-х и 1980-х годах в городе Баку и других городах, областях и поселках, во многом способствовали развитию нашей монументальной скульптуры, а также обогатили архитектуру наших городов и регионов. Однако в этот период были обнаружены некоторые недостатки в размещении монументов. Например, идеологические и художественные требования не принимались во внимание в художественном дизайне микрорайонов Баку, новых жилых районах и недавно построенных городах, таких как Сумгаит и Мингечаур. Размещать скульптуры считалось законным лишь в центре города. Скульптурные работы не использовались в новых микрорайонах и жилых помещениях, им и развитию этой области не уделялось особого внимания. Более того, при размещении многих статуй их отношения не учитывалось их связь с окружающей средой. Среди них можно отметить Наримана Нариманова (Г. Гарягды), Имамаддина Насими (Т. Мамедова, И. Зейналова), «Раскрепощённая женщина» (Ф. Абдуррахманов). Памятник Н. Нариманова и так был размещён не в очень удачном месте, недавние строительные работы вокруг памятника Нариманова полностью нарушили внешний облик памятника и тем самым придали ему ненужный вид. Статуя «Раскрепощённой женщины» Ф. Абдуррахманова, первоначально если и гармонировала с пространством, после потеряв свой внешний облик как бы стала незаметной из за фона, которым послужило здание, построенное на этом месте. Когда здание было построено, статуя стала почти незаметной. Статуи нашего великого философа Насими и Джафара Джаббарли также стали жертвами современного урбанизма. Нет никакого синтеза с многоэтажным небоскребом, построенным вокруг статуи.

Все это еще раз доказывает, что единство скульптуры и архитектуры дает больший эффект лишь при успешном синтезе друг с другом. Монументальная

скульптура тесно взаимосвязана с градостроительством. Скульптура должна быть органически связана с архитектурным ансамблем любой местности и должна улучшать внешний вид города, района, площади или улицы и делать их более красивыми. Проблема единства скульптура архитектуры возникают именно отсюда, оба вида искусства дополняют и его обогащают друг друга, это и является важной проблемой.

Есть очень много способов разместить скульптуру. Чем более разнообразны формы их согласованности с окружающей средой, тем интереснее и привлекательнее они выглядят. Говоря о роли скульптуры в современном городе, нельзя забывать так же о сохранении и восстановлении древних памятников и старых скульптур. Скульптуры, установленные в Баку, сыграли важную роль в зарождении и развитии скульптурной школы в нашей стране. К скульптурам, ставшим живой историей нашего изобразительного искусства, нужно относиться с осторожностью и заботой.

Роль и синтез архитектуры и скульптуры в городских условиях обширны. Главная задача-работать со скульпторами в тесном сотрудничестве с архитектурными городами и решать самые важные проблемы современного монументального искусства. Главная задача – работа скульпторов в тесном сотрудничестве с архитекторами градостроителями это и есть и решение самых важных проблем современного монументального искусства. В наши дни скульпторы делают скульптуры и начинают искать место для их размещения. На самом деле, архитектор и скульптор должны определить место, а затем создать памятник скульптуры для этой среды. Это одна из главных причин, почему сегодняшняя скульптура не соответствует окружающей среде.

Считается, что каждый из памятников, возведенных в советское время, глубоко изучен создателями их жизни и творчества, создавая тем самым памятные образы этих выдающихся личностей. Следует отметить, что во время создания вышеупомянутых памятников авторы нашли уникальные композиции, позы, движения и пластические интерпретации, отметив основной вопрос, который мы обсуждаем на протяжении всего исследования.

В 1991 году, с обретением независимости, социально-политическая и культурная ситуация страны резко изменилась. Произошёл идеологический распад искусства прошлого. Другими словами, новые условия, отличающиеся от предыдущих, позволили всем создателям создать эстетический идеал новой эры независимости. Логично, что искусство периода независимости должно было отличаться от предыдущих ценностей.

С другой стороны, создателям приходилось прибегать к темам, к созданию произведений в разных жанрах, которые могли бы удовлетворить новую эстетическую потребность у людей, которые попробовали «сладость» независимости тем. На самом деле это была не лёгкая задача. Это, прежде всего, требовало от каждого создателя нового взгляда на мир и национальное искусство, его изучение и его применение в творчестве. Искусство новой эры, несомненно, должно было быть более эмоционально желанным для ее народа способно отражаться в художественном отношении страны и извлекать выгоду из полученной независимости.

На улицах и площадях городов многие памятники, которые играли непосредственную роль в формировании художественного вкуса общества, естественно, требовали, чтобы новые общественно-политические условия были более предсказуемыми для этого вопроса.

Сегодня следует подчеркнуть, что художественные образцы, созданные в контексте художественных произведений, в том числе скульптурные произведения, созданные в течение более двадцати лет, помимо нового значения идеологии, которая доминирует в этом пространстве, имеют разнообразный набор стилей и подчерков. Здесь следует отметить, что в искусстве независимости, работы, созданные в области скульптуры, обогащаются историей смыслом и содержанием нашего героического прошлого. Верно, что пока не созданы работы, произведения, которые могли бы в полной степени воплотить это события в жизнь, но можно надеяться, что они будут созданы в ближайшем будущем. Возведенные на улицах и площадях столицы в период независимости памятники также свидетельствуют о том, что они не были представлены на суд серьёзному специалисту, это и послужило нежелательному исходу. Такие работы ставятся в общественных местах, а не в музеях и выставках, где желающие могут на них посмотреть, в открытых взору пространствах, где общение с ними становится неизбежным.

Библиографический список

1. Агасой-Шарифова Х. Станковая скульптура Азербайджана в период независимости. Дис. – Баку, 2015.
2. Багиров В. Развитие в Азербайджане скульптуры мелкой формы. XX век. – Баку 2004.
3. Зейналов А. Роль скульптуры в городской среде // Палитра. 2014. 25 октября. – С. 15.
4. Алиев З. Кто должен выставлять скульптуру в городе // “Азадлыг” 2007. 4–5 марта. – С. 15.
5. Новрузова Д. Г. Скульптура Советского Азербайджана. – Баку, 1979. – 160 с.
6. Новрузова Д. Г. Образ нашего современника в творчестве азербайджанских скульпторов // Изв. Ан АзССР серия литературы, яз. и искусства. 1968. № 4. – С. 80–92.
7. Новрузова Д. Г. Скульптура в городах Азербайджана // Сб. «Искусство и быт». – М. : Советский художник, 1969. № 3.

Bibliograficheskij spisok

1. Agasoj-Sharifova X. Stankovaya skul`ptura Azerbajdzhana v period nezavisimosti. Dis. – Baku, 2015.
2. Bagirov V. Razvitie v Azerbajdzhane skul`ptury` melkoj formy`. XX vek. – Baku 2004.
3. Zejnalov A. Rol` skul`ptury` v gorodskoj srede // Palitra. 2014. 25 oktyabrya. – S. 15.
4. Aliev Z. Kto dolzhen vy`stavlyat` skul`pturu v gorode // “Azadly`g” 2007. 4–5 marta. – S. 15.
5. Novruzova D. G. Skul`ptura Sovetskogo Azerbajdzhana. – Baku, 1979. – 160 s.
6. Novruzova D. G. Obraz nashego sovremennika v tvorchestve azerbajdzhanskix skul`ptorov // Izv. An AzSSR seriya literatury`, yaz. i iskusstva. 1968. № 4. – S. 80–92.
7. Novruzova D. G. Skul`ptura v gorodax Azerbajdzhana // Sb. «Iskusstvo i by`t». – M. : Sovetskij xudozhnik, 1969. № 3.

© Садыгов С. Г., 2018.

УДК 5527

СТРОЕНИЕ ОРНАМЕНТАЛЬНО-ДЕКОРНОЙ КОМПОЗИЦИИ И ЦВЕТОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЗОДЧЕСТВА

С. Д. Тутаюк

Диссертант,
e-mail: axundi_nigar@mail.ru,
Азербайджанская государственная академия художеств,
г. Баку, Азербайджан

STRUCTURES AND COLOR SOLUTIONS OF THE ORNAMENTAL DECOR COMPOSITIONS IN RELIGIOUS ARCHITECTURAL MONUMENTS.

S. J. Tutayuk

Dissertant,
e-mail: axundi_nigar@mail.ru,
Azerbaijan State Academy of Fine Art,
Baku, Azerbaijan

Abstract. Artistic designs, epigraphic inscriptions, decor-color solutions and ornaments of architectural monuments attract attention by making magnificence on the surfaces they applied. It is also important to use the laws of harmony, symmetry, shaping and golden ratio proportionality in the decor solutions of religious architectural buildings accurately. For this purpose, compositional structure and color solutions of various ornaments applied in decor soltutions of Bibiheybat, Mirmovsum Agha and Heydar mosques is the main purpose of the article. Architecture is a unity of structure and artistic design. Looking at the history of architecture it becomes clear that the architectural design is used both decorative and constructive. One of the distinguishing features that differs religious architectural buildings from other architectural examples is decor and color solutions used in their architectural design. These statements are analyzed interactively in the article.
Keywords: epigraphic compositions; color solution; religious architectural buildings; architectural features; similar and distinctive features.

Еще в средние века наряду с эпиграфическими памятниками письменности, свидетельствующими об истории архитектурного сооружения, важное место занимала разработка основной части декорной композиции орнаментов и узоров.

В принципе, это истина, что художественное оформление архитектурных памятников, эпиграфические памятники, декорное оформление и орнаменты, создавая величие на применяемых плоскостях, вместе с этим привлекают внимание посещающих [4. с. 66–69]. Поэтому основной целью данной статьи было на основании мечетей Биби-Эйбат, Мир Мохсун Аги и Гейдара изучить применение при их декорном оформлении композиционного строения различных орнаментов и узоров, а также цветового эффекта.

Архитектура – это единство сооружения и художественного оформления [1, с. 1–157]. Когда обращаешся к истории зодчества, становится ясным, что декоративное и конструктивное оформление архитектурного сооружения ведется равномерно. Для выяснения этих архитектурных особенностей религиозных сооружений, исследования должны вестись на основании выделяющихся своей архитектурной и декорной особенностью соответствующих школ зодчества. Такой методологический подход ведется на основании оформления декорного синтеза мечети XII века в Биби-Эйбате, мавзолея Мир

Мохсун Аги и величественного памятника XXI века мечети Гейдара.

При исследовании этих сооружений становится ясным, что в средневеком религиозном зодчестве Азербайджана основным материалом для сооружения и декорного оформления были известняк и кирпич. Для Ширвано-Апшеронской школы зодчества характерны особая стойкость, простые и большей частью асимметричные композиции и простота архитектурного декорного оформления. Наряду с совместным применением в строительстве камня и кирпича памятники зодческих школ Аррана величием своих композиции и декорным оформлением имеют свои отличие. Это отличие большей частью проявляется в начале резьбой на камне геометрических и стилизованных видов растительности, а с XIII века и более поздние эпохи более наглядно выделяется резьба на камне реальных событий, цветов, людей и животных [2, с. 56–59].

По своим техническим возможностям, приятному цвету, прекрасной фактуре, выносливости атмосферным явлениям, применяемый в качестве облицовочного материала кирпич, давал возможность мастеру соответственно своей эпохе, создавать разнообразные богатые формы украшений [3, с. 56–59]. Известно, что применение кирпича в рельефной форме достигло свого наивысшего расцвета в зодчестве Азербайджана в XII столетии. Такая техника декора применения кирпича повышала цветовой колорит, что в итоге привело к узорному оформления, увеличивало возможности получения богатой композиции рельефный кирпичный декор, создавая на облицовке третье измерение в зодчестве Азербайджана, способствовал получению необходимого светового-теневого эффекта. Так, если обратить внимание на рисунки декорного оформления мечетей Биби-Эйбата, Мир Мохсун Аги и Гейдара, все это там наглядно на них можно проследить.

Декорные украшения межкирпичных плоскостей мечетей Биби-Эйбат и Мир Мохсун Аги имеют углубление, большинстве заполнены гажей и на этой поверхности бывают узоры растительного характера. В каждой из двух мечетей использование объемного кирпичного декора делает теневые узоры на нежной основе более замкнутыми и впечатлительными.

И наконец, являющаяся вершиной азербайджанского зодчества мечеть Гейдара, поставив точку в декорном украшении, является свидетельством сказанного. Не только в декорном офрмлении мечети Гейдара, но и во всем орнаментальном украшении архитектурных сооружений XII века, были созданы и использованы сложные и взаимопереплетающийся геометрические узоры, именуемые гирих. Узоры созданные посредством гирих позволяли создать более простые многоугольные и звездоподобные геометрические украшения. Подверженные строгим геометрическим законам эти узоры создаются многообразного ваимопереплетения линий и с XI–XIII украшения гирих занимают основное место в зодчестве Азербайджана.

Основным и новым этапом в азербайджнаском зодчестве с применением узоров гирих являются архитектурные сооружения школы Абу Бекра Мемара Аджеми, первое место среди которых занимает мавзолей Юсифа ибн Кусейра. Впоследствии с постройкой мечети Биби-Эйбат, Мир Мохсун Аги и мечети Гейдара показало какое видное место занимает использование украшений гирих при декорном оформлении орнаментов зданий. В каждой из трех мечетей при украшении как интерьеров и экстерьеров зданий наряду со сложными кирпичными узора-

ми гирих были применены и современные синтетические материалы, что соответствовало духу времени.

Естественно, в последующие эпохи были зодчие, которые умело применяли методы украшений эпохи XII века, в частности концепцию декорных узоров мавзолея Юсифа ибн Кусейра. Используя кирпичный метод гирих, они, развивая это творчество до своего апогея, фактически достигли его совершенства. Мы поэтому акцентируем на этой взаимосвязи, ибо от основанного еще в IX веке примеры гирихного творчества до нас не дошли, и поэтому исследователи вынуждены здесь обращаться к примерам зодчества XII века.

Исследования показывают, что начиная со средних веков на религиозных строения зодчества, в основном мечетях, при внутреннем и внешнем декорном оформлении особое место уделялось конструктивному и декоративному методам украшений. В каждую из этих эпох применение узоров, ритм их черт, красивое и гармоническое строение зависело от способностей создающих их мастера. Мечети со сложным декоративным оформлением, построенные в разные эпохи строились только из кирпича. Однако при строении мечети Гейдара для создания декорных композиций комлекса мечети, точнее при сооружении многранников и цилиндрических мечетей, а также других вспомогательных сооружений, использовали и современный строительный материал. Применяемая в азербайджанском зодчестве такая техника сооружения и декорного оформления всегда вызывала восхищение посещающих.

Как пример сказанному, можно указать что нынешнее декоративное оформление величественного комплеска мечети Мир Мохсун Аги в отличии от предшествующего строения был более украшено орнаментами изразцами бирюзового цвета. Принадлежащая к тебризской зодческой школе данная мечеть по своему цветовому и орнаментальному оформлению отличается своим способом обработки. Здесь, надпись входных дверей в двухэтажном здании является примером всего декорного и цветового оформления всей мечети. При внимательном изучении отдельных элементов мечети Мир Мохсун Аги, можно заметить характерные черты узоров, орнаментов, надписе куфическим почерков и т. д., характерные для школы Мемара Аджеми. Вся плоскость и основа мечети украшена геометрическими, эпиграфическими и растительными украшениями. Применение геометрическо кирпичного орнамента гирих с узорами, характерными для куфической эпиграфии, придают всему комплексу мечети особое украшение. А использование надписей с цитатами из сур и аятов Корана способны создавать у вникающих в эту сущность особые эстетические ценности. Обилие куфических надписей, их сложность и завершенность своим взаимопроникновением выделяют ее среди всех строений религиозного характера эпохи. Но по своей композиционной завершенности, по нежности зодческого оформления наряду с мечетью Мир Мохсун Аги и мечеть Биби-Эйбат, а также мечеть Гейдара могут считаться вершиной зодчества Азербайджана.

Таким образом, синтезируя декорное оформление архитектурных сооружений, можно заметить, при всем художественном различии, они были построены на основании общих математических законов. Известно, что все эти математические законы исходили из определенных логических и философских принципов. Следует отметить, что законы гармонии, принципы соотносительности, основы симметрии узоров композиции основывались на идеях му-

сульманского зодчества. Цветовое оформление этих строений как бы служило созданию взаимосвязи Божественной сущностью. Вся эта взаимосвязь человеческой и Божественной сущности возможна только мечети, где еще более укрепляется вера человека в Бога.

Библиографический список

1. Ализаде Г. М. Азербайджанское народное зодчество XIX–XX веков. – Баку, 1958. (на азербайджанском языке).
2. Джафар Гияси. Тюрбе Ханегах и архитектура Азербайджана в период Сельджука. Вестник Азербайджана, серия Литература, язык и искусство. Баку, 1977, № 4. (на азербайджанском языке).
3. Джафар Гияси. Архитектурные памятники в период Низами. Баку, 1991. (на азербайджанском языке).
4. Керимов К. С., Эфендиев Р. Ш. Искусство Азербайджана. – Баку, 1992. (на азербайджанском языке).

Bibliograficheskij spisok

1. Alizade G. M. Azerbajdzhanskoe narodnoe zodchestvo XIX–XX vekov. – Baku, 1958. (na azerbajdzhanskom yazy`ke).
2. Dzhafar Giyasi. Tyurbe Xanegax i arxitektura Azerbajdzhana v period Sel`dzhuka. Vestnik Azerbajdzhana, seriya Literatura, yazy`k i iskusstvo. Baku, 1977, № 4. (na azerbajdzhanskom yazy`ke).
3. Dzhafar Giyasi. Arxitekturny`e pamyatniki v period Nizami. Baku, 1991. (na azerbajdzhanskom yazy`ke).
4. Kerimov K. S., E`fendiev R. Sh. Iskusstvo Azerbajdzhana. – Baku, 1992. (na azerbajdzhanskom yazy`ke).

© Тутаюк С. Д., 2018.

Sociologické vědy

UDC 323

FEATURES OF THE STATE YOUTH POLICY IN UZBEKISTAN

N. Saydaliyeva
Candidate of philosophy sciences,
ORCID 0000-0002-9586-1668,
e-mail: nsajdalieva@inbox.ru,

M. Nazirov
researcher,
ORCID 0000-0001-6027-9910,
e-mail: muxtor.nazirov@bk.ru,
Tashkent State Institute of Oriental Studies,
Tashkent, Uzbekistan

Abstract. The article surveys the essence, legal foundation and main directions of the state youth policy in Uzbekistan. Features of effective interaction between state bodies, NGOs and other civil society institutions have been shown on the example of the Union of Youth of Uzbekistan. Assisting young people in effective socialization are considered as a priority of the state youth policy in Uzbekistan.
Keywords: Union of Youth of Uzbekistan; Strategy of Action; youth; state; society; state youth policy; social activity.

Uzbekistan has embarked on the construction of a modern democratic state with a strong civil society. This implies a qualitatively new level of relations between the state, society and the individual. In this context, youth is the driving force of development and an important factor of social stability in Uzbek society.

Young people have always been recognized as an active part of society. Care for young people in Uzbekistan has always been in the priority of state policy. Despite many socio-economic problems inherent in the "transition period" in Uzbekistan in the first years of independence, this issue had the highest priority. One of the first laws signed by the First President of the Republic of Uzbekistan, I. Karimov, was the Law "On the Fundamentals of State Youth Policy".

This Law, adopted on November 20, 1991, raised the issue of youth in the country at the level of state policy. For a long time this law served as a legal basis for the upbringing of a healthy, harmoniously developed generation in Uzbekistan.

In the years of independence, in order to create a suitable condition for the younger generation, national programs were developed that proclaim the social direction of the year. For example, 2008 was declared "Year of Youth" in 2010 – the "Year of harmoniously developed generation", in 2014 – the "Year of a healthy child", and in 2016 – the "Year of a healthy mother and baby".

Currently, more than 60 percent of the population in Uzbekistan is young. Therefore, the key priority of all social policy is the care of the upbringing of a harmoniously developed young generation.

The Constitution of the Republic of Uzbekistan has become a solid legal foundation in the sphere of youth. In the Constitution, for the first time in the history of Uzbek legislation, the right of the country's youth to engage in entrepreneurial activities on the basis of recognition of private property, social guarantees, including the right to work,

free general education and qualified medical care, was assigned to state bodies.

In the Basic Law of the country special attention is paid to the social institution of the family, the system of education, national and universal values. For example, Article 65 of the Constitution guarantees the equality of children before the law, regardless of the origin and civil status of parents, as well as the protection of motherhood and childhood by the state [1].

In general, over the years of independence, more than 20 laws, decrees and regulations directly related to the youth life were adopted. Especially, the Law "On State Youth Policy", adopted on September 14, 2016, created a solid legal basis for educating a developed, self-motivated, initiative and energetic youth who can take responsibility for the country's future, use their potential for the interests of the people, and realize their intellectual and creative potential.

In accordance with the law, state youth policy is a system of socio-economic, organizational and legal measures implemented by the state and providing for the creation of conditions for the social formation and development of the intellectual, creative and other potential of youth. The document refers to the youth of all people between the ages of 14 and 30 [2].

The Law defines the following main directions of the state youth policy in Uzbekistan: ensuring the rights, freedoms and legitimate interests of young people; protection of life and health of young people; assistance to the spiritual, intellectual, physical and moral development of youth; providing young people with affordable and quality education; creation of conditions for youth employment; education of the youth in the spirit of patriotism, civic-mindedness, tolerance, respect for laws, national and universal values, capable of resisting harmful influences and currents, with firm convictions and outlooks on life; protection of young people from actions that lead to the erosion of moral principles, the ideas of terrorism and religious extremism, separatism, fundamentalism, the cult of violence and cruelty; raising the level of legal awareness and legal culture of youth; support and stimulation of gifted and talented youth; creation of conditions for the development of youth entrepreneurship; formation of young people's desire for a healthy lifestyle, as well as the creation of conditions for organizing meaningful leisure for young people and the mass development of youth sports; implementation of an integrated system of measures for moral and material support of young families, creating decent housing and social conditions for them; development of cooperation with international organizations that carry out activities in realizing the rights and freedoms of youth.

State youth policy find their embodiment in state-supported works on the full support, vocational guidance and employment of unorganized youth, the prevention of crime and offenses among the younger generation, the return to a healthy life of citizens affected by various religious extremist movements.

Competitiveness of each state in the conditions of dynamic development of science and technology in the world depends on the level of intellectual development of youth and focus on the full realization of their talents and abilities. This issue is reflected in the Strategy of Action for the five priority development directions of the Republic of Uzbekistan in 2017–2021. The Strategy identified many important tasks to increase the social activity of youth in the process of deepening democratic reforms in the country. The emphasis was on employment and attraction of graduates of secondary special, professional and higher educational institutions to private business. Development has received the practice of targeted training of specialists, formation of quotas for admission

based on forecast indices of the development of economic sectors, conclusion quadripartite agreements with college graduates for their further employment [3].

Open dialogue with the young people of the central and local legislative and executive authorities contributes to the improvement of the social security system of youth, creation of decent housing and social conditions for young families.

At the initiative of the President of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev, an entirely new organization was created – the Union of Youth of Uzbekistan on the basis of the previously functioning youth social movement "Kamolot". The date of the creation of the Union, June 30, declared the Day of Youth.

The Union of Youth of Uzbekistan is called upon to become a structure that ensures effective interaction with state bodies, NGOs and other civil society institutions in the implementation of the state youth policy. At present, the deputies of regional and district khokims (*governors of regions*) on issues of youth policy, social development and spiritual enlightenment, deputy chiefs of the regional department of internal affairs on youth issues are appointed to their posts according to the recommendations of the Union of Youth of Uzbekistan.

As President Sh. Mirziyoyev emphasized, "The Union of Youth of Uzbekistan should become a unique center for training leading cadres for the state and society, a "social elevator" for young people. It needs to create a reserve of competent, enterprising and organizational, dedicated young leaders" [4]. For this purpose, in 2017, Institute for the Study of Youth Problems and the Training of Prospective Personnel was established at the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Uzbekistan.

Today young, promising personnel who have passed the school of the Union of Youth of Uzbekistan, possessing modern knowledge and skills, leadership qualities, are being appointed to senior positions in ministries and departments, large companies and banks, business associations. Only within a year on the basis of recommendations of the Youth Union of Uzbekistan, banks allocated 216 billion sums of concessional loans to almost 4 thousand 300 young boys and girls, more than 184 thousand 300 young people were employed. In order to stimulate active and energetic youth, serving as an example for all with their work, initiative and moral qualities, the state award "Mard o'g'lon" ("Valiant Son of the Motherland") and "Kelajak bunyodkori" ("Creator of the Future") medal were established [5].

The next big step in revealing the potential of young people and assisting them in effective socialization became the State Program "Yoshlar – kelajagimiz" ("Youth is our future"), approved on June 27, 2018 by a separate Decree of the President of the Republic of Uzbekistan. The State Program is aimed at providing youth employment through assistance and support in the implementation of youth business initiatives, start-ups, ideas and projects, training unemployed young people in demand in the labor market for specialties and business skills, as well as increasing social and economic activity of youth in whole [6].

From July 1, 2018, throughout the country the construction of the "Yosh Tadbirkorlar" ("Young Entrepreneurs") co-working centers began on the terms of public-private partnership. Such centers will provide young entrepreneurs with preferential rent of premises, office equipment and supplies, assistance in implementing initiatives, initiatives, ideas and business projects. Moreover, in the labor-surplus areas "Yoshlar Mehnat Guzari" ("Youth's Work Quarter") complexes are being built to create trade-household and small production sites.

Today unemployment and the difficult living conditions of the youth in the world

are causing the growth of violent extremism and radicalism.

As President S. Mirziyoyev noted in his speech at the 72nd session of the UN General Assembly in September 2017, ensuring conditions for the self-realization of the youth will create a barrier to the spread of the "virus" of the ideology of violence. In order to develop multilateral cooperation for social support of the young generation, protection of their rights and interests, the Uzbek leader proposed the development of the UN International Convention on the Rights of Youth [7].

This initiative of Uzbekistan is aimed at the formation of bases for the effective implementation of a large-scale international mechanism to combat the propaganda of terrorism in the context of globalization. This, in turn, contributes to the development of national action programs and the development of youth policy.

Sum up, Uzbekistan has taken a course to increase the role of youth in the sociopolitical life of society. Main goals of the state youth policy in Uzbekistan is to educate physically healthy, spiritually and intellectually developed youth who are independent and devoted to the Motherland, with firm life views. In this regard, open dialogue with youth is becoming the main mechanism for increasing the social activity of young people, their involvement in the processes of forming a modern, democratic state. In current conditions in Uzbekistan, youth can become an active force that can fully perceive new democratic values and in the future take responsibility for the development of the country.

Bibliography

1. Constitution of the Republic of Uzbekistan. (2017). – Tashkent : Uzbekistan, English version available at: http://constitution.uz/en
2. Law of the Republic of Uzbekistan "On State Youth Policy", September 14, 2016. *National legislation database //* Available at: www.lex.uz.
3. Strategy of Action on five priority directions of development of the Republic of Uzbekistan in 2017–2021 // Available at: www.lex.uz.
4. Mirziyoyev, Sh. M. (2017) *Milliy taraqqiyot yo'limizni qat'iyat bilan davom ettirib, yangi bosqichga ko'taramiz.* Vol.1. – Tashkent : Uzbekistan. – P. 520.
5. President congratulates the youth of Uzbekistan. 30/06/2018. *National news agency – UzA*. Available at: http://uza.uz/en/
6. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan "On the state program Yoshlar – kelajagimiz" (2018, June 27). *Official daily newspaper "Xalq so'zi" (The People's word).* Available at: www.xs.uz.
7. Speech of the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev at the 72nd session of the UN General Assembly. September 19, 2017. Available at: https://mfa.uz/en/.

© Saydaliyeva N., Nazirov M., 2018.

Politické vědy

UDK 304.44

ADMINISTRATION OF W. B. CLINTON AND REPUBLICAN MAJORITY IN CONGRESS

A. A. Razakov

Senior teacher,
National University of Uzbekistan,
ORDIC 0000-0002-2030-9625,
e-mail: adburasil@bk.ru,
Tashkent, Uzbekistan

Abstract. The article deals with the brief history of the two parties in the US Congress and their impact on the policies of the presidents. The focus of the article is on the republican majority in the US Congress and its influence on internal policy during the first period of the presidency of US President W. Clinton.
Keywords: congress; Republican Party; Democratic Party; interim elections; federal budget; social expenditures.

One of the main differences between the US Congress and European parliaments, the classic example of which is English, is the organization of the party system. The specificity of the American parliamentary party system is determined by the fact that the two main organizations exist on their own, while the struggle on various issues unfolds between groups, political alliances, coalitions that often depend little on the party membership of their participants. In practice, this means that two coalitions of the same party can play the role of political opponents, for example, the liberal coalition and the southern wing of the democratic faction.

At the same time, party membership is a very significant factor that consolidates the faction as a whole. The internal contradictions of the links that unite legislators into one faction, the absence of party ties in some issues and their presence in others make the problem of the party's role in the American Congress one of the most difficult. If we take the republican faction, then despite the internal contradiction between the moderate, the ultra-right and the conservatives, we can speak of greater unity in comparison with the democrats.

Democratic faction in Congress for half a century is the union of two opposing elements, the liberal-democratic coalition and the southern wing, and the southern, despite belonging to a democratic party, often vote against together with the Republicans.

Between these two party factions, as well as within the parties themselves, there are very serious differences on a number of specific problems, primarily in the sphere of state regulation of the economy and social life. The attitude to this complex of problems is still determined by the political spectrum of the Senate and the House of Representatives [6, p. 4].

It plays an important role in US political history and the relationship between the president and the congress. Depending on the majority of this or that political faction depends on the political and economic course of the state, both internal and external.

As for the relationship between the president and the congress, nothing fundamentally changed with the time of George Washing-

ton, as complex cooperation and confrontation between the executive and legislative branches became the main constant of the American government system. Much evidence shows that the fathers of the Constitution did not consider the presidency, but Congress as the central institution, and strengthened the president primarily in order to prevent the "tyranny of the majority" that they feared. Congress alone had the power of the wallet, the right of taxes and the budget, which alone allowed it to be managed at the national level [1, p. 19]. American history teaches that for the effective governance there should not be an insurmountable obstacle if the party of the president in one or even both houses of Congress is represented by a minority.

The situation is natural, when failure is not excluded, if the presidential party dominates the chamber of chairmen and in the senate. Capable presidents have always been taught, with the help of convictions or compromises, to find a majority in Congress to support their policies and reflect the parliamentarians' claims on power, if necessary veto [5, p. 33].

The relationship between the president and the congress depends on the majority of this or that party faction. Thus, at the beginning of the 20th century and before the "Great Depression", the majority in the congress belonged to the Republicans. Of the 15 convocations, the period of 1901–1931, 12 were republican. After the "new course" and until 1994, the majority in the House of Representatives belonged, as a rule, to a democratic party. Of all the congresses convened from 1932 to 1994, only in two – the 80th and 83rd (1947–1949 and 1953–1955) the Republican Party won the majority of seats in Congress, which was reflected by many researchers in the implementation of the program G. Truman's "Fair Course". In view of the republican majority in the congress, this program could not be implemented, but it pointed out the direction of expansion according to the European standards of the still undeveloped American social system [7, p. 437].

Two years after the election of the president from the Democratic Party, W. D. Clinton in 1992, Republicans in 1994 in the midterm elections, for the first time in 40 years, won the majority in the congress. In the Senate and in the House of Representatives, the Republican Party won the number of governors. Many analysts examined this as a conservative revolution in the legislative branch of power.

For the first time since the distant 1952, when the US President elected popular Dwight Eisenhower, the elections brought the Republicans a majority in both chambers of the congress. After the midterm elections in 1994, the Republican Party again after a long break took the majority in the Congress – 53 seats against 47 Democrats, and in the House of Representatives – 230 against 204 [2].

The result of the election stated that the losses of the Democrats are unprecedented and surpass even the record "post-Heat gate" loss of Republicans in 1974, depriving them of 43 seats in the House and 3 in the Senate.

During the midterm elections in 1994, a third of the states there were elections of governors and officials and local authorities. A separate feature of the elections was the fact that in many states local referendums were held simultaneously. In California, for example, a referendum was held on the issue of prohibiting the reception of illegal immigrants to work, and their children in school, depriving immigrants of social security.

In six states, a referendum on tax reform was conducted, nine in terms of tenure in government officials, and three in homosexual rights. Thus, the 1994 midterm elections that brought victory to the Republicans

showed an important part, a mechanism for securing the separation of power established in the American Constitution.

The reasons for the defeat of the Democrats in these midterm elections, many researchers call: voters' dissatisfaction with Clinton in the first two years of his reign, which affected the democratic party in midterm elections; Discontent with the neoliberal program implemented by the administration of the ruling party [3, p. 28–29]; However, such a statement did not contain a complete answer.

For many analysts, it was not clear why, after such a triumph of the Democrats in 1992, for two years, voters suddenly stopped being satisfied with them and the administration, why they cooled to the neo-liberal reforms of the Democratic Party.

Although during the time of Clinton's management, about 4 million new jobs were created by his administration, the deficit of the federal budget was reduced, the incomes of both private business and individual citizens increased. President W. Clinton himself attributed this to the success of the Democrats' program, and the Republicans considered America's recovery to be a natural continuation of the economic policy of the previous President, George W. Bush [2].

What was the reason for the Republicans' victory in the 1994-midterm elections? The reasons given do not give a complete picture of the situation. For clarity, it is necessary to consider the historical process of elections at various levels from local bodies to elections in the White House.

It so happens that periodically every 10–20 years there is a shift of the voters' pendulum, which leads to ballot boxes both at the level of the US president and at the level of the congress or local governor, a significant detachment of voters of the new generation.

In the 1994 congressional elections in the United States, Republicans and their supporters came up better than the Democrats. For more than three decades there has been a blurring of the traditional electoral base of the democratic party of the union – residents of large cities and African-Americans – southerners. Suburbanization is accompanied by a change in voter motivation. Public problems are increasingly perceived by them through the prism of their family, their neighborhood community. In their value orientations, the problems of education, social protection, environmental protection, etc. are brought to the forefront. At the same time, the approach to the methods of solving social problems and social policy of the state is changing. Voters do not support programs based on the principle of redistribution of social wealth, voters are less pleased when their money is distributed and spent outside the area where they live. Of all the types of social assistance to the poor, for example, they give great preference to such as the organization of public works [3, p. 28–29].

In the interim congressional elections of 1994, every third out of four voted Americans preferred candidates from the Republican Party.

After the election, the chairman of the republican committee of the congress, member of the House of Representatives L. Williams Pakson said: "Now it is in our power not only to prevent the adoption of bad laws, but also to influence the very agenda of the legislative process" [4].

Immediately after the election Clinton said at the press conference that he was "ready to adopt a number of provisions of the republican platform – the right of congressmen to impose on certain budget items, limiting the demand of politicians in office, reform of tax legislation and the social security system" [4].

But such a compromise was somewhat problematic. Firstly, he could compromise in the event that this would not impede economic growth, for example, in tax cuts without a reduction in spending items;

And, secondly, it would not have been possible, since a compromise could affect the interests of its voters. For example, when reforming the social security system, it would be difficult for Clinton to meet the Republicans' demands.

Clinton's compromise with the Republican majority in Congress was stipulated in his annual message "On the state of the country", with which he addressed the newly elected congress. In it, Clinton approved many of the basic ideas of the Republican program "Contract with America," one of the foundations of which was the need to lower taxes for the middle class, reducing the costs of the federal government.

Analyzing the political situation after the mid-term elections of 1994 and the arrival of Republicans in the Congress, one can say that the main struggle has developed around the "budgetary problems of the United States". Due to that, many of the intentions of Clinton's social and economic programs failed to be approved by their congress. The Republican majority in Congress, considered the allocation of additional funds from the budget for social needs, which would further aggravate the budget deficit.

The fierce struggle around the concept of a balanced budget broke out in 1995. The Republican Congress tried to carry out its own conception, which was based on the need to balance the federal budget for seven years, according to which the Republicans expected already in 2002 to have a surplus. Clinton also actively resisted the idea of a balanced budget, rightly equating it with the Republicans' attempts to break the "social contract" of F. D. Roosevelt [5].

However, by mid-June 1995, President Clinton had dramatically changed his position and agreed with the idea of balancing the federal budget, but he put forward his plan that the federal budget should have been balanced at a slower pace over 10 years by 2005.

In October 1995, the United States entered the next fiscal year of 1996 without a draft federal budget approved by the president. Republicans, relying on the majority in Congress and skillfully using the political positions of Clinton and his administration, took the initiative to use the law to raise the upper limit of US public debt to put pressure on the Clinton administration and force it to accept the "budget of seven years" of Republicans essentially on capitulatory terms. The administration refused to do this.

On November 19, 1995, the administration of the White House and the republican leadership of the congress, nevertheless, a compromise was reached at the expense of certain concessions of the democrats. The administration agreed with the idea of seven years instead of the ten upheld by it earlier. This victory of the Republicans turned out to be Pirrova. Since the end of 1995, the administration moved into a decisive budget counteroffensive, which had a sharp impact on the Clinton rating, which increased, i.e. the majority of Americans in early 1996, the year of the next election of the US president, and was inclined to lay the main blame for the budget crisis on the republican leadership of the congress [5].

The victory of the Republicans in 1994 in the midterm elections made great changes in the implementation of Clinton's programs aimed at social need. For the first time, there was a paradoxical situation, when the president is a representative of a democratic party, and the legislative power passed into the hands of a republican one. The Republicans did not hesitate to say that they intend to liquidate the main parts of social expenditures in order to restore the balance of the financial budget.

In the social program of W. D. Clinton planned such programs as expanding the al-

location for the production training of adolescents, expanding the system of maintaining childcare, creating additional jobs in the public sector for the unemployed. But even these insignificant programs Republicans considered a waste of money and in response put forward a shock therapy that provides for generally reducing expenditure for social needs. But this tactic of the Republicans led to the boomerang effect in the future - after braking Clinton's internal policy, this was reflected in the next US presidential election.

To justify partially not implemented domestic political promises, W. D. Clinton easily blamed on the republican congress, which was the main culprit of all the same unresolved problems. So W. D. Clinton, retaining the image of a political leader, and on the pre-election race in 1996, easily accused his contender R. Dole and his Republican Party of all those problems of the country's economy that the Clinton administration tried to solve in the first period of the presidential term [5]. Thus, the victory of the Republicans in the midterm elections in 1994 played a negative role in the subsequent presidential election in 1996, when voters preferred Democratic nominee WD Clinton and re-elected him for a second term.

Bibliography

1. Хайдеканс Ю. Возникновение и история института президентов Америки. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1997.
2. The Los Angeles Times. November, 1998.
3. Сигов Ю. Почему американцы не любят Билла Клинтона? // Новое время. – М., 1995. – № 6.
4. The New York Times November. 1994
5. Васильев В.С. Распадающийся социальный контракт Америки: бюджетные измерение // США: ЭПИ – экономика, политика, идеология. № 9, 1996.
6. Веремьева Е. М. Сдвиг вправо в конгрессе США. – М., 1985.
7. Рупипер Г-Й. Американские президенты / под ред. Ю. Хайдекинг. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1997. – С. 437.

Bibliography

1. Xajdekans Yu. Vozniknovenie i istoriya instituta prezidentov Ameriki. – Rostov-na-Donu : Feniks, 1997.
2. The Los Angeles Times. November, 1998.
3. Sigov Yu. Pochemu amerikancy ne lyubyat Billa Klintona? // Novoe vremya. – M., 1995. – № 6.
4. The New York Times November. 1994
5. Vasil`ev V.S. Raspadayushhijsya social`ny`j kontrakt Ameriki: byudzhetny`e izmerenie // SShA: E`PI – e`konomika, politika, ideologiya. № 9, 1996.
6. Verem`eva E. M. Sdvig vpravo v kongresse SShA. – M., 1985.
7. Rupiper G-J. Amerikanskie prezidenty` / pod red. Yu. Xajdeking. – Rostov-na-Donu : Feniks, 1997. – S. 437.

© Razakov A. A., 2018.

UDC 327.5.

THE SKRIPAL CASE: WAS IT A PROVOCATION OR AN ATTEMPT TO AVOID THE "RESPONSIBILITY"?

M. Schulz

Senior Researcher,
University of Cologne,
Cologne, Germany

Abstract. The article is focused on the reasons of aggravation of contradictions between Russia and Western countries based on the example of so-called "The Skripal case". Based on the analysis of the unfolding situation one can conclude that the Salisbury incident turned from a problem of interrelations between Russia and Great Britain into a global scandal. For the avoidance of further escalation, both parties must act strictly within the international law and in accordance with the rules of the Organization for the Prohibition of Chemical Weapons during the investigation of "The Skripal case".

Keywords: the Skripals; incident; Salisbury; contradictions between Great Britain and Russia; chemical attack; Syria; the Organization for the Prohibition of Chemical Weapons.

The aggravation of contradictions between Russia and Western countries rise recently an acute question concerning possible further escalation of tension, for the political interrelations of Moscow and Western countries go beyond the critical point more and more.

One of the main reasons of the aggravation of geopolitical tension between Russia and the West became the so-called "poisoning" of the former Russian spy Sergey Skripal and his daughter Yulia in Salisbury, as well as the consequences of this action, i.e. the deterioration of relations between Russia and Great Britain, and other Western countries.

"The Skripal case" is a sort of mirror image of permanent contradictions between Russia and the West. Great Britain together with its closest Western allies resorted to unfounded accusations towards Moscow in order to discredit Russian government and at the same time to divert the attention of its citizens from own internal difficulties and foreign policy failures more than once.

For example, as it is well known, "the Skripal case" appeared shortly before the so-called chemical attack in East Ghouta, Syria, where the Syrian government forces reportedly dropped chemical bombs on the settlement. Russia was proclaimed then as the "partner of the Beast", but of course, no clear evidence were provided. The suspicions that the "White helmets" faked this "action", were not rejected at all, for the videos from the field cause many questions within those who knows, how a real chemical attack looks alike.

In this regard, the opinion of the permanent representative of the Russian Federation on the UN Security Council Vasily Nebenzya that the accusations against Russia related to its involvement in the "poisoning" of the Skripals concern just the chemical dossier seems quite reasonable [1]. In the absence of any evidence of the chemical attack, Great Britain decided to redirect the public attention to the events in Salisbury. Thus, London achieved the pursued goal, i.e. the solidarity of the Western allies in formation of the "anti-Russian front". Well, the probable short-term goals are achieved: a serious diplomatic crisis between Russia and the West struck, and continuous flow of baseless allegations have been growing.

However, the allegations of Great Britain are totally unsubstantiated. Evidently, that is why London does not allow for joint investigation of this incident with the participation of Russia. Thus, Great Britain always declaring itself as an honest and just state, decided to show this time that rules of international laws are being adopted in order to break them further. Meanwhile, the Clause 2 of Article IX of the Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on their Destruction (CWC) contains clear instructions concerning the necessity of joint consultation in order to determine all the matters related to this Convention [2].

Undoubtedly, the violation of international law and attempts to mislead world public opinion did not go unnoticed. The citizens of Great Britain themselves post many letters to the Russian Embassy in London, which contain "apologies" for irresponsible and nearsighted policy of their government [3]. As for the political elite and experts of European countries, their positions have much in common with the opinions of ordinary people. For example, the speaker of parliamentary faction of Social Democratic Party of Germany (SDP) on internal policy Burkhard Lischka does not share the position of Chancellor Angela Merkel, he considers this incident to be "boomerang", which will be back to the EU and will lead to negative consequences, if the investigation does not prove the substantiating of allegations [4]. The director of military research institute of Ministry of Defense Bohuslav Šafář claimed that a substance similar to that one, what the Skripals were poisoned with, was produced and tested in his scientific and research institute. Of course, not everybody like such a truth, and Šafář was soon retired [5].

In the present situation, in order to avoid a further escalation of tension, which can lead to irreversible negative impacts, Russia need to continue acting strictly within the norms of international law, especially with regard to matters of usage of chemical weapon. It is important to promote observance of the rules of procedures of CWC during the investigation of "the Skripal case" and "Syrian dossier". In its turn, Great Britain must at least agree to the participation of Russia in the investigation of this incident, as well as abandon the policy of baseless allegations and threats, which undermine the credibility of its government not only on the global stage, but also within the state what is more serious.

Bibliography

1. http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3155420?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=en_GB
2. https://www.opcw.org/chemical-weapons-convention/articles/article-ix-consultations-cooperation-and-fact-finding/
3. https://twitter.com/RussianEmbassy/status/987649842397753344
4. http://www.spiegel.de/international/europe/britain-on-defensive-in-skripal-novichok-case-a-1201573.html
5. http://www.mocr.army.cz/informacni-servis/zpravodajstvi/ministryne-obrany-odvolala-reditele-vvu--s-p--143953/

© Schulz M., 2018.

RULES FOR AUTHORS

Articles are to be sent in electronic format to e-mail: sociosfera@seznam.cz. Page format: A4 (210x297mm). Margins: top, bottom, right – 2 cm, left – 3 cm. The text should be typed in 14 point font Times New Roman, 1.5 spaced, indented line – 1.25, Normal style. The title is typed in bold capital letters; central alignment. The second line comprises the initials and the family name of the author(s); central alignment. The third line comprises the name of the organization, city, country; central alignment. The methodical articles should indicate discipline and specialization of students for which these materials are developed. After a blank line the name of the article in English is printed. On the next line the name of the authors in English is printed. Next line name of the work place, city and country in English. After one line space comes the abstract in Eng-lish (600–800 characters) and a list of key words (5–10) in English. The text itself is typed after one line space. Graphs, figures, charts are included in the body of the article and count in its total volume. References should be given in square brackets. Bibliog-raphy comes after the text as a numbered list, in alphabetical order, one item per number. References should be inserted manually. Footnotes are not acceptable. The size of the article is 4–15 pages. The registration form is placed after the text of the article and is not included in its total volume. The name of the file should be given in Russian letters and consists of the conference code and initials and family name of the first author, for ex-ample: PP-German P. The payment confir-mation should be scanned and e-mailed, it should be entitled, for example PP-German P receipt.

Materials should be prepared in Microsoft Word, thoroughly proofread and edited.

Informathion about the authors

Family name, first name
Title, specialization
Place of employment
Position
ORCID
Contact address (with postal code)
Mobile phone number
E-mail
The required number of printed copies

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Материалы представляются в электронном виде на e-mail: **sociosfera@seznam.cz**. Каждая статья должна иметь **УДК**. Формат страницы А4 (210х297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегль) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, e-mail, выравнивание по центру. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке, e-mail. В статьях на английском языке дублировать название, автора и место работы автора на другом языке не надо. После пропущенной строки следует аннотация на английском (600–800 знаков) и ключевые слова (5–10) на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Источники и литература в списке перечисляются в алфавитном порядке, одному номеру соответствует 1 источник. Ссылки расставляются вручную. При необходимости допускают подстрочные сноски. Они должны быть оформлены таким же шрифтом, как и основной текст. Объем статьи может составлять 6–15 страниц. Сведения об авторе располагаются после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Авторы, не имеющие ученой степени, предоставляют отзыв научного руководителя или выписку заседания кафедры о рекомендации статьи к публикации.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word, тщательно выверены и отредактированы. Имя файла, отправляемого по e-mail, иметь вид ПП-ФИО, например: **ПП-Петров ИВ** или **PP-German P**. Файл со статьей должен быть с расширением doc или docx.

Сведения об авторе

Фамилия, имя, отчество
Ученая степень, специальность
Ученое звание
Место работы
Должность
Домашний адрес **с индексом**
Сотовый телефон
E-mail
Необходимое количество печатных экземпляров

ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ, КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ» В 2018–2019 ГОДАХ

Дата	Название
1–2 декабря 2018 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2018 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2018 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук
15–16 января 2019 г.	Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты
17–18 января 2019 г.	Развитие творческого потенциала личности и общества
20–21 января 2019 г.	Литература и искусство нового века: процесс трансформации и преемственность традиций
25–26 января 2019 г.	Региональные социогуманитарные исследования: история и современность
5–6 февраля 2019 г.	Актуальные социально-экономические проблемы развития трудовых отношений
10–11 февраля 2019 г.	Педагогические, психологические и социологические вопросы профессионализации личности
15–16 февраля 2019 г.	Психология XXI века: теория, практика, перспективы
16–17 февраля 2019 г.	Общество, культура, личность в современном мире
20–21 февраля 2019 г.	Инновации и современные педагогические технологии в системе образования
25–26 февраля 2019 г.	Экологическое образование и экологическая культура населения
1–2 марта 2019 г.	Национальные культуры в социальном пространстве и времени
3–4 марта 2019 г.	Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы
15–16 марта 2019 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2019 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2019 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2019 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2019 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2019 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира
10–11 апреля 2019 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2019 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
18–19 апреля 2019 г.	Актуальные аспекты педагогики и психологии начального образования
20–21 апреля 2019 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2019 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2019 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2019 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2019 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
10–11 мая 2019 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире

13–14 мая 2019 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2019 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2019 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2019 г.	Профессиональное становление будущего учителя в системе непрерывного образования: теория, практика и перспективы
25–26 мая 2019 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2019 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
10–11 сентября 2019 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2019 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2019 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2019 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2019 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2019 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2019 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2019 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2019 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2019 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2019 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2019 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2019 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2019 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2019 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2019 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2019 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2019 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
15–16 ноября 2019 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2019 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2019 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2019 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2019 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2019 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитраных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал **«Социосфера»**	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor	• Global Impact Factor – 1,687, • Scientific Indexin Services – 1,5, • Research Bible – 0,781, • Open Academic Journal Index – 0,5, • РИНЦ – 0,102.
Чешский научный журнал **«Paradigmata poznání»**	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor(Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия)	• General Impact Factor – 1,7636, • Scientific Indexin Services – 1,04, • Global Impact Factor – 0,844
Чешский научный журнал **«Ekonomické trendy»**	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия)	• Scientific Indexin Services – 0,72, • General Impact Factor – 1,5402
Чешский научный журнал **«Aktuální pedagogika»**	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США)	• Scientific Indexin Services – 0,832
Чешскийнаучныйжурнал **«Akademická psychologie»**	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США)	• Scientific Indexin Services – 0,725
Чешский научный и практический журнал **«Sociologie člověka»**	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США)	• Scientific Indexin Services – 0,75
Чешский научный и аналитический журнал **«Filologické vědomosti»**	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США)	• Scientific Indexin Services – 0,742

ИЗДАТЕЛЬСКИЕУСЛУГИНИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia
(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.
Academia Rerum Civilium – Vysoká škola politických a společenských věd

PARADIGMATA POZNÁNÍ

Interdisciplinární vědecký časopis

№ 4, 2018

Šéfredaktorka – Ilona G. Dorošina

Názory vyjádřené v této publikaci jsou názory autora a nemusí nutně odrážet stanovisko vydavatele. Autoři odpovídají za správnost publikovaných textů – fakta, čísla, citace, statistiky, vlastní jména a další informace.

Opinions expressed in this publication are those of the authors and do not necessarily reflect the opinion of the publisher. Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

Redaktorka – Ž. V. Kuznecova
Produkce – I. G. Balašova

Podepsáno v tisku 23.11.2018. 60×84/8 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavate llistů 12,8.
100 kopií.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
IČO 29133947
Tel. +420773177857
web site: http://sociosphera.com
e-mail: sociosfera@seznam.cz